Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Умберто Эко

Нулевой номер

Глава I

Суббота, 6 июня 1992 года, восемь утра

С утра не текла вода из крана.

Кап-кап, две младенческие отрыжки, дальше сухо.

Я сходил к соседке: нет, у них вроде все в порядке. Вы, наверно, общий кран у себя перекрыли, не иначе. Я? Да я не знаю, где он есть, этот общий кран. Я вообще сюда только что вселился, понимаете, я дома только ночую. Ничего себе! Так вы когда на неделю уезжаете, значит, не перекрываете воду с газом? В общем-то нет… Хорошенькое дело, дайте мне войти, я посмотрю.

Она открыла шкафчик под раковиной и что-то ткнула, и вода опять пошла. Видите? Там было перекрыто. Да? Прошу прощения. Голова уже не работает. Ничего, все бывает, тем более живете один, сингл!

И соседка покинула помещение на этой английской ноте.

Спокойствие. Полтергейстов не существует, они только в фильмах. Я и не сомнабула, так как и во сне не знал о существовании этого крана, а если бы знал, то закрутил бы в реальной жизни, потому что из душа все дни капало и это очень мне мешало спать, шлеп и шлеп в душевой кабине, так сходил с ума Шопен в Вальдемосе. И я просыпаюсь, и бреду в эту чертову ванную, и захлопываю две двери: которая из ванной и которая из спальни в коридор. Это не могло произойти, ну не знаю, от короткого замыкания… Замыкание не имеет отношения к кранам, у крана рукоять, на то она и рукоять, ее крутят рукой. Это не могла быть крыса, крысы краны не перекрывают. Там такое допотопное колесико металлическое. В этой квартире всему, что есть в ней, не меньше пятидесяти лет. Ржавое колесико. Только рукой можно было его завернуть. Как ни крути. Чьей рукой? Гуманоида? У меня нет дымохода, по которому могла бы забраться сюда обезьяна с улицы Морг.

Так, давай все опять по новой. Любое последствие имеет причину, так принято думать. Чудеса исключаются в принципе. Не станет Вседержитель морочить себе голову моим душем, это не Красное море. Ищем в мире рационального: рациональное следствие, рациональная причина. Вчера перед сном я принял штильнокс. Запил водой. Значит, вода вчера шла из крана. А сегодня не идет. Следовательно, друг Уотсон, она была перекрыта ночью кем-то. Не мной. Этот кто-то или эти кто-то влезли ко мне в квартиру и небось опасались, что не они меня разбудят (будучи на мягких лапах), а что разбудит меня капанье из душа, которое и им сильно действовало на нервы.

Небось подумали: неровен час, капли меня разбудят.

И проявили смекалку. Перекрыли, как постоянно делает и моя соседка, всю в квартире воду.

Ну и что? Перекрыли – и что?

Книги в обычном порядке, в обычном беспорядке. Если бы здесь потрудились тайные службы всего мира и все насквозь перелистали, я бы, ей-богу, ничего не заметил. Бессмысленно лазить по ящикам, шкафам. Если они что-то выведывали, их мог интересовать только компьютер.

Может статься, они для экономии времени просто перекопировали все и ушли. И сейчас сидят, открывают файлы, постепенно убеждаясь, что в файлах нет совершенно ничего интересного.

Что они искали? Совершенно ясно – то есть я хочу сказать, что другого объяснения не вижу, – искали что-то о газете. Они же не идиоты. Предположили, что я копировал работу, которую мы делали в редакции. А следовательно, что, если я получил какие-то сведения от пресловутого Браггадоччо, я их тоже якобы скопировал. На диск или дискету. Нечего и сомневаться: этой ночью они должны были наведаться и в редакцию. В которой они дискет не нашли. И теперь они думают-гадают (задним числом) и переживают, решив, что у меня дискета лежала в кармане. Ну мы же и идиоты, шипят они теперь сами себе. Не проверили карманы пальто.

Идиоты? Ничтожества. Будь они хоть кем-нибудь, не занимались бы подобной деятельностью, это уж точно.

Теперь попробуют опять, по принципу похищенного письма. Наскочат на улице,

разыграют случайное ограбление. Надо их упредить. Давай-ка я отправлю этот диск сам себе до востребования, а востребовать его погожу.
Какой диск? Никакого диска нет в природе.
Ну и глупости приходят мне в голову, учитывая, что труп уже налицо, а Симеи ударился в бега. Их не интересует, знаю ли я что-нибудь и что я знаю. Они уберут меня для порядка, на всякий случай. И я даже не могу послать в газеты объявление, что об известном деле мне ничего не известно, потому что если я посылаю подобное объявление, значит, известно же мне хоть что-нибудь.
Как я вляпался в эту историю?
Виноваты во всем, ясное дело, профессор Ди Самис и мое знание немецкого. Почему я связываю все это с Ди Самисом, а также с обстановкой сорокалетней давности? Потому что именно из-за Ди Самиса не защитил в свое время диплом. А в эту историю сейчас я влез, потому что в свое время диплом не защитил. Анна ушла спустя два года после женитьбы именно потому, что осознала (ее собственные слова), что я безнадежный неудачник. Интересно, кем же я казался ей до того. Когда ухаживал.
Я не защитил диплом, потому что с детства знал немецкий язык. У меня была тирольская бабушка. В детстве я говорил с ней по-немецки. И с первого курса я стал подрабатывать – переводить книги с немецкого. В те времена кто знал немецкий, тот уже имел профессию. Можно было читать и переводить книги, которые другие не понимали (а тогда эти книги считалось важным цитировать в диссертациях), и платили за это лучше, чем за французский и даже за английский. В сегодняшние времена в аналогичной роли выступают китайский и русский.
Однако, к сожалению, одно из двух: или ты переводил с немецкого, или ты кончал университет. Одно было с другим несовместимо. Те, кто переводили книги, сидели дома в приятном тепле или в приятной прохладе, в тапочках, и познавали много вещей. Какой для них смысл имело ходить на лекции в университет?
От чистой лени я поступил на германистику. Можно будет там не перенапрягаться, думал я, потому что я и так уже все знаю. Среди профессуры в те времена главенствовал профессор Ди Самис. Он сидел в так называемом «орлином гнезде» на верху барочного здания, находившегося в аварийном состоянии, куда взбирались по циклопической лестнице и попадали в гомерический холл. Оттуда открывалась дверь в помещение Ди Самиса и вторая дверь в Актовый зал, как его пышно именовал сам Ди Самис: попросту говоря – в аудиторию, рассчитанную на пятьдесят человек.
Заходить к Ди Самису можно было только надев фланелевые шлепанцы. В предбаннике имелось некоторое их количество, для лаборантов и двух-трех студентов. Кому шлепанцев не доставалось, тот ждал за дверью. Все поверхности были густо намазаны мастикой. Похоже, что и книги. Может, даже и физиономии лаборантов, давно состарившихся за годы, которые они дожидались, когда же их возьмут на кафедру.
В Зале был высокий потолок над готическими окнами (я так и не понял, почему они готические в барочном палаццо). В окнах были зеленые витражи. В условленный час, а именно в час четырнадцать, профессор Ди Самис покидал свое рабочее помещение, сопровождаемый, в трех шагах позади, старшим лаборантом, а еще в шести шагах – лаборантами помоложе, из тех, кому было лет пятьдесят или даже меньше.
Старший лаборант нес за Ди Самисом книги. Молодые несли магнитофон, из тех, которые производились в пятидесятые годы, размером с «роллс-ройс». Профессор превращал десять метров между своими владениями и Залом метров в двадцать. Он не шел по прямой, а выписывал дугу, назовем ее параболой или эллипсом, возглашая: «Ну здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!» Попав в аудиторию, он усаживался на некий покрытый резьбою насест, и все замирало в ожидании торжественного вступления в стиле «Называйте меня Измаил». Зеленый свет, проходя через зеленые витражи, придавал трупный вид его злорадно улыбающемуся лицу. Лаборанты налаживали магнитофон. И вот, с зачина «В противоположность утверждению достоуважаемого профессора Боккардо…» брала начало двухчасовая лекция. Зеленый свет наводил на меня зеленую тоску. То же самое читалось в глазах лаборантов. Я всеми нервами ощущал, как они страдают. По окончании второго часа, вслед за тем как мы, студенты, пулями вылетали из Зала, профессор Ди Самис заставлял помощников отматывать ленту в начало, слезал с насеста, демократично усаживался в первом ряду рядом с ассистентами, и все они вместе переслушивали с первого до последнего слова двухчасовую лекцию, причем профессор удовлетворенно кивал на любой пассаж, казавшийся ему существенным. Мне кажется необходимым добавить, что курс был посвящен проблемам перевода Библии Лютером на немецкий язык.
«Охренеть до чего увлекательно», – ерничали мои сокурсники, закатывая

глаза. В определенный момент я (редко появлявшийся на лекциях) спросил профессора, утвердит ли он мне тему диплома «Ирония у Гейне». У Гейне здорово получалось иронизировать над любовными невезениями, поэтому я хотел изучить его метод, чтобы применять к невезениям собственным. «Юноши, юноши, – сокрушенно прошелестел профессор. – Все норовите изучать что-то сегодняшнее…»
Я отчетливо понял, что у Ди Самиса мне диплома не написать.
Имелся еще профессор Ферио, помоложе, с репутацией большого умницы. Он занимался романтизмом и около того. Но люди с опытом меня предупредили, что на дипломе мне все равно не избежать Ди Самиса, потому что если он не будет руководителем, то будет оппонентом, и поэтому ни в коем случае нельзя обращаться к профессору Ферио в официальном порядке, ибо Ди Самису это немедленно доложат и он на меня затаит. Действовать надлежало с великим хитроумием, чтобы профессор Ферио сам предложил мне защищаться у него, тогда Ди Самис затаит не на меня, а на Ферио. Самис и так уже ненавидел Ферио по той простой причине, что в свое время сам пригрел его и взял на преподавательскую должность. В университетах (и тогда, и, полагаю, сейчас) дело устроено обратным образом по отношению к жизни: не дети ненавидят отцов, а отцы детей.
Я замыслил подкатиться к Ферио как-нибудь непринужденно, во время одного из ежемесячных заседаний, которые Ди Самис устраивал в своем Актовом зале и в которых участвовали многие преподаватели, потому что он обычно приглашал с выступлениями каких-нибудь светил. Обставлялось это так. Сначала выступление, потом обсуждение, на котором открывали рот исключительно преподаватели, а потом вся верхушка шла ужинать в ресторан «У Черепахи», лучший в квартале, со старинным антуражем и подавальщиками во фраках. Из «орлиного гнезда» в обиталище черепахи вела длинная улица с навесом и колоннами, потом пересекали средневековую площадь, заворачивали за угол пышного дворца и переходили еще одну площадюшку помельче. Через портик ораторы шествовали в сопровождении профессуры высшего эшелона, сзади следовали старшие преподаватели, за ними лаборанты, в хвосте – самые неробкие из студентов. На средневековой площади студенты отсеивались. Под стенами дворца откланивались лаборанты. Преподаватели доводили боссов до маленькой площади, до самого ресторана, и там происходило прощание: в ресторан бывали допущены только приглашенный профессор и все, кто в ранге завкафедрой.
До той поры профессор Ферио и знать не знал о моем существовании. А мне уже университет опостылел настолько, что я вообще туда не ходил. Переводил себе дома без продыху… Переводчикам полагается жить по принципу «бери, что дают». Так что я перелагал сладостным новым стилем трехтомник о роли Фридриха Листа в функционировании Zollverein (Немецкого таможенного общества). Это, конечно, объясняет, почему и толмачество с немецкого я тоже бросил. Но в университет возвращаться мне уже было поздно.
Беда, что в этом сам себе не отдаешь отчета. Живешь и думаешь, что в один прекрасный день возьмешь и сдашь все экзамены и защитишь диплом. Кто вот так вот витает в облаке несбыточных надежд, тот уже, что называется, лузер. Обнаружив это, человек и вовсе опускает руки. Я нанялся репетитором к немецкому оболтусу, слишком глупому, чтобы ходить в школу. В Энгадине. Чудный климат, вполне приемлемое одиночество, я продержался у них год, потому что платили. Но однажды его мамаша зажала меня в коридоре, дав понять, что была бы не прочь установить со мной еще более близкие отношения. У нее торчали зубы и имелись небольшие усики, поэтому я вежливо отклонил. Через три дня меня выгнали с работы, потому что мой ученик не улучшал успеваемость.
Тогда я сделался писакой. Я хотел бы печататься в газетах, но публиковали меня только в районном листке: рецензии на постановки провинциальных театров и на приезжих гастролеров. Рецензировал за гроши концертный дивертисмент, что давало мне возможность проходить за кулисы и пялиться сколько угодно на танцовщиц, одетых в матроски, с очаровательным целлюлитом, а потом увязываться за ними в столовую, где они ужинали кофе с молоком, а когда хватало денег, и яичницей. Там я потерял невинность в объятиях певицы, которая получила за это в награду благосклонную заметку в многотиражке города Салуццо, и этого ей совершенно хватило.
Не было у меня и определенного местожительства. Я сменил несколько городов до Милана (куда попал только благодаря Симеи). Я вычитывал верстки для издательств… специализированных, конечно. В большие издательства меня не брали. Отредактировал ряд статей в энциклопедии (проверка данных, дат, названий, сносок и т. д.).
Все эти работы сделали из меня, что называется, энциклопедически образованную личность. Неудачники (и самоучки) по знаниям всегда превосходят человека преуспевающего, ибо тому достаточно преуспевать в

чем-нибудь одном, он не тратит время на прочее; а энциклопедичность – признак невезучести. Чем больше вошло кому-то в голову, тем меньше у него вышло в реальной жизни.
Мне посылали на чтение рукописи из издательств (иногда даже из крупных), потому что сами издатели рукописи не читают. Платили пять тысяч лир за штуку. В первый день, валяясь на постели, я свирепо грыз очередную рукопись, во второй – накатывал внутреннюю рецензию на две страницы, давая выход всему сарказму, какой имелся во мне, и топча неосторожного автора. В издательстве переводили дух, отвечали неосторожному, что с сожалением вынуждены отклонить. Вот. Профессией может быть, как видим, чтение произведений, заведомо не предназначенных к публикации.
Тем временем началось и кончилось все то, что произошло с Анной. Иначе кончиться не могло. С тех пор мне так и не удалось (да я и не стремился) с интересом подумать о романе с женщиной. Боялся! Что касается проблемы пола, она решалась в терапевтических целях путем, что называется, случайных связей, без риска привязаться, на ночь, на две, спасибо, это было просто чудесно. Иногда даже и за деньги, чтобы не изводиться от неудовлетворенного желания (танцорки меня вполне примирили с целлюлитом).
Все это время я мечтал ровно о том, о чем мечтают все на свете неудачники. О книге, которая открыла бы для меня двери славы и богатства. Чтоб научиться, чтоб стать большим писателем, я даже некоторое время работал негром (или гострайтером, как говорят сейчас, чтоб было пополиткорректней) у одного детективщика, который, в свою очередь, выходил под несобственным именем, под именем американца, как артисты спагетти-вестернов. Мне очень нравилось работать в подобной тени (под маской Иного, маскировавшегося Иным). Сочинять детективы было занятием легче легкого, достаточно было повторять стилистику Чандлера или на худой конец Спиллейна. Но когда я попробовал набросать кое-что свое, я понял, что любое описание пропускаю через художественный прецедент; я не могу сказать, что герой гуляет в ясный и солнечный полдень, а говорю «гуляет в пейзаже Каналетто». Так же работал и Д'Аннунцио. Желая сказать, что некая Костанца Ландбрук была такой-то и сякой-то, он делает ее «похожей на создания Томаса Лоуренса». Елену Мути он описывает как существо, чьи черты напоминают профили молодого Гюстава Моро. Андреа Сперелли приводит ему на память «Портрет неизвестного» из галереи Боргезе. Поэтому, чтобы читать Д'Аннунцио, надо иметь под рукой альбомы по истории искусства всех времен и народов.
Если Д'Аннунцио был скверный писатель, это не значило, что таким же скверным должен стать и я. Чтоб защититься от угрозы цитирования, я решил ничего не писать.
В общем, о моей жизни нечего было сказать. По крайней мере ничего хорошего. Так мне исполнилось пятьдесят – и тут пришло приглашение от Симеи. Терять было нечего. Было естественно согласиться и попробовать.
Ну и что теперь делать, коли так? Высунуть нос отсюда – рискую немало. Лучше уж затаиться и ждать. Они, поди, окружили дом. Как только высунусь… А я не высунусь. В кухне есть несколько пакетов крекеров и мясные консервы. Со вчерашнего вечера оставалось еще полбутылки виски. День, конечно, продержусь. Даже не день, а два дня. Налью себе на два пальца (а потом, если надо, и еще на два пальца, только, чур, не надо с утра, потому что с утра выпьешь – дуреешь). И постепенно я вернусь к самому началу этой истории, и никакая дискета не нужна, потому что я помню все, до самых мелочей, по меньшей мере – сейчас, в данный момент помню.
Смертельный страх замечательно освежает память.
Глава II
Понедельник, 6 апреля 1992 года
У Симеи было лицо с чужого плеча. То есть я хочу сказать, я никогда не способен вспомнить, какая именно фамилия у всяких Росси, Брамбилл или Коломбо, а также у разных Мадзини и Мандзони, помню только, что фамилии у них с чужого плеча.
Аналогично насчет Симеи я совершенно не способен вспомнить, какое у него лицо, потому что оно у него чье-то чужое. Можно сказать, всехнее.
– Книгу? – переспросил я.
– Книгу. Мемуары журналиста. Воспоминания. Летопись одного года, отданного подготовке издания, которое в конце концов так и не увидело свет. Это издание – газета. Рабочее название газеты – «Завтра». Намек на наших правителей, которые вечно все откладывают на потом. Так что книга будет называться «Вчерашнее завтра». Шикарно, да?
– И вы хотите, чтобы ее писал я? Почему, например, не вы? Вы ведь журналист? Если вы собираетесь руководить газетой…
– Руководить не значит уметь писать. Министр обороны не обязательно умеет нацеливать ракеты. Конечно, в течение года мы будем день за днем вместе обсуждать книгу. От вас потребуются блеск, огонек, а в общих чертах

определять направление буду я.
– То есть книга выйдет за двумя подписями, Колонна интервьюирует Симеи?
– Нет-нет, дорогой Колонна, книга будет подписана только мной. Вам же по окончании работы надлежит немедленно испариться. Вас приглашают, извините, на роль негра. У Дюма были негры, и не вижу, отчего бы их не иметь и мне.
– Почему именно я?
– Потому что у вас есть талант писателя…
– Спасибо.
– …но никто и никогда этого не замечал.
– Еще раз спасибо.
– Уж извините. До сих пор вы работали в областной периодике, батрачили на провинциальные издательские конторы, написали роман за другого человека… не спрашивайте, как я выяснил это, но роман ваш я видел, даже держал в руках, недурной стиль. В пятьдесят лет вы срываетесь с места и мчитесь сюда, как только слышите, что я в принципе готов дать вам работу. Значит, хотя вы способны писать и знаете, что такое книги, ваши дела явно не фонтан. Нечего стыдиться. Вот и я ведь тоже решил открыть газету, у которой нет никакого будущего. А почему? Потому что меня никогда не выдвигали на Пулитцеровскую премию. Потому что все, что я издал за всю жизнь, – сначала спортивный еженедельник, а потом журнал для мужчин…
– Но я ведь могу упереться, ответить отказом.
– Не упретесь. Я предлагаю вам год с окладом шесть миллионов лир в месяц наличными, вчерную.
– Немало для писателя-неудачника. А что потом?
– А потом, когда вы сдадите мне текст готовой книги, ну, скажем, через шесть месяцев по окончании эксперимента, я выплачиваю еще десять миллионов наличными вчерную. Без налогов и формальностей. Это уж лично от меня.
– А потом?
– А потом дело хозяйское. Если вы не протратите гонорары на женщин, скачки и шампанское, то за эти полтора года у вас образуются восемьдесят миллионов, причем наличными. Сможете вздохнуть спокойнее.
– Минуточку. Если вы предлагаете шесть миллионов мне, то, простите, какой же оклад у вас… Плюс еще другие редакторы, и производственные расходы, и печать, и оптовики… И как я могу поверить, что есть такой спонсор или заказчик, который готов платить целый год за эксперимент, ничего для себя не получая?
– А с чего вы взяли, что «ничего не получая»? Заказчик совсем не в убытке. Это я окажусь в убытке, когда в конце концов газетенка не выйдет… Разумеется, есть вариант, что в конце концов заказчик решит действительно выпустить газету. Но тогда дело превратится в нечто настоящее, серьезное, и вряд ли заказчик захочет, чтобы этим продолжал заниматься я. Так что давайте примем как рабочую версию, что примерно через год заказчик решит, что эксперимент исчерпался и можно закрывать лавочку. Ну и вот, он закрывает, тут и возникаю я со своей публикацией. Публикация вызывает скандал и приносит мне кучу потиражных. Или же, наоборот, к примеру, кто-либо решает воспрепятствовать моей публикации и выплачивает мне разовую компенсацию. Тоже без налогов и формальностей.
– Ясно. Однако все-таки, если вы хотите задействовать меня на всю катушку, хорошо бы мне понимать, кто платит, зачем мы делаем это пресловутое «Завтра», почему оно потом не выйдет и что вы собираетесь рассказывать в книге, которую, без ложной скромности, буду писать за вас я.
– Ну, платит коммендатор Вимеркате. Я думаю, вам небезызвестно…
– Небезызвестно. Ваш Вимеркате любимый персонаж фельетонов. У него десятки гостиниц на Адриатике, богадельни и еще какие-то бизнесы, о которых много чего говорят, а также частные каналы телевидения, эти каналы вещают по ночам после одиннадцати и показывают аукционы, распродажи и полуголых девиц.
– Прессой он тоже занимается.
– Глянцевые журналы, сплетни, хроника частной жизни звезд, «Через скважину», еженедельники черной хроники в духе «Иллюстрированные злодейства», всякая дрянь, трэш.
– Ну… не только. У него еще и публикации по интересам, садоводство, путешествия, «Четыре колеса», «Ветер и паруса», «Домашний доктор». В общем, владеет империей. Скажите лучше, вам этот офис нравится? Тут даже вон, смотрите, какой стоит фикус. Такие фикусы стоят у всех начальников на телевидении. Соседнее помещение – оупен-спейс, как принято это называть в Америке. Редакторы будут в оупен-спейсе, а вы будете в отдельной выгородке, не очень большой, но пристойной. Дальше – архивный зал. И все это нам предоставляется бесплатно. Все это здание целиком принадлежит коммендатору. К тому же производство и печать нулевых номеров намечено выполнять за счет мощностей остальной периодики. По части затрат это для нас оптимально,

по-божески. Контора в центре. Сравните, где сидят другие большие газеты. К ним вообще не доехать, метро с двумя пересадками и автобус от метро.
– Чего же хочет коммендатор от этого эксперимента?
– Коммендатор рассчитывает войти в круги солидных бизнесменов, банкиров и крупных журналистов. Для этой цели он планирует выпустить периодическое издание, где будет достоверно освещаться все на свете. Без всякой утайки. Делаем двенадцать нулевых номеров, 0 / 1, 0 / 2, соответственно до двенадцати, ограниченным тиражом, в таком ключе, чтобы наши «публикации без утайки» попадали в руки прицельно отобранных людей. Как только коммендатор четко даст понять, что он способен существенно прижать… нашими «публикациями без утайки»… хвост кругам солидных бизнесменов, банкиров и крупных журналистов… круги, по идее, обратятся к коммендатору, чтобы он отказался от проекта. Коммендатор передумает выпускать «Завтра» и с радостью войдет в круги бизнесменов, банкиров и прочих крупных шишек. Условно предположим, например, что это отобразится в паре процентов акций крупной газеты, банка или телеканала…
Я присвистнул:
– Два процента – обалдеть! У него что, есть такие деньги?
– Ну есть или нет… Вы же понимаете. Это все пока что в плане принципиального соглашения. Главное – договориться о покупке. Деньги потом где-нибудь найдутся.
– Понимаю. И понимаю, что все это способно выстрелить только в случае, если коммендатор не подаст виду, что газета не собирается выходить. Кругом должны думать, что все кипит, клацают ротационные машины…
– Естественно. Что газета не выйдет, об этом Вимеркате не сказал даже мне. Я сам догадался. Даже не догадался, а просто знаю. Сотрудникам… с сотрудниками вы обязательно познакомитесь завтра… об этом никак знать нельзя. Пусть думают, что мы закладываем фундамент их жизненного благополучия. В курсе дела только вы и я.
– Но вам какая польза оттого, что у вас будет летопись, как вы в течение года подбирали шантажные факты для коммендатора?
– Лучше не надо таких вот слов, ну что такое, «шантаж». Как мы с вами в течение года просто собирали факты. Выражаясь как в «Нью-Йорк таймс», all the news that’s fit to print…
– Просто собирали? Или не очень просто собирали?
– Ну, я вижу, вы уловили суть. Для чего коммендатору нужны наши с вами нулевые номера – кого-нибудь запугивать, или любоваться ими, или подтираться ими – это уже не наша проблема. Хотя, хочу уточнить, ваша… моя книга не должна представлять собой отчет о том, что говорилось на редакционных летучках. Для этого я вас не нанимал бы. Хватило бы магнитофона. Моя… наша книга призвана отобразить некую четкую картину. В книге должен быть рассказ о том, как я просадил год жизни, чтобы выковать образец свободной прессы, свободной от любых давлений, а потом это не дало искомого результата, ибо я был беспардонно задавлен и заглушен. Поэтому мне нужно, чтобы вы изобразили, приукрасили, идеализировали, выдумали эпопею… Ну теперь, полагаю, я донес до вас свою задумку в общих чертах.
– То есть в книге будет все в противоход тому, как обстояло дело на самом деле. Замечательно. А если вас вдруг возьмут да и опровергнут?
– Кто? Коммендатор? Пойдет заявит, что все было не так и что целью работы являлось грязное вымогательство? Вы что! Коммендатору выгоднее, чтобы думали, будто он оставил борьбу, потому что и на него давили. Что чем плясать под чужую дудку, он предпочел закрыть газету. Кто еще опровергнет? Редакторы? После того как вы их выведете в книге подлыми бесчестными журналюгами? Вот что, мы с вами выпустим такой бецеллер, – он выговаривал именно так, – против которого никто не захочет и никто не сумеет ничего поделать.
– Ну да. Учитывая, что оба мы с вами люди, как было однажды сказано, без свойств… как не принять ваше предложение.
– Люблю, кто говорит без обиняков, четко и ясно.
Глава III
Вторник, 7 апреля
Первая встреча с редакторами. Редакторов набрали шесть. Ну, шесть так шесть, будем поворачиваться.
Симеи уверяет, что от меня никто не ждет сбора фальшивой информации. Моя функция – сидеть в редакции и строчить летопись. Вот как он представил меня остальным, чтобы сразу определилось ху из ху:
– Господа, наступил момент знакомства. По порядку. Это наш уважаемый Колонна. Специалист с огромным опытом. Будет делить со мной нагрузку главреда. Редактировать ваши опусы. Вы пришли из абсолютно разных изданий. Полный разнобой. У кого-то опыт работы в леворадикальной прессе, у кого-то, скажем, в листке «Голос из помойки». А поскольку, как вы можете заметить,

нас тут полтора человека, то кое-кому после многих лет похоронных объявлений предстоит переквалифицироваться на комментарии о правительственном кризисе. Конечно, нужен корректный и несложный стиль. Если кого-нибудь угораздит написать «палингенез», Колонна отследит и предложит адекватную замену термина.
– Глубинное моральное перерождение, – отозвался я.
– Да. А если кто-нибудь, имея в виду сказать «все крайне нестабильно», напишет «мы в эпицентре циклона», Колонна вовремя отреагирует, что по новым современным научным данным эпицентр – это единственное место, где царит полный и абсолютный штиль.
– В данном случае позвольте не согласиться, коллега Симеи, – вмешался я. – Нужно оставлять именно «эпицентр циклона», потому что не важно, что говорит наука. Читатель наш про науку знать не знает. Читатель знает, что «в эпицентре циклона» значит «в куче неприятностей». К этому его приучил телевизор.
– Прекрасно сказано, коллега. От нас с вами ждут языка настоящих мастеров слова, не яйцеголовых интеллектуалов. С другой стороны, собственник нашего издания где-то и когда-то сказал, что возраст зрителей его каналов (он имел в виду внутренний возраст) – двенадцать лет. Я ничего такого не говорю про наших читателей, но это интересная мысль. Это очень интересная мысль – всегда учитывать внутренний возраст клиента. Нашим с вами клиентам за пятьдесят. Это благонамеренный контингент, средний класс, они чтут порядок и закон, но любят почитать о беспорядках и беззакониях. Любят, но не очень. Давайте исходить из принципа, что наш клиент – это не то чтобы, как говорится, завзятый читатель. У большинства наших клиентов в доме не водится ни единой книги. Мы, однако, намерены предоставлять им, среди прочего, информацию и об успешных книжных новинках из числа тех, которые продаются миллионами по миру. Наш читатель все равно ни в коем случае читать их не будет, но он будет рад узнать побольше об экстравагантных миллионерах-литераторах, точно так же, как хотя он никогда не приблизится к кинозвезде-секс-бомбе, его интересуют все ее любовные похождения. Ладно. Переходим к представлению сотрудников. Предлагаю всем представиться самим. Начнем с единственной дамы, синьорины или синьоры…
– Меня зовут Майя Фрезия. Видимо, нужно сказать – синьорина. В смысле я не замужем, что называется, сингл. Мне двадцать восемь лет, незаконченное высшее, филологический факультет, не защитилась по семейным обстоятельствам. Последние пять лет занималась светской хроникой. Новости шоу-бизнеса. В мои обязанности входило узнавать, кто с кем встречается, и давать наводки фотографам. Еще я договаривалась с певцами или актрисами об их совместных выходах в разных сочетаниях, чтоб их подкарауливали папарацци, когда они держатся за руки или целуются. Словом, устройство вот-так-сюрпризов. Сначала мне это казалось неплохой работой, но потом я устала от этой лжи.
– А в нашей задумке сейчас почему вы захотели принять участие?
– Потому что надеюсь, что в этой газете будет речь о серьезных вещах и что мне будут поручать расследования без шоу-бизнесных поцелуев. Я достаточно любознательна и умею неплохо собирать сведения.
Небольшого роста, говорит осторожно и четко.
– Хорошо. Теперь вы.
– Романо Браггадоччо…
– Редкая фамилия.
– Это да. Одно из моих проклятий. По-английски, кажется, она означает что-то нехорошее. Слава богу, что только по-английски, а не на других языках. Мой дед был подкидыш. Фамилии подкидышам придумывали чиновники, проводившие перепись. Если попадался садист, такое умел завернуть, что мало не покажется. Добро еще, что в случае моего деда служащий был садист наполовину и со знанием языков… Ну так вот, а сам я специализируюсь по сенсациям. Работал как раз у нашего собственника в журнале «На чистую воду». Не на ставке, а как внешний сотрудник.
Представились и остальные. Редактор Камбрия в прежней жизни терся по полицейским участкам и моргам, вынюхивая жареные факты: аресты, смерти в каких-нибудь впечатляющих авариях. Карьеры он не сделал. Редактор Лючиди вызывал недоверие с первого взгляда, а просотрудничал он весь век в чем-то таком, о чем никто и никогда не слышал. Палатино много лет делал журнальчики ребусов и загадок. Костанца начинал выпускающим корректором, но в наше время, учитывая, из какого множества полос состоят сегодня газеты, понятно, что никто не в состоянии прочитать номер насквозь перед выходом в печать. Выпускающие корректоры в наши времена вымерли, как станки Гутенберга.
Ни один из новых сотрудников не имел пристойной профессиональной подготовки. Мост короля Людовика Святого. Откуда Симеи их выкопал, вообще

непонятно.
По окончании всеобщего знакомства Симеи суммировал приблизительные характеристики издания.
– Итак, выпускаем ежедневную газету. Под названием «Завтра». Почему такое название? Потому что обычные газеты всегда рассказывали и, к сожалению, рассказывают, вчерашние новости. Вы все знаете, сколько разных вечерок: «Коррьере делла сера», «Ивнинг стар», «Ле суар». А в наше время вечерние известия доходят до каждого по телевизору, так что газеты пишут о том, что уже известно, и поэтому плохо продаются. В газете же «Завтра» несвежие новости, те, что уже завонялись, будут, конечно, фигурировать, но в одной-двух колонках, чтобы прочитывались за минуту.
– Что же тогда будет, кроме этих колонок? – спросил с места Камбрия.
– Ежедневные газеты в наш век должны делаться по принципу еженедельников. То есть правильные темы – новости будущего дня. Анализы. Расследования. Эксклюзивы. К примеру: в четыре часа взорвали бомбу – это назавтра уже тухлая новость. Ну а мы с четырех до полуночи, до ухода в печать выискиваем кого-нибудь, кто нам даст оригинальную версию происшедшего, возможных виновников, что-то, о чем даже и не догадывается полиция, желательно и прогноз, в какую сторону будет развиваться жизнь в последующие недели как непосредственный результат вот этого самого теракта.
Браггадоччо перебил:
– Но чтоб выдать подобное разыскание за восемь часов, требуется редакция раз в десять многочисленнее нашей… Наработки, информаторы, контакты, ну, я не знаю…
– Верно. Ну и когда газета будет, так оно и будет. Но на данном этапе, первый год, мы пока что только примериваемся и прикидываем. Это возможно как раз потому, что на нулевые номера можно ставить вообще любую дату и они могут прекрасно свидетельствовать о том, как бы оно смотрелось в свое время, например в самый день теракта. Мы, когда работаем над номером, уже знаем, что случилось впоследствии, однако пишем мы так, как будто еще ничего не было известно. Сплошные предсказания! Яркие, оригинальные! Не в бровь, а в глаз! Типа: вот как бы выглядело «Завтра», вышедшее вчера. Понятно? Скажу вам больше. На самом деле, если бы теракта и не было, мы могли бы выпустить номер так, как будто он был.
– Да и сами бомбу кинуть ради эдакого дела, – хихикнул Браггадоччо.
– Глупостей вот только не надо, – одернул его Симеи. И, помолчав, добавил:
– Или если соберетесь делать глупости, не ходите признаваться ко мне.
После заседания мы спускались по лестнице с Браггадоччо.
– Мы же с тобой знакомы, помнится? – спросил он.
Не знаком я с ним, ей-богу. Он почему-то «тыкал» мне с первой минуты. Симеи на заседании дал нам понять, что в редакции будет «вы». Я тоже не люблю панибратства. Мы с ним вместе не спали. Но Браггадоччо совершенно явно считал иначе и был за «ты» между коллегами. Пришлось мне отказаться от чопорности. В особенности учитывая, что Симеи представил меня коллективу как своего зама или что-то в этом роде. И к тому же этот типчик, Браггадоччо, вызвал у меня интерес, а свободное время имелось.
Он взял меня под локоток и повел выпивать в одно хорошенькое место неподалеку.
Толстые губы, ухмылка, воловьи глаза – в общем, какой-то противный. Лысый, как фон Штрогейм. Шея у него начиналась прямо из загривка. Лицом же он был вылитый Тедди Савалас, инспектор Кояк. Ну вот, чего еще ждать, стал описывать – и пошли сравнения…
– А эта Майя ничего, мне кажется. Ты как думаешь?
Я, стесняясь, пролепетал, что почти не рассмотрел ее (как уже говорилось, я держусь подальше от женщин). Но он шлепнул меня по плечу:
– Не притворяйся джентльменом, Колонна. Я точно видел, что ты на нее таращился. Лично на мой взгляд, она ко всему готова. Да они все, по-моему, в принципе готовы, надо только знать, с какой стороны подлезть. На мой вкус, тощевата. Это минус. И груди нет вообще. Но тем не менее я бы не стал отказываться…
Слово за слово, мы оказались на улице Торино. После какой-то церкви Браггадоччо решительно повернул направо в коленообразный проул, темный, с двумя-тремя глухо закрытыми воротами и без единого магазина. Запустение. Запах там тоже витал спертый, хотя, возможно, это просто навеяло от вида ободранных стен и поблекших граффити. В вышине труба выпускала дым. Было непонятно, где и что топится, потому что окна доверху были заколочены, ни признака жизни. Вероятно, топилось в квартире, выходившей на другую сторону, и никому никакого дела не было, что загрязняется необитаемая улица.
– Улица Баньера. Самая узкая в Милане, хотя пошире парижской улицы Кошки, удящей рыбу. В давнее время ее звали «щель». Здесь были древнеримские бани,

отсюда Баньера.
Из-за угла выплыла женщина с коляской.
– Лезет куда ни попадя, – пробубнил Браггадоччо. – Что ли, не знает… Был бы я женщиной, не ходил бы по этому переулку. И уж подавно в темноте. Запросто проткнут и выпустят потроха. И будет жалко, потому что бабенка вполне ничего, из тех, которые приглашают сантехника, пока муж на работе. Ну же, обернись, погляди, как она вертит задом. А тут были страшные дела. За дверями, вот за засовами, будь уверен, до сих пор полный набор заброшенных подземелий и тайных ходов. В девятнадцатом веке некий Антонио Боджа затащил в подвал знакомого счетовода, вроде показать амбарные книги, и тюкнул его топором. Счетовод каким-то образом выжил, Боджу арестовали, нашли умалишенным и заключили в сумасшедший дом на два года. Но как только выбрался он оттуда, взялся опять за свое. Входил в доверие к состоятельным людям, затаскивал в погреба, убивал, грабил, хоронил. Серийный киллер, как их называют сейчас. Но неосмотрительный! Повсюду он оставлял следы своих коммерческих отношений с жертвами. И из-за этого влип. Полиция нагрянула в помещение, вырыли пять или шесть мертвых тел, и Боджу повесили на площади Порта-Людовика. Голову отдали в анатомический театр миланской больницы. Это было во времена Ломброзо, и ученые искали в скелетах и в костях черепов знаки наследственной преступности. Изучив голову, по официальной версии, ее захоронили на кладбище Музокко. Хотя поди проверь, захоронили или нет… Такие мощи в большой цене у оккультистов и сатанистов. Ну вот, и до сих пор об этом Бодже в Милане сохраняется память, как о Джеке Потрошителе в Лондоне. Ночь бы я тут проводить не стал. А вообще даже нравится. Я тут назначаю встречи, да, вообрази, Колонна.
После улицы Баньера мы прошли через площадь Ментана на улицу Мориджи, тоже тусклую, но с магазинчиками там и сям и с красивыми подъездами. После этого открылась довольно обширная площадка-парковка, вокруг какие-то развалины.
– Видишь, – сказал Браггадоччо. – Которые слева, это настоящие римские руины. Мало кто помнит, что Милан был в свое время столицей империи. Они, конечно же, достопримечательность, хотя миланцам на них наплевать. А вон там, за парковкой, другое дело. Это следы последней войны.
Дома, распотрошенные бомбежками, не дышали старинным смирением, которым веяло от римских развалин, а сумрачно глазели вырванными очами, как будто их поразила волчанка.
– И почему никто не строится на этом пустыре, – разглагольствовал Браггадоччо, – в толк не возьму. То ли защита памятников, то ли для собственников выгоднее держать парковку, нежели строить доходные дома. И те дома, что после бомб, не разбирают. Не приводят в порядок. Это уж точно непонятно почему. Лично мне тут, знаешь, еще страшнее, чем на улице Баньера. Хотя помогает представить, чем был наш Милан после войны. В этом городе мало где есть возможность это представить. Милан пятьдесят лет назад. Как когда я был ребенком, потом подростком. Война кончалась, мне было девять лет… До сих пор иногда мне ночью кажется, будто падают бомбы. Ладно. Тут не только следы военных разрушений. Видишь, на улице Мориджи стоит башня семнадцатого века, все эти бомбежки ей хоть бы хны. А под ней уже лет сто как имеется таверна, таверна «Мориджи».
Мы вошли в зал с красными стенами. Под облупленным потолком висела старая люстра из кованого железа, а за стойкой торчала оленья голова. Сотни пыльных бутылок с вином украшали собою стены. Стояли грубые деревянные столы. Браггадоччо сказал, что к часу ужина их покроют клетчатыми красными скатертями, а меню напишут мелом на грифельной доске, как во Франции в трактирах.
За столами восседали студенты вперемешку с отдельными представителями богемы, длинноволосыми, но не в стиле шестьдесят восьмого года, а по образу поэтов, носивших некогда широкополые шляпы и галстуки а-ля Лавальер. Еще там была пара подвыпивших старикашек. Не то они сохранялись в помещении с начала века, не то ресторан нанимал их каждый вечер как статистов. Нам подали блюдо с сыром, копчеными колбасами и колоннатским салом и вынесли кувшинчик мерло, действительно высококачественного.
– Ну что, неплохо, – не унимался Браггадоччо. – Ведь правда? Ведь точно тут чувство, будто находишься вне времени?
– Тебе так нравится Милан, которого нет?
– Я же сказал, меня тянет туда, в Милан моего деда и отца.
От выпитого глаза у него заблестели. Он вытер салфеткой кружок, образовавшийся от бутылки вина на старом дереве.
– Хотя моя семейная история… Дед был одним из так называемых главарей так называемого проклятого режима. После капитуляции его узнал партизан вот тут рядом на углу улицы, на углу улицы Каппуччо. И деда немедленно расстреляли тут же на улице. Отец узнал с опозданием об этом, потому что отец, верный заветам семьи, в сорок третьем завербовался добровольцем в Десятую МАС, его

взяли в плен в Салу и отправили в концентрационный лагерь в Кольтано. Он чудом выбрался через год. Отпустили по недостаточности улик. Кроме того, начиная с сорок шестого года Тольятти стал проводить общую амнистию. Парадоксы истории: коммунисты реабилитировали фашистов. Может быть, Тольятти и был прав, кстати. Надо же было восстанавливать нормальную жизнь. Нормой этой жизни, однако, было, что моего отца с его биографией и с биографией его отца в придачу не брали на работу. На всех на нас работала мать. Работала портнихой. Отец же потихоньку спивался. Помню только лицо с красными жилками и водянистые глаза. И тягучие разговоры. Он не оправдывал фашизм (идеалов у него не оставалось), но твердил, что антифашисты в своем стремлении заклеймить фашизм переусердствовали по части ужасов. Отец не верил, что целых шесть миллионов евреев было уничтожено в лагерях. То есть, я хочу уточнить, отец не то чтобы утверждал, как некоторые, будто не было Катастрофы, но не верил и в версию истории, выстроенную победителями. Сплошные преувеличения, повторял он. Вот пишут, будто посередине одного лагеря были горы одежды с убитых высотою более ста метров. Высотою сто метров! Ну ведь это же ни в какие ворота, говорил отец. Ты подумай, конус в сотню метров по диаметру будет далеко превосходить размеры лагеря.
– Да, но надо же учитывать: люди, пережившие нечто ужасное, часто гиперболизируют. Например, о каком-нибудь военном конфликте говорят, будто там пролились реки крови. Но никто же не имеет в виду настоящую реку, например, как Амазонка. Человек, переживший травму…
– Согласен, согласен. И все-таки отец не хотел принимать чужие рассказы за чистую монету. И то сказать: газеты врут, историки врут и телевидение сегодня только и делает, что врет. Видел ты репортажи о войне в Заливе в прошлом году? Баклана знаменитого, облепленного нефтью? Так вот доказано, что в этот сезон в Персидском заливе бакланов не бывает, картинка была восьмилетней давности, времен Ирано-иракской войны. Другие потом писали, что этого баклана взяли из зоопарка и вымазали петролем. То же самое и насчет преступлений фашизма. Еще раз подчеркиваю: я не агитирую за идеи моего отца или деда. И не утверждаю, будто бы уничтожения евреев не было. У меня вообще есть прекрасные друзья евреи, так что о чем тут говорить. Но я ни во что не верю слепо. Летали ли американцы на Луну? Ведь съемки действительно могли быть сделаны в студии? Ведь и действительно, если смотреть на тени астронавтов, там что-то не так? И была ли на самом деле пресловутая война в Заливе? Или нам показывали старую хронику? Живем в вечной лжи, а поскольку мы сами прекрасно понимаем это – еще и в вечном подозрении. Я постоянно подозреваю. Всех, везде и всегда. Единственное, что точно было, о чем я сам могу свидетельствовать, – это вот именно Милан, каким он был пять десятилетий назад. Бомбежки действительно были. Кстати, бомбил-то кто? Американцы и англичане!
– Ты говорил об отце…
– Отец мой умер от алкоголизма, когда мне было тринадцать лет. Когда я стал старше, освобождаясь от этой памяти, я ринулся в обратную крайность. В шестьдесят восьмом, хотя мне было уже больше тридцати, я отрастил волосы и обрядился в штормовку и свитер. Примкнул к маоистам. Впоследствии стало известно, что Мао убил побольше людей, чем Сталин с Гитлером вместе. Мало того. Кружки маоистов кишели провокаторами спецслужб. Тогда я решил, что буду работать журналистом, развенчивать заговоры. Тем самым меня миновала опасность (хотя я имел опасные знакомства) угодить в круги красного терроризма. Я разуверился во всем, кроме уверенности, что за спиной у каждого всегда маячит кто-нибудь, кто его обманывает.
– И оттого ты сейчас…
– И оттого я сейчас пошел в эту газету. Если она получится, может быть, я нашел место, где достаточно серьезно отнесутся к некоторым моим открытиям. Я доискался до истории, которая… В общем, кроме журнального материала, это будет еще и книга. И вот тогда, тогда… Но хватит. Вернемся к этому разговору, когда я закончу приводить в порядок факты. Но только все это должно быть быстро, потому что я нуждаюсь в деньгах. Мизерной зарплаты, которую дает Симеи, не хватает…
– На жизнь?
– На автомобиль. Естественно, я куплю автомобиль в кредит, но кредит-то надо выплачивать. Он мне очень нужен. Автомобиль. Для расследования.
– Ну и ну. Расследование нужно, чтоб заработать на автомобиль, а автомобиль нужен для расследования.
– Чтоб подобрать факты, нужно ездить, интервьюировать. Без машины, да еще с этим хождением ежедневно в редакцию, придется восстанавливать историю по памяти и черпать исторические факты только из головы. Но даже и не в этом главная проблема…
– А в чем же главная проблема?
– Ну, не хочу занудствовать, но все-таки данные работают только в

сочетании! По отдельности факты – ничто. Только цепочки увязанных фактов позволяют иногда догадаться о том, что кое-кому хотелось бы от нас утаить.
– Значит, твое историческое расследование…
– При чем тут расследование. Я об автомобиле.
Он возюкал по столу пальцем, намоченным в густом вине, и соединял, как бывает на картинках-загадках, хитрые сети точек, вычерчивал между ними отгадки-фигуры.
– Нужна быстроходность, нужен класс. Малолитражки исключаются. К тому же я признаю только передний привод. Так я теперь думал было купить «ланчу тему турбо», шестнадцать клапанов, задорого, шестьдесят миллионов лир. Но она того стоит. Двести тридцать пять километров в час и разгон с места за семь и две. Лучших показателей быть не может.
– Однако дорого.
– Да, дорого. И нужно учесть то, чего они не договаривают. Автомобильные рекламы если не врут, то умалчивают. А если внимательно прочесать техническое описание в автомобильном журнале, обнаруживаем, что у нее ширина сто восемьдесят три сантиметра.
– И что с того?
– Ну вот, ты тоже не понимаешь. Смотри, в рекламе всегда сообщают длину, и длина имеет, конечно, значение и для парковки, и для престижа, не спорю, но о ширине ни слова не говорят, а ширина все меняет и в смысле гаража, у кого гараж небольшой, и в смысле парковочного места, когда наконец находишь себе в городе дырку, куда еле можно залезть.
– В этом смысле не шире ста семидесяти.
– Да, но если она шириной сто семьдесят, значит, в ней тесновато, и при пассажире на переднем сиденье сразу возникает неудобство. Некуда деть правый локоть. Нет того комфорта, что в широких машинах, когда много кнопок по правой руке сразу возле передачи.
– Ну и…
– Ну и, значит, надо, чтоб кнопок было много прямо на руле. Тех кнопок, что обычно размещаются на щитке справа. Они должны быть на руле. Думаю, «сааб девятьсот турбо», ширина сто шестьдесят восемь сантиметров, разгоняется до двухсот тридцати километров, и по цене все же меньше, пятьдесят миллионов.
– Угу, самое оно.
– Нет, не самое оно. Я прочел там в нижнем уголке объявления, что он разгоняется за восемь пятьдесят, в то время как для идеала нужно не больше семи, как в «ровере двести двадцать турбо». «Ровер» этот стоит сорок миллионов, ширина сто шестьдесят восемь, скорость максимум двести тридцать пять, приемистость шесть и шесть, настоящая ракета, честное слово.
– Этот «ровер» тебе и нужен.
– Да не нужен, потому что в нижней строчечке объявления обычно приписана маленькими буковками высота. А высота у него сто тридцать семь см. Это низко для моей комплекции. Это как гоночная машина. Есть кому охота козырять спортивной машиной. А для меня лучше «ланча» с высотой сто сорок три или «сааб» сто сорок четыре, сидишь как бог. Было бы полное счастье, если, конечно, не вчитываться в технические данные. В них все написано. Надо только уметь читать. Это как сопроводительные листки к лекарствам, где побочные эффекты даны совершенно микроскопическим шрифтом, а смысл важный: если будешь это принимать, помрешь сразу. Между тем «ровер двести двадцать» весит только одну тонну сто восемьдесят шесть килограммов. Совсем немного, если врезаться в грузовик на ходу. Для этого случая лучше бы иметь потяжелее машину. Чтоб там хотя бы часть корпуса была из стали. Ну, не обязательно «вольво», «вольво» – это танк, но она слишком медленно ездит. Я сказал бы, пусть это будет «ровер восемьсот двадцать», тоже пятьдесят миллионов, двести тридцать километров в час и одна тонна четыреста двадцать килограммов.
– Но и его ты забраковал, потому что… – Я уже был охвачен той же паранойей.
– Потому что ускорение восемь запятая два. Это не машина, а черепаха. Спринта никакого. То же самое «мерседес це двести восемьдесят». Ширина сто семьдесят два. Но не говоря уж о том, что он стоит шестьдесят семь миллионов, у него приемистость восемь и восемь. И заказывать «мерседес» требуется за пять месяцев. Это, кстати, вот еще один параметр: срок поставки. У тех, которые я называл тут, сроки варьируют. Одни можно взять через два месяца, а другие сразу. А почему сразу? Потому что их никто не хочет! Ну и нам тоже не надо! Знаешь, что можно получить сразу? «Калибру турбо», шестнадцать клапанов, двести сорок пять километров в час. Полноприводная, приемистость шесть и восемь, ширина сто шестьдесят девять, пятьдесят миллионов стоимость.
– То что надо.
– Нет, не то что надо. Весит всего тонну сто тридцать пять. Слишком мало весит. Высота всего сто тридцать два. Еще хуже, чем у прочих. Это для

богатых лилипутов. Да и если б кончились на этом все проблемы. Мы еще не обсуждали вопрос багажников. Самый объемистый багажник у «темы турбо», шестнадцать клапанов. Но у нее ширина всего сто семьдесят пять. Если уж говорить об узких машинах, я настроен скорее на «дедру два ноль эль икс». Багажник у нее вместительный. Но, к сожалению, приемистость девять и четыре, и весит только тонну двести, и в час дает только двести десять.
– Ну так как же?
– Ну так вот я и не знаю, как же. Голова и так забита расследованием, так еще среди ночи просыпаюсь и сравниваю параметры автомобилей.
– Прямо вот так по памяти?
– Да сперва по таблицам, но теперь уж я запомнил все таблицы, просто мучение. Похоже, что машины специально делают для того, чтобы человек не мог выбрать и купить.
– Чрезмерная подозрительность.
– Никогда она не чрезмерна. Подозревать, всегда подозревать, и только так ты обретаешь истину. Не на этом ли стоит мировая наука?
– Ну да, мировая наука, да.
– Но и наука, бывает, врет. Как с холодным термоядом. Врали-врали, после чего оповестили, что холодный термояд – фикция.
– Но ведь оповестили же.
– А кто оповестил? Пентагон. Как обычно, им надо прикрыть какую-то тайну. Может, холодный термояд у них как раз получился! Может, врут именно те, кто говорит, будто он – вранье.
– Так то Пентагон и ЦРУ. Но не автомобильные ведь журналы. Не думаю, что автомобильные журналы – рупор замаскировавшихся демоплутожидократов.
Это я так пытался вернуть его к действительности.
– Не думаешь? – переспросил он с горькой улыбкой. – А разве они не связаны с американской крупной индустрией, с семью нефтяными сестрами, а сестры разве не убили нашего инженера Маттеи, на которого мне, честно говоря, наплевать, но они вдобавок расстреляли и моего дедушку, давая деньги партизанам. Видишь, как все между собой связано?
Но тут официанты стали демонстративно покрывать наш стол скатертью, показывая, что тем, кто пришел только выпить стакан вина, пора уматывать.
– Раньше тут брал один стакан и сидел до поздней ночи, – тяжко завздыхал Браггадоччо. – А теперь им интересны только те клиенты, кто много платит. В конце концов устроят тут дискотеку-светомузыку. Пока что здесь все настоящее, но, честное слово, уже пованивает обманом. Остерия вроде миланская, а хозяева, доложу тебе, уже давно тосканцы. Я это выведал. Я не имею ничего против тосканцев. Люди как люди. Однако в свое время, я был ребенком, в знакомой семье одна дочь вышла замуж за вот такого приезжего, и ее отец кричал, что-де надо бы перегородить стеной Италию на уровне Флоренции, а моя матушка добавила: «Флоренции? Да по мне, на уровне Болоньи!»
Мы ждали счет. Браггадоччо пригнулся и прошептал:
– Нельзя у тебя одолжиться? Верну через два месяца.
– У меня? Да я же на мели, как и ты.
– Угу. Не знаю, сколько тебе дает Симеи, формально я не имею права. Но сегодня ты заплати за двоих, хорошо?
Так я познакомился с Браггадоччо.
Глава IV
Среда, 8 апреля
Назавтра было первое настоящее заседание редакции.
– Ну, беремся за дело, – сказал Симеи. – Выпускаем газету за восемнадцатое февраля.
– Как за восемнадцатое февраля? – спросил Камбрия, который, как мы поняли со временем, был специалист по глупым вопросам.
– Потому что семнадцатого февраля, вы, конечно, помните, карабинеры вошли в кабинет Марио Кьезы, директора богадельни «Милосердный приют Тривульцио» и члена верхушки миланских социалистов. Все вы знаете эту историю: Кьеза потребовал взятку с фирмы по уборке помещений, чтобы оформить с ними контракт, он хотел получить обратно десять процентов, а контракт был сто сорок миллионов, так что, видите, богадельня тоже хорошая дойная корова. И доил он уже давненько, уборщикам надоело платить эти взятки, и они заявили на Кьезу. В следующий раз уборщики понесли ему часть этих четырнадцати миллионов уже под микрофон и под скрытую камеру. За ними вошли карабинеры. Кьеза в диком испуге выхватил из ящика еще одну, более серьезную пачку денег, которые получил с кого-то еще до уборщиков, и помчался в туалет, чтобы топить банкноты в унитазе. Но его упередили, и наручники защелкнулись. Таковы факты истории. И теперь вы, Камбрия, знаете, что за факты надлежит рассказывать в газете, которую мы готовим. В газете следующего дня. Идите в архив, перечитайте как следует все, что происходило

после, и сочините прелестную вводную, нет, пожалуй, даже прелестную центральную статью. Тем более что, если я правильно помню, в тот самый день ни одна итальянская газета не поместила даже и короткого сообщения.
– Ясно, шеф, я пошел.
– Погодите. Именно вот тут начинает работать специфика нашего издания «Завтра». Как вы помните, в последующие дни ни одна газета не уделила внимания этой истории с богадельней. Беттино Кракси сказал, что Кьеза мелкий мазурик, что так ему и надо. Однако кое-что не было известно читателям в тот день восемнадцатого февраля! А именно, не было известно, что следственная группа мощно разрабатывает след и что группу возглавляет настоящий бульдог, прокурор Ди Пьетро, имя которого вскорости станет известно всей стране. Два месяца назад его никто не знал. Прокурор Ди Пьетро в ходе допросов нажал на Кьезу, тот выдал ему номера швейцарских счетов и признался, что речь шла отнюдь не о единичном случае. Так вышла наружу целая сеть политической коррупции, в которую были впутаны все партии. Все, какие есть. Грандиозные последствия этих первых открытий мы с вами наблюдаем как раз в текущие дни, ибо на выборах, как вы видите, христианская демократия и социалисты теряют массу голосов, за счет которых усиливается «Лига Севера». «Лига» играет на возмущении людей центральным правительством и Римом. Аресты идут за арестами. Политические партии разваливаются. Можно предположить, что за падением Берлинской стены и за распадом Советского Союза наступает эпоха, когда американцам вообще уже не требуются партии-марионетки. И они бросают эти партии на произвол судьбы. На произвол прокуроров. А можно еще повернуть картину так, что будто-де прокуроры даже получили задание от американских спецслужб… Нет, не надо. Всему свое время. Пока что и без этого сойдет. Такова сегодняшняя ситуация. Однако восемнадцатого февраля никому и в голову не могло прийти, какая каша заваривается. А вот газета «Завтра» сумела все-все предугадать! И этими предугадываниями займетесь, например, вы, Лючиди. Официально поручаю вам это. Вы с многочисленными «может статься» и «не исключено» популярно излагаете в статье все, что на самом деле потом случилось. Вставляете пару имен. Имен политиков. Имена пусть пропорционально дозируются по разным партиям. Не забудьте уделить внимание прогрессивным левакам. После чего вы намекаете, что газета начинает самостоятельное расследование. Намекаете так серьезно, чтобы они все со страху обмочились. Все! Хотя, когда они будут читать наш номер 0 / 1, им уже известно, что случилось после восемнадцатого февраля. И тем не менее пусть трясутся. Пусть думают: а если бы дата на номере была не февральская? Каков бы был соответствующий номер ноль от сегодняшнего числа? Понятна вам моя мысль? За работу!
– Почему именно мне вы это поручили? – спросил Лючиди.
Симеи многозначительно пробуровил его взглядом, как будто Лючиди притворялся, что не понимает то, что остальным уже давно понятно.
– А просто я знаю, вы большой мастак коллекционировать разговоры и передавать их потом кому положено.
Впоследствии, наедине, я решил спросить у Симеи, что он имел в виду.
– Не болтайте остальным, – отвечал тот. – Но у меня есть основания считать, что Лючиди штатный осведомитель секретных служб, журналистика для него – только прикрытие.
– Осведомитель? А зачем вы его взяли в редакцию, осведомителя?
– Потому что о нас он осведомлять не будет, кому мы нужны. О нас и без того все ясно. Спецслужбам будет достаточно прочесть любой из наших нулевых номеров. В то же время он сможет использовать для нашего дела данные, которые собрал, шпионя за другими.
Симеи, может быть, и не великий журналист, подумал я, но в своем деле почти гений. Вспомнился анекдот о злобном дирижере, который говорит про одного из музыкантов: «Он-то, конечно, гений в своей области. Но область-то его, конечно, дрек».
Глава V
Пятница, 10 апреля
Продолжая перечислять, из чего будет создаваться номер ноль-один, Симеи распахивал нам широкие экзистенциальные перспективы по части рабочего горизонта каждого из нас.
– Колонна, проиллюстрируйте, пожалуйста, коллегам, каким образом соблюдается, или якобы соблюдается, основной принцип демократической печати: факты должны быть отсоединены от мнений. Мнений в газете «Завтра» будет предостаточно, и они будут оформлены как мнения. Но как мы докажем, что в базовых статьях приведены факты и только факты?
– Проще простого, – отозвался я. – Будем брать пример с англоязычных изданий. Когда описывают, не знаю, ну, скажем, пожар или автомобильную аварию, тогда, естественно, нельзя приводить факты без подтверждения. Поэтому в каждый текст вставляется в кавычках высказывание свидетеля:

говорит простой прохожий, выразитель общественного мнения. Ставишь кавычки – любое заявление превращается в факт. Действительно, факт, что некто высказал суждение. Но журналист не должен отбирать только те факты, которые соответствуют его позиции. Поэтому положено использовать два высказывания, одно «за», другое «против», для подтверждения, что по единому поводу существуют разные точки зрения. Газета придерживается объективности. Хитрость в том, чтобы в первом случае привести бестолковое высказывание, а за ним вслед разумное. Оно-то и будет укреплять тезис автора. У читателя создастся убеждение, что ему дали два различных факта. На самом же деле его плавно подвели к принятию лишь одного резона из двух возможных.
Рассмотрю на конкретном примере. Развалился виадук. С него рухнул грузовик и разбился, погиб водитель. Пусть в статье рассказывается об этом так: с нами беседовал господин Росси, сорок два года, владелец газетного киоска. «Что тут поделать, судьба! – говорит Росси. – Жаль бедолагу, не повезло». Иначе думает Бьянки, рабочий с соседнего строительного участка. «Виновато городское управление, ведь давно было ясно, что с этим виадуком не все в порядке». С кем захочет ассоциировать себя читатель? С Бьянки или с Росси? С Бьянки, конечно, который ставит вопрос ответственно и указывает на виноватого. Конечно. Надо уметь расставлять кавычки. Потренируемся. Костанца, вы первый. Допустим, теракт на площади Фонтана.
Костанца после небольшого раздумья:
– Господин Росси, сорока двух лет, служащий, чуть не оказался в банке в роковой момент. Росси рассказывает: «Я был поблизости от банка и слышал ужасный взрыв. Кошмар. Кому-то это наверняка выгодно, но нам, конечно, никогда не узнать кому». Господин Бьянки, парикмахер, пятидесяти лет, тоже оказался неподалеку в момент покушения, и, по его свидетельству, звук бомбы был оглушительный, громоподобный. Бьянки считает: «Типичный теракт, работа анархистов, конечно, это анархисты, у меня нет сомнений».
– Чудно, чудно. Госпожа Фрезия, ваша очередь. Смерть Наполеона.
– Ну, мы разыскали для беседы мосье Бланша. Это мужчина солидного возраста и профессии. Он высказал мысль, что не стоило высылать на далекий остров человека, чья судьба изломана, разрушена. Что не подумали о его семье. А поэт Мандзони, лучше даже Мандзони с ударением на последнем слоге, заявил, напротив, что, невзирая на испорченную биографию, покойный испытал высокого предчувствия порывы и томленье, души, господства жаждущей, кипящее стремленье и замыслов событие, несбыточных, как сон. Победу, заточенье, потом ожесточенье. Два раза брошен был во прах и два раза на трон.
– Славно сказано, насчет брошен на трон, – осклабился Симеи. Я удивился, что он не узнал затасканную цитату из Мандзони. – Славно сказано. Ну вот. Кстати, есть и другие способы незаметно продавливать свое влияние. Чтобы до всех довести идейную позицию, необходимо, как говорят обычно в редакциях, выстроить комплексную подборку. В мире сколько угодно новостей. Как отбирать? Автомобильная авария в Бергамо, так пусть же еще будет автомобильная авария в Мессине. Не только на севере, но, в частности, и на юге сплошные непорядки… Вот так. Не столько новости делают газету, сколько газета создает новости. Составляешь комплексную полосу из четырех новостей в подборке – и читатель, их поглощая, уже как будто прочитал и пятую новость. Вот, например, позавчерашний выпуск газеты. Смотрите. Полоса. Миланец бросил новорожденного младенца в унитаз. Пескара: к смерти Давида его брат отношения не имеет. Амальфи: предъявлено обвинение в мошенничестве психологу, занимавшемуся случаями анорексии. Бускате: вышел из тюрьмы после отбытия четырнадцатилетнего срока заключенный, убивший в возрасте пятнадцати лет восьмилетнего мальчика. Четыре эти сообщения сверстаны на одной и той же полосе, вокруг общего заголовка «Общество. Дети. Насилие». Все они, казалось бы, касаются преступлений против несовершеннолетних. Хотя если вчитаться, понимаешь, что это только «казалось бы». Лишь в одном из случаев (младенец, унитаз) действительно имеется преступление, совершенное родителями. Относительно психолога отнюдь не прописано, подростковая ли там анорексия. Что касается Пескары, так ведь в статье как раз, вот, говорится, что нет, что преступления не было, парнишка умер от несчастного случая. Бускате? Там не подросток, а тридцатилетний мужик, а преступление было четырнадцать лет назад. Так о чем эта полоса? Может, вообще ни о чем? К ленивому редактору попали в руки эти четыре материала из разных агентств, и он выставил их в подбор для вящей театральности? Очень может статься. Но в результате полоса выглядит пугающе, упреждающе, назидательно. По отдельности каждая из четырех новостей оставляет читателя равнодушным. А вместе, в комплексе, они приковывают внимание. Сколько уж раз всех возмущала эта постоянная повторяемость новостей типа «рабочий калабрийского происхождения подрался с соседом по цеху». Притом что никогда не читаешь: «рабочий альпийского происхождения подрался с соседом по цеху». Расизм, расизм. Шовинизм. Я согласен. Вот вы представьте себе, на одной и той же

полосе рабочий альпийского происхождения колотит соседа, пенсионер из Местре убивает жену, киоскер в Болонье кончает с собой, штукатур из Генуи пишет фальшивый чек. Читателю все равно, где родились они все. Но как только на их местах оказываются рабочий калабрийского происхождения, пенсионер из Матеры, киоскер из Фоджи и штукатур из Палермо, в душе читателя возникает подспудное беспокойство по поводу разнообразных южных проблем. Наша газета выходит, как ни крути, в Милане, а не в Катании. Мы учитываем психологию миланского читателя. Доктор Колонна, в свободное время сядьте с редакторами, подберите материал из последних сообщений агентств и составьте несколько тематических полос. Потренируйте сотрудников. Покажите, каким образом удается формировать новость там, где ее не было, или где никто не знал, что она есть.
Симеи продолжал:
– Переходим к новой важной теме: опровержениям. На текущем этапе мы газета без читателей, поэтому, какую новость ни выдадим, опровергать ее будет некому. Но в будущем нам предстоит отпираться от опровержений. В особенности если мы станем демонстрировать, что не страшимся острых тем и смело тычем туда, где гнило. Итак, начинаем тренироваться, в предвкушении реальных опровержений. На данном этапе изобретаем опровержения вымышленные и пишем на них отпирательства. Пусть собственник видит, что нас голыми руками не возьмешь. Мы говорили об этом давеча с доктором Колонной. Колонна, не могли бы вы продемонстрировать прямо сейчас всем нам пример хорошенького отпирательства?
– Ну что же, – начал я. – Возьмем простой учебный пример, не только вымышленный, но и, скажем прямо, пародийный. Эту пародию я вычитал в «Эспрессо». Предположим, в газету поступает опровержение от господина Наоборотти. Который пишет: «Уважаемая редакция. По поводу вашей вчерашней публикации «Мартовские иды, ссоры и обиды», вышедшей за подписью господина Правдолюбби, мне хотелось бы довести до всеобщего сведения следующее. Не соответствует действительности, будто я якобы присутствовал при убийстве господина Юлия Цезаря. Как недвусмысленно свидетельствует прилагаемая нотариально заверенная метрика, я родился в поселке городского типа Мольфетта 15 марта 1944 года, то есть значительно позже зловещего события, к которому, кстати, я всегда относился отрицательно. Господин Правдолюбби неверно интерпретировал мои слова относительно празднования мною пятнадцатого марта каждый год, начиная с сорок четвертого. Далее, я обязан публично оспорить утверждение Правдолюбби, будто бы я некогда говорил господину Бруту: «Увидимся в Филиппах». Ответственно заявляю, что никогда не имел сношений с господином Брутом, чьего имени я, между прочим, в жизни не слышал до позавчерашнего вечера. В ходе краткого телефонного разговора с позвонившим мне Правдолюбби я сказал ему только, что намерен пробиваться на прием к консультанту автодорожной службы господину Филиппи, чтобы просить его покончить с заторами на улице Юлия Цезаря. Ни в коей мере я не утверждал, будто хочу нанять убийц, чтобы устранить древнеримского политика. С просьбой к глубокоуважаемой редакции внести ясность, искренне ваш Наоборотти».
Наша цель – отбрехаться от этого стройного опровержения и все-таки спасти лицо. Вот, пожалуйста. «Из письма явствует, что подписавший его Наоборотти отнюдь не оспаривает, что Юлий Цезарь был убит в мартовские иды сорок четвертого года и что тот же Наоборотти каждый год собирает группу лиц для празднования мартовских ид сорок четвертого года. Собственно, ничего, кроме этой примечательной традиции, и не описано в моей статье. У господина Наоборотти, вероятно, имеются какие-то личные причины веселиться в эту дату, но нельзя не признать, что налицо совпадение, и совпадение, подчеркиваю, примечательное. Этот господин, я надеюсь, не забыл, что в ходе длинного и подробного интервью, данного мне по телефону, он употребил многозначительное высказывание «кесарю – кесарево», намекая, что приуготавливает кесарю (Цезарю) нечто неприятное, более того – что Цезарь обязательно получит то, что ему причитается. Источник, близкий к кругу общения Наоборотти, не вызывающий подозрений, проинформировал меня, что кесарь, то есть Цезарь, получил двадцать три удара кинжалом. Обратим также внимание на то, что Наоборотти на всем протяжении письма избегает уточнять, кто нанес эти двадцать три удара. Он юлит и передергивает и по этому, и по другому поводу: дескать, он сказал «увидим, как там Филиппи», а вовсе не «увидимся в Филиппах». Между тем об истинной формулировке, которую использовал Наоборотти, документально свидетельствует моя собственноручная запись на странице блокнота. Там же засвидетельствовано угрожающее высказывание в адрес древнеримского политика. Текстуально цитирую из блокнота: «пробив. конс. поконч. с Юл. Цез.». Мелочными увертками и явными натяжками писавшему не удается скрыть от глаз публики истинное положение дела! Напрасные старания! Заглушить свободную прессу, скажем прямо, не

так-то легко!»
Примерно так пишет Правдолюбби. Посмотрим, как технически оформлено это отпирательство от опровержения. Прежде всего, указано, что газета обратилась к источнику, близкому к кругу общения Наоборотти. Универсальное средство! Имя информанта не публикуется, но всегда нужно подчеркивать, что у газеты имеются свои эксклюзивные источники проверки и контроля, априори более надежные, чем Наоборотти. Далее сказано, что цитата приведена напрямую из блокнота журналиста. Блокнот никому не покажут, но сам факт, что дело идет о расшифровке документальной записи, повышает доверие к газете, создает ощущение, что все доказано. В отпирательстве нужно также повторно озвучить обвиняющие выпады, тем самым бросив новую тень на личность Наоборотти. Я тут дал анекдотический пример, но три элемента отпирательства приведены совершенно серьезно: ссылаться на дополнительных информаторов, цитировать по документальным источникам и дискредитировать опровергателя. Надеюсь, все ясно?
– Ясно, – отвечал мне нестройный хор.
Назавтра все принесли из дому образцы опровержений и отпирательств, не такие гротескные, как мои, но достаточно выразительные. Все пятеро учеников усвоили урок.
Первой выступила Майя Фрезия:
– Мы как редакция примем к сведению опровержение, но уточним, что опирались на данные прокуратуры и на факт открытия судебного расследования. О том, что Наоборотти был оправдан и очищен от всяких подозрений, читателя мы не информируем. Читателю, в частности, также неизвестно, что данные прокуратуры никогда не подлежат разглашению, и следовательно, не доказуемы ни их происхождение, ни их подлинность… Вот мое домашнее задание, господин Симеи. Однако позвольте мне сказать, что все это, как бы точнее выразиться, большая мерзость.
– Ну что вы, радость моя, – промурлыкал Симеи. – Еще худшая мерзость – когда в газете вообще не проверяют источники. Но я, да, я согласен, что лучше не давать вообще никаких справок, ибо их, не ровен час, могут и проверить. Лучше всего не утверждения, а инсинуации. Инсинуируя, мы ничего определенного не утверждаем. Только наводим тень подозрения на опровергателя. Например: «Охотно принимаем к сведению опровержение, и все же, по имеющимся у нас сведениям, господином Наоборотти… Кстати, тут всегда пишите только «господин». Не «сенатор», не «профессор», не «доктор»: самое страшное ругательство в нашем государстве – «господин»… Господином Наоборотти направлено множество опровержений в самые разные газеты. Видимо, он предается этому занятию двадцать четыре часа в сутки… Наоборотти, конечно, и по этому поводу не преминет послать нам еще одно опровержение, но мы его уже не напечатаем или напечатаем с грустным комментарием, что господин Наоборотти не способен остановиться. И читатель уверится, что перед нами параноик. Сами видите: инсинуация – расчудесное средство. Мы сообщили, что Наоборотти писал в разные газеты, и это утверждение крыть нечем. Писал же! В самих фактах, может быть, ничего такого не было, но из них делаются выводы. Инсинуация еще хороша тем, что опровергнуть ее нельзя.
Засим мы перешли к мозговому штурму (по выражению Симеи). Каждый что-нибудь предлагал. Палатино, который до сих пор работал в сфере ребусов и загадок, предложил отвести в газете, наряду с программами телевидения, прогнозами погоды и гороскопами, полполосы на ребусы.
Симеи вскричал:
– Гороскопы! Господи, чуть было их-то не забыли! Это же самое первое, что ищут читатели в газете! Точно, точно! Синьорина Фрезия, вот вам первое задание. Полистайте-ка там всякие журналы и газеты, где печатают гороскопы, выпишите формулировки. Берите только оптимистичные предсказания. Читатели не любят гороскопов, которые предрекают им на завтра тяжкую смерть от рака. Нам нужны универсальные прорицания, такие, чтобы подошли всем. Читательница-пенсионерка не поверит прогнозу о встрече с пылким молодым женихом. Для нее лучше формулировать так: козерогу выпадет в наступающем месяце получить известие о приятной неожиданности. Это сойдет и для школьницы перед экзаменом, и для перезрелой невесты, и для бухгалтера (прибавка жалованья). Да-да, Палатино, помню. Отдел шарад и загадок. Что предлагаете? Кроссворды?
– Кроссворды хорошо бы, – послышался голос Палатино. – Но в нашей стране в кроссвордах можно спрашивать только «Открыватель теории относительности», и то я не вполне уверен, что они предложат ответ «Эйнштейн» и сумеют написать его правильно… Вот за границей – там без всяких скидок. Там и вправду хитро закручивают. Я сам видел у французов: «Друг белых одежд» – «Кандидат». Это класс! Нам еще расти и расти до них. До французов.
– Не про нашу честь, – перебил его Симеи. – Нашего читателя не надо беспокоить такими сложными дознавательствами. Нет, ему по-простому.

Открыватель теоремы про штаны, муж Евы, мать теленка.
Тут заговорила Майя с какой-то полудетской улыбкой, будто предлагая розыгрыш. Кроссворды, сказала она, это конечно. Но читателей нервирует дожидаться следующего номера, чтобы проверить ответы. Так можно сделать вид, будто в предыдущих номерах были напечатаны загадки, и давать на них ответы. Что-то вроде конкурса идиотских ответов на идиотские вопросы.
– Мы на лекциях так развлекались, – продолжала Майя. – Почему бананы растут на деревьях? Потому что, если бананы росли бы на грядке, их бы съели крокодилы. Почему лыжи скользят по снегу? Потому что, если лыжи бы скользили по паюсной икре, это был бы спорт для миллионеров.
Палатино тут же подхватил:
– Почему Цезарь перед смертью произнес «И ты, Брут»? Потому что на него напал не Сципион Африканский. Почему мы пишем фразы слева направо? Потому что в обратном случае фразы начинались бы с точки.
Другие тоже оживились, вступил даже Браггадоччо:
– Почему пальцев десять? Потому что, если пальцев было бы шесть, было бы только шесть заповедей и не запрещалось бы воровать. Почему Господь всецело совершенен? Будь он всецело несовершенен, это был бы мой двоюродный брат Густаво.
– Хватит, – вмешался Симеи. – Не забывайте, что читатели не читали всяких ваших, как там их, сюрреалистов. Читатели примут все за чистую монету и решат, что мы тут ненормальные. Давайте, коллеги, относиться с серьезностью.
Рубрику «Почему да отчего…» решили не открывать.
Может, и напрасно.
Но одно могу сказать: я стал присматриваться к Майе Фрезии попристальнее. Если она такая веселая, то, решил я, она должна быть и симпатичной. Она и была, если вглядеться, по-своему симпатичной. Минуточку, что значит «по-своему»? Попросту симпатичной.
Я заинтересовался.
Майя же, явно расстроенная, что ее предложение не принято, тем временем подбросила еще одну идею, и опять оригинальную:
– Скоро выйдет лонг-лист очередной премии «Стрега». Мы это будем освещать, да?
– Да что вы, молодые, все про культуру да про культуру… Хорошо еще, что вы без высшего образования. Иначе, боюсь, не спастись бы нам от критического обозрения длиной страниц не меньше чем в пятьдесят.
– Я, да, без высшего образования, но книги читаю.
– Мы не можем позволить себе масштабные культурные программы. Сами понимаете, наш потребитель вообще не читает книг. Он читает спортивные газеты. Но, я согласен, уважающему себя изданию нужно иметь полосу… Не то чтобы литературную… Но, допустим, «Культура и зрелища». Конечно, стоящие явления должны будут на ней освещаться. Но имейте в виду, преимущественно в форме интервью. Интервью с автором. Самое спокойное и мирное, что бывает. Ни один автор о собственной книге плохо не отзывается. Значит, читателю не грозят распри по художественным поводам. Кстати, очень важно, как подбираются вопросы. Не стоит выспрашивать чересчур подробно о книге. И стоит, наоборот, как можно больше выспрашивать о личной жизни писателя (или тем более писательницы) с их человеческими слабостями и странностями. Синьорина Фрезия, вы имеете богатый опыт по устройству вот-так-сюрпризов. Предложите нам какое-нибудь интервью, разумеется, вымышленное, с кем-нибудь из модных писателей, с выходом на любовную тематику, с выходом на сегодняшнюю, или на худой конец на давнюю, подростковую любовь, что-нибудь такое, с парой колючих шпилек в адрес писателей-конкурентов. Пусть эта книга, черт бы ее побрал, предстанет перед публикой в возможно более наглядном ракурсе. В таком, чтоб содержание дошло до каждой домохозяйки. Чтобы эти домохозяйки не комплексовали. Никто теперь не догадается, прочли они книгу или нет. Да и кто читает книги после того, как уже прочел рецензию? Зряшная трата времени. Рецензенты тоже не читают их. Хорошо, если их читал сам автор. Есть такие книги, что по ним и того не скажешь.
– Господи боже, – охнув, побледнела Майя Фрезия, – я считала, что избавилась от вот-так-сюрпризов…
– Да? Может, думали, что я вас пригласил писать статьи по экономике, международной политике?
– Не знаю… Я надеялась…
– Ну, в общем, нечего упираться, попробуйте свалять что-нибудь, мы все тут верим в вас и верим, что у вас обязательно получится.
Глава VI
Среда, 15 апреля
Помню, все началось с того, что Камбрия сказал:
– Слышал я, это, по радио, что ученые выяснили, от смога уменьшается член.

У молодых поколений. Это напрямую затрагивает не только молодую поросль, но и самолюбие отцов. Отцы всегда гордятся параметрами своих наследников. Я помню, когда родился мой, мне его показали в роддоме через стекло, и я сказал, ну и мошна у него, ничего себе! Побежал хвастаться перед сотрудниками.
– У любого новорожденного большая мошонка, – сказал Симеи. – И все отцы в восторге от этого. И еще не забывайте, что в роддомах довольно свободно обращаются с клиническими картами, и тот, которого вы видели тогда на расстоянии, вполне мог быть и не вашим сыном, при всем моем почтении к вашей мадам, разумеется.
– Отцов это касается, вообще, и в прямом отношении. Даже и у взрослых усыхает как будто бы, – продолжал Камбрия. – Если распространится слух, что, загрязняя планету, мы уменьшаем не только поголовье китов, но и свою, извиняюсь, пипиську, думаю, мир захлестнет великая экологическая революция.
– Интересно, – произнес Симеи. – Но что на это скажет коммендатор, неясно. То есть его референты что скажут. Хочется им, чтобы была экологическая революция? Или не хочется?
– Сенсация бы получилась что надо, – покивал Камбрия.
– А у нас не сенсационная газетенка, – осадил его Симеи. – И не информационный терроризм. Выставить в дурном свете газопроводы, нефть, все наши металлургические предприятия! Что мы, зеленые какие-нибудь, избави господи! И читателей мы стараемся не волновать, а успокаивать. – Поразмыслив, он добавил: – Ну только разве что если такая порча для пениса пойдет от какой-нибудь определенной фармацевтической компании, которую коммендатор захочет пугнуть. Ладно, это все решаемо в зависимости от указаний. Вы же, своим путем, если рождается идея, тащите ее сюда, а я взвешу и скажу, оприходуем мы ее или выкинем.
Назавтра Лючиди явился в редакцию с практически готовой статьей. В ней рассказывалось следующее. Один его приятель получил письмо на бланке «Независимого рыцарского ордена Св. Иоанна Иерусалимского – Мальтийского рыцарства – Экуменического приората Святой Троицы-Вильдье – Генерального штаба Лаваллетт – Приората Квебека», где ему предлагалось записаться в мальтийские рыцари за солидный вступительный взнос, покрывающий расходы на оформление диплома, производство медали, жетона и кое-какой другой памятной атрибутики.
Лючиди полез разбираться в рыцарских орденах и вынес из этого поразительные сведения.
– Ну вот пожалуйста… Тут у меня полицейский рапорт, не спрашивайте где достал, в нем перечислены самозваные мальтийские ордены. Их, посчитал, шестнадцать. Это те, что не относятся к Истинному суверенному рыцарскому и госпитальерскому ордену Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты, штаб-квартира которого в Риме. Названия почти одинаковые, с минимальными отклонениями. Все они друг друга то признают, то отрицают. В 1908 году несколько русских американцев образовали в США орден, который позднее управлялся его королевским высочеством князем Роберто Патерно Айербе Арагонским, герцогом Перпиньянским, главой Арагонского королевского дома, претендентом на трон Арагона и Балеарских островов, Великим магистром ордена Ожерелья святой Агаты Патерно и королевской короны Балеарских островов. От этой группировки отпочковался в 1934 году один датчанин, который основал новый орден, с принцем Петром Греческим и Датским в роли канцлера. В шестидесятые годы отошедший от русской линии Поль Гранье де Кассаньяк основал орден во Франции с бывшим царем Югославии Петром Вторым в качестве патрона. В 1965 году бывший царь Югославии разругался с Кассаньяком и основал в Нью-Йорке другой орден, приором которого стал принц Петр Греческий и Датский. В 1966 году возник, в роли канцлера ордена, некий Роберт Бассараба фон Бранкован Химчиашвили, но в скором времени его сместили с должности, чем сподвигли основать орден Экуменических рыцарей Мальты, чьим патроном имперским и королевским станет принц Генрих Третий Константин ди Виго Ласкарис Алерамико Палеолог Монферратский. Это наследный принц византийского трона, князь Фессалии, так вот, он, как выясняется, основал еще один Мальтийский орден – Великий приорат, Великим балье которого назначил некоего Тонна-Бартета. Князь Андрей Югославский, бывший Великий магистр ордена, основанного Петром Вторым, стал Великим магистром Приората России (который впоследствии преобразовался в Великий королевский приорат Мальты и Европы). Есть и орден, основанный в семидесятые годы… так… бароном Шойбертом, так… Витторио Буза, он же Виктор-Тимур Второй, православный владыка Белостока, патриарх восточной и западной диаспоры, президент Данцигской республики и демократической республики Белоруссия…
– Какой республики?
– Демократической республики Белоруссия. Так написано. Он же Великий хан Татарии и Монголии. Добавлю, что имеется и Великий международный приорат,

образованный в 1971 году уже упоминавшимся королевским высочеством Роберто Патерно вместе с бароном-маркизом Аларо, и этим приоратом начинает заведовать с 1982 года другой Патерно, а именно глава императорского дома Леопарди Томассини Патерно Константинопольский, наследный князь Восточной Римской империи, священноприсный законный наследник католической апостольской православной церкви византийского обряда, маркиз Монтеаперто, пфальцграф польского престола. В 1971 году на Мальте в результате раскола с группой Бассарабы учреждается Независимый рыцарский орден Святого Иоанна Иерусалимского, то есть тот, с которого я начал, и этот орден существует под высочайшим протекторатом Александра Ликастра Гримальди Ласкариса Комнена Вентимильи, герцога Ла Шастр, суверена и маркиза Деоли. Ныне его Великий магистр – маркиз Карл Стивала де Флавиньи, который после смерти Ликастра объединился с Пьером Пало, унаследовавшим должности Ликастра наряду со всеми титулами Высочайшего архиепископа и патриарха католической православной церкви Бельгии, Великого магистра Суверенного воинского ордена Иерусалимского храма и Великого магистра и иерофанта Масонского всеобщего ордена древнейшего и первобытного восточного устава объединенных Мемфиса и Мизраима. Ах да. Я забыл еще доложить, что предлагалось в качестве последнего писка моды стать членом Приората Сиона, объединяющего потомков Иисуса, который с женой Марией Магдалиной стал родоначальником семейства Меровингов.
– О, таких имен вполне достаточно, сами по себе работают, – восторженно выдохнул Симеи, все это время что-то записывавший. – Вы вслушайтесь только, господа: Поль Гранье де Кассаньяк! Ликастр, как вы сказали? Гримальди Ласкарис Комнен Вентимилья… Карл Стивала де Флавиньи…
– Роберт Бассараба фон Бранкован Химчиашвили! – триумфально подхватил Лючиди.
– Надеюсь, – подвел итог я, – что многих наших читателей уже пробовали ловить на эту удочку. Печатаем статью для профилактики от подобных махинаций.
Симеи сидел не шевелясь.
– Надо это обмозговать, – сказал он.
Назавтра он собрал нас. Разговор начался с того, что коммендатор зовется коммендатором по той причине, что он состоит в верховных бенефициарах Святой Марии Вифлеемской.
– Может быть, эта Святая Мария Вифлеемская очередная нелепица. Я встречал Святую Марию Иерусалимскую, она же Ordo Fratrum Domus Hospitalis Sanctae Mariae Teutonicorum in Jerusalem. Это я сам видел в Папском ежегоднике. Вообще и этому-то верить следует с осторожностью, учитывая, сколько белиберды исходит из Ватикана, но ясно, что коммендатор Святой Марии Вифлеемской – это вроде как правитель Тридевятого царства. Мы не можем публиковать материалы, выставляющие в смешном виде Тридевятое царство и его правителя. Не станем задевать чужие фантазии. Видите, Лючиди, придется убрать ваш материал.
– Так что, каждую статью будем оценивать по этому принципу, понравится ли коммендатору? – спросил Камбрия, о котором уже знали, что он специалист по идиотским вопросам.
– Ну а как иначе, – ответил Симеи. – Он ведь наш главный акционер, и это не отменял никто.
Вслед за тем Майя развернула перед нами примерный план еще одного репортажа. Оказывается, возле Тессинских ворот, в довольно туристском районе, существует пиццерия, не пиццерия даже, а скорее ресторан под названием «Сено-солома». Майя живет возле каналов Навильи, это близко, она не раз проходила там рядом. И всегда эта пиццерия, кстати, очень большая, на сотню мест, стоит пустая. Ну, иногда случайный турист присядет выпить кофе за наружным столиком. При этом ресторан очень даже ничего себе, Майя однажды зашла туда и села просто из принципа, одна, совсем одна в зале, только какая-то семья была еще за самым дальним столом. Заказала пасту «Сено-солома», четвертинку белого и яблочный торт. Готовят они изумительно, цены более чем сходные, официанты – сама любезность. Понимаете? Кому же нужно держать совершенно пустой ресторан с прекрасной кухней и грамотными официантами? Годы и годы, без посетителей. Кому и зачем? Десять лет, сказала Майя, день за днем там у них одна и та же история.
– Тайна какая-то, – вякнул Костанца.
– Да не сказала бы, – парировала Майя. – По-моему, все ясно. Ресторан принадлежит или триадам, или мафии, или каморре, куплен на нелегальные деньги, и это способ отмывки. Вы скажете, ну купили, приобрели актив, могли бы держать в закрытом виде. Нет! Он постоянно работает. Посетителей кот наплакал. Однако они, поди, проводят через кассу каждый день по сотне чеков. Выручку кладут, вероятно, в банк. Или в несколько банков, на несколько счетов. И, наверное, платят налоги, вычтя все затраты на

управление и на расходные материалы.
– Но это ведь надо доказать, – возразил Палатино.
– Докажем, – сказала Майя. – Достаточно было бы пойти туда двум контролерам из налоговой, под видом влюбленной пары, пусть понаблюдают, сколько придет посетителей. Ну, еще одна пара, больше двух посетителей за вечер не наберется. Так, проверяем кассу, а в кассе лежит около сотни пробитых чеков. Интересно, как они будут объясняться.
– Ну, не так это легко, – заметил я. – Парочка посидит, посидит, да и уйдет, часов, скажем, в девять. Как доказать, что остальная сотня клиентов не побывала с девяти до полуночи? Не могут же сидеть эти контролеры целый вечер. И потом, если на следующий день даже и найдут кучу чеков, какие из этого выводы? Налоговики обычно охотятся за незаявленными доходами. А тут – заявлено, наоборот, слишком много. Дирекция ресторана скажет, что у них заело кассовый аппарат, что он печатал целый вечер, портил бумагу. Послать повторную проверку? Так ведь они не дураки. Теперь они будут знать. Увидят кого-то похожего на контролеров – не станут пробивать фальшивые чеки. То есть придется проверять этот ресторан каждый вечер, держать армию контролеров специально для поедания пиццы. Вероятнее всего, контролеры устанут есть пиццу еще до того, как обезвредят этих нарушителей порядка.
– Ну, значит, – отрезала Майя, явно обиженная, – пусть налоговики и ищут, как их ущучить, нарушителей. Мы просто сигнализируем о проблеме.
– Радость моя, – снисходительно подвел итог Симеи. – Могу вам предсказать, к чему приведет публикация подобного расследования. Во-первых, восстановим против себя налоговиков. Они будут уязвлены, что вы выявили, как они проморгали мошенничество у себя под носом. А налоговики люди мстительные и захотят посчитаться. Не с нами, так с коммендатором. Кроме того, мы затронем, по вашему собственному заявлению, триады, каморру, ндрангету или кого-нибудь еще из таких же симпатичных товариществ. А стоит нам с ними цапаться? Потом сидеть ждать, пока они нам подложат бомбу в редакцию? Нет, если серьезно, знаете, чем, по-моему, все это кончится? Наши читатели все ринутся туда, прочтя вашу статью. Ресторан как из детективного фильма, мест полно! Кухня отличная, цены скромные! «Сено-солома» переполнится этими идиотами, и мы, по сути, сделаем «Сену-соломе» замечательную рекламу. Нет, не следует, не следует печатать этот ваш материал. От добра добра не ищут. Занимайтесь своими гороскопами.

Глава VII

Среда, 15 апреля, вечер

Майя была в таком состоянии, что я вышел вместе с ней и на лестнице придержал ее за локоть.
– Не огорчайтесь, Майя. Давайте пойдем чего-нибудь выпьем, я провожу вас.
– Я живу на каналах Навильи, там полно баров. Есть один, где отлично готовят «Беллини». Можно туда зайти.
Мы шли по набережной, я впервые за всю жизнь в Милане видел эти каналы. Я о них слышал, но почему-то считал, что это дело какое-то древнего прошлого, а в наше время каналы все засыпаны. Ничего подобного! Там, оказывается, примерно то же, что в Амстердаме. Майя рассказывала с какой-то даже гордостью, что Милан был действительно похож на Амстердам, еще совсем недавно, сплошные кольца каналов, и на периферии, и в самом центре. Как же это было, наверное, красиво. Стендаль очень хвалил. Но потом каналы закопали. Якобы по гигиеническим причинам. Они остались только в этой части. Вода, конечно, гнилая… А в прежние времена тут полоскали белье прачки. В закоулках тут еще до сих пор есть старинные дома. Много и домов с галереями, di ringhiera.
Эти дома, честно сказать, тоже для меня были чистой абстракцией. Когда я занимался энциклопедиями, видел какие-то фотографии пятидесятых годов, сам их заверстывал, для статьи о постановке пьесы «Наш Милан» Бертолацци в «Пикколо Театро». Но, признаюсь, мне думалось, что и «рингьеры» – это что-то из девятнадцатого века.
Майя смеялась:
– Что вы! В Милане полно до сих пор таких балюстрадных домов. Но теперь уж не для бедных людей. Пойдемте, вот они.
Мы оказались в прелестном двойном дворе.
– Пожалуйста, на первых этажах бутики и антиквары. По сути, конечно, старьевщики. Но называют себя антикварами и заламывают цены. Видите, художественные мастерские, магазины. Сюда теперь толпами валят туристы. А верхние этажи до сих пор такие, какими они были в прежние времена.
Действительно, вдоль всех этажей, начиная со второго, тянулись железные галереи. Череда дверей выходила на каждую. Я подумал – белье, конечно, вывешивают тут же на лестницах.
Майя сияла.
– Насчет белья не знаю. Мы все-таки не в Неаполе. Сегодня тут проведен

большой ремонт. Раньше в конце каждой галереи находился туалет, по одному на каждый этаж, то есть на несколько семей. А ванных комнат не было. Сейчас все перестроено с комфортом, для имущих. В квартирах не только душ, у некоторых стоят и джакузи. Жилье здесь стоит будь здоров сколько. Ну, не мое, конечно. У меня повернуться негде, с сырыми стенами, и слава богу, что все-таки есть душ, хотя и совмещенный с сортиром. Однако район, конечно, милый. Придет время, проведут ремонт и у меня. И после ремонта мне придется в обязательном порядке съезжать, потому что снимать будет уже не по карману. Одна надежда, что «Завтра» скоро запустится по-серьезному и меня возьмут на постоянную ставку. Только из-за этого я хожу туда, жду и терплю дурацкие унижения.
– Не сердитесь, Майя, на них. Естественно, что на стадии обкатки они должны дать нам понять, что именно им желательно печатать, а что нежелательно. У Симеи, ясно, есть обязательства перед газетой и перед собственником. Когда вы устраивали вот-так-сюрпризы в ежемесячных журналах, вы там печатали все, что удавалось нарыть. Но тут, согласитесь, издание другого типа. Это не скандальная пресса.
– Поэтому я и надеялась, что с вот-так-сюрпризами покончено. Мечтала заняться журналистикой. Боюсь, что не выйдет, в очередной раз окажется – не судьба. Что делать, не везет. Университет не окончила, ухаживала за родителями. Болели, умерли, потом уже было поздно начинать. Живу в трущобе, никогда не стану спецкором… Не отправиться мне в журналистскую командировку на Ближний Восток… Что меня ждет? Гороскопы. Дураченье дураков. Чистое лузерство.
– Мы в самом начале. Вот подождите, запустимся, и при ваших данных и подготовке вы получите выход на новые горизонты. Ваши предложения были блестящие. Мне понравилось. Думаю, что понравилось на самом деле и начальнику.
Это уж я привирал. По-хорошему следовало бы открыть ей, что она попала в тупик, что ей и правда не отправиться в журналистскую командировку на Ближний Восток, и вообще ни в какую командировку, а лучше всего бы бежать от нас куда глаза… Но просто язык не поворачивался вот так вот взять ей все и выложить. Я, впрочем, выложил, что думал, но не о ее делах, а о моих собственных.
Захлестнутый волной откровенничанья, я и не заметил, как меня снесло с вежливого «вы» на проникновенное «ты».
– Ну вот посмотри на меня. Я тоже, в конце концов, диплом не защитил. Всю жизнь пробегал по работенкам. В эту газету меня взяли в пятьдесят лет. И все-таки знаешь, с каких пор я уверился, что превращаюсь в лузера? С тех пор как сказал себе в первый раз: превращаюсь в лузера. Если бы я это так четко не сформулировал, как знать, может, и не уверил бы себя в том.
– Неужели пятьдесят? По вам не скажешь. То есть по тебе не скажешь.
– Ты бы мне дала, то есть, только сорок девять?
– Ничего подобного. Ты замечательно выглядишь и, читая нам нотации, не теряешь чувства юмора. Возраст в сочетании…
– Возраст в сочетании с нотациями – хуже не придумаешь.
– Возраст в сочетании с чувством юмора спасает положение. Прекрасно вижу, что ты сам не веришь в то, что говоришь на собраниях. Просто ты обязан играть по их правилам. В твоем цинизме… как бы это определить… есть что-то забавное.
Забавное? Это в ней было что-то забавное, хотя и смешанное с грустью. И глаза у нее были… Как бы их назвал паршивый писатель? Ну, паршивый, конечно, сказал бы: «глаза, как у олененка».
Ох уж этот олененок. Вообще-то, когда на вас смотрят снизу вверх, все похожи на оленят. Вот и вся причина. Любая женщина, если она ниже вас ростом и поднимает на вас глаза, приводит вам на память Бемби.
Мы дошли тем временем до ее любимого бара и уже давно сидели, и она прихлебывала «Беллини», а я мирно наслаждался виски. Я смотрел на эту женщину, которая не являла собой секс-продукцию по заказу. Чувствовал себя с каждой минутой моложе.
Алкоголь тому виною или что, но из меня рекой текли признания. Да и подумать, сколько лет как я никому ни в чем не признавался?
Я рассказал ей, что у меня когда-то была жена, которая меня оставила. Я рассказал ей, что я когда-то был покорен, в самом начале, тем, что на слова «я болван, прости меня» в ответ услышал «ну, я люблю тебя, хотя ты и болван». Подобные слова могут свести с ума человека, переполнить любовью. Но потом жена, вероятно, заметила, что я и вправду болван. Болванистее, нежели жена могла и хотела вынести. И тут история кончилась.
Майя смеялась:
– Ничего себе объяснение в любви, «болван»!
Потом рассказала, что хотя она и молода и болванов никогда специально не

искала, но и у нее были неудачные любовные истории, вероятно, потому, что люди ее возраста, как правило, ей казались слишком незрелыми.
– Можно подумать, я сама зрелая… Но в результате, как видишь, мне уже почти тридцать лет, а я не замужем. В общем, каждый жалуется на свои обстоятельства. У кого что есть, тот на то и жалуется.
Тридцать лет? В бальзаковские времена это считалось бальзаковским возрастом. А я бы дал Майе двадцать. Только полуневидимые складочки около глаз лучились, как будто она слишком долго плакала или слишком напряженно щурилась на солнце.
– Нет повести приятнее на свете, чем встреча двух неудачников, – сказал я ей на это. И тут же перепугался ужасно.
– Дрянная фраза, – сказала Майя уязвленно.
Прошло несколько мгновений молчания, потом пришла ее очередь извиниться – за перебор фамильярности.
– Нет, что ты, что ты, я благодарен, – заверил ее я. – Никто никогда мне не говорил «дрянная фраза» таким обольстительным голосом.
Кажется, это тоже был перебор, в обратную сторону.
Слава небесам, она выкрутилась – переменила тему.
– Они тут очень хотели бы переплюнуть «Харрис-бар», – сказала она. – А сами даже бутылки толком расставить не умеют. Гляди, в ряду виски торчит джин «Гордонс», а «Сапфир» и «Танкере» поставлены вообще на другую полку.
– На какую полку? – переспросил я, вглядываясь. Не мог понять где. Везде были только другие столики.
– Да нет, – сказала Майя. – За стойкой же, посмотри.
Я повернулся. Да, она была права. Но как ей могло прийти в голову, будто я могу видеть то, что видимо только ей? Так я впервые обнаружил то, что потом мне подтвердил злоязыкий Браггадоччо. Но тогда я не обратил никакого внимания на это. Просто помотал головой и попросил счет. Повторил Майе одну-две утешительные фразы и проводил до подъезда, за которым просматривался двор, а во дворе матрасная мастерская. Неужели еще есть на свете матрасники?
Майя сказала на прощанье:
– Настроение улучшилось.
И пожала мне руку.
Рука была теплая, благодарная.
Домой я добирался пешком вдоль благословенных каналов старого Милана, который выглядел намного приемлемее, чем Милан Браггадоччо. Надо все же получше изучить этот славный город, таящий такое количество сюрпризов.
Глава VIII
Пятница, 17 апреля
Всю следующую неделю, вперемешку с проверкой наших домашних заданий (так мы сами их называли), Симеи излагал нам планы и проекты, может быть, не самые срочные, но о которых надо было начинать думать.
– Не знаю, будет ли это проект 0 / 1 или 0 / 2… Мы и 0 / 1 не доделали, там еще много страниц не доведено… Но нигде не сказано, что в первом номере их должно быть обязательно шестьдесят. Мы не «Коррьере делла сера». Можно и поменьше. Ну, как минимум двадцать четыре. Двадцать четыре страницы. Думаю, меньше этого уже нельзя. Сколько-то займет реклама. Пока что рекламу у нас по-настоящему не размещают. Не беда. До поры до времени будем просто брать из других газет… Тем временем укрепится доверие к нашему поручителю, и это будет гарантией его грядущих заработков…
– Насчет колонки траурных объявлений, – вступила Майя. – Чистые деньги. Я готова выдумывать. Главное – имена посмешнее. Безутешные родственники. Они уж и сами по себе дорогого стоят. А еще смешнее, в случае важных покойников, это присоединившиеся. Присоединившиеся к горю близких. Присоединившимся, конечно, никакого дела нет ни до близких, ни до их горя. Их интересует только name dropping, чтоб все видели: и я тоже был знаком, был знаком с усопшим!
Точно. Майя, как всегда, попала в точку. После вчерашнего вечера я держался подчеркнуто официально. Она тоже. Оба мы понимали, что отважно и неосторожно раскрылись друг перед другом.
– Траурные объявления, чудно, – пробасил Симеи. – Но сначала сделайте порученные гороскопы. Да, еще вот о чем я думал. О борделях. О домах терпимости, тех, что были раньше. Я их помню. В пятьдесят восьмом году я был уже взрослым, когда их закрывали.
– И я был совершеннолетним, – перебил Браггадоччо, – и кое-какие бордели успел навестить.
– Эх, как вспомню тот, на улице Кьяравалле. Это был солдатский бардак в полном смысле слова. На входе урыльники, то есть предлагалось для начала опорожниться…
– …и расплывшиеся шлюхи маршировали перед солдатами, перед испуганными

провинциалами, вывалив наружу языки… Бандерша покрикивала: решайтесь, парни, чего вы мямлите там, как мятые тряпки…
– Пожалуйста, Браггадоччо, сдерживайтесь, тут все-таки дама…
– Да, в присутствии дамы, – вступила Майя, не выказав никакого замешательства, – лучше выражаться так: гетеры пенсионного возраста откровенно фланировали, сопровождая свои движения сладострастной жестикуляцией, перед созерцателями, охваченными возбуждением…
– Вот, правильно, Фрезия. Может быть, не в точности так, но в этом роде. Выражаться прошу поделикатнее. В частности, потому, что лично мне были по душе более респектабельные заведения. Например, то, которое на улице Сан-Джованни-суль-Муро. Интерьеры в стиле либерти. Интеллектуалы туда ходили не за сексом (как они любили заверять), а на художественные экскурсии…
– А еще, помню, на улице Фьори-Кьяри, отделка в стиле ар-деко, с восхитительным разноцветным кафелем, – мечтательно отозвался Браггадоччо. – Может, наши читатели еще помнят, как это выглядело…
– Кто не помнит, тот видел у Феллини, – отозвался я. – Поскольку это же классика. Чего нет в собственной памяти, то заимствуется из искусства.
– Решайте сами, Браггадоччо, – закрыл тему Симеи. – Мне нравится идея. Нырок в прошлое. Показываем, что доброе старое время, в сущности, не было таким уж скверным.
– Но почему на примере борделей? – переспросил я с сомнением. – Это, может, и возбудит старикашек, но зато может отвадить от нас старушек.
– Колонна, – прогромыхал Симеи. – Отвечу вам раз и навсегда. После закрытия, в шестидесятом, в борделе на Фьори-Кьяри открыли ресторан. Изысканный. С теми самыми разноцветными кафелями. В кулуарах для памяти сохранили два-три старых туалета и даже позолотили биде. Так знали бы вы, сколько раззадоренных дам затаскивали своих мужей в эти каморки… выспрашивая подробности, как и что там происходило в прежнее время. Потом, конечно, эта мода сошла на нет, дамы угомонились, кухня оказалась не ахти, в общем, ресторан закрылся… Ага, вот я вижу, как развернуть все это. Будет тематический блок. Слева поместим материал Браггадоччо, справа расследование об уличном разврате на периферийных бульварах, где мы наблюдаем самые непристойные сцены продажного секса. На эти бульвары, говоря по совести, не следовало бы даже приходить детям. Никаких назидательных сентенций по поводу двух параллельных описаний, но читатель сам по логике придет к надлежащим выводам. По-моему, очевидно, что лучше были тихие старые дома терпимости. Дамам было спокойнее, когда мужья не ездили по ночам на окраины и не сажали в семейную машину шлюх, оставляющих по себе вонь дешевых духов. Мужчинам было тоже комфортнее жить в те времена. Их могли, конечно, застукать на входе в интересные дома, но они могли сказать, что их привело туда художественное любопытство к интерьерам эпохи либерти. Ну, кто у нас вызывается написать документальный матерьяльчик про шлюх?
Вызвался Костанца, и все вздохнули с облегчением. Мотаться по периферийным бульварам поздними вечерами сулило серьезный расход бензина и столь же серьезные выяснения отношений с общественной полицией нравов.
У Майи был такой взгляд, что мне стало просто не по себе. Она как будто только сейчас заметила, что угодила в змеюшник. Поэтому, поборов привычную сдержанность, я все-таки дождался на улице, пока она выйдет из редакции, и, распрощавшись с компанией («зайду в аптеку»), догнал ее на полупути – дорога к квартире Майи была мне уже известна.
– Нет, я уволюсь, без никаких, – сказала она чуть ли не со слезами. Ее трясло. – Что это за контора, скажи? Пока меня держали на вот-так-сюрпризах, это хотя бы никому не портило нервы. И даже наоборот, помогало дамским парикмахерам держать в спокойствии клиенток под горячими колпаками.
– Майя, не будем обобщать. Симеи прожектерствует, изобретает что-то нереальное, это вовсе не значит, что в газете на самом деле все это будет печататься. Мы на стадии прикидок. Какие-то гипотезы, фантазии… Слава богу, тебя не попросили стоять ночью на бульваре переодетой в шлюху, чтоб сделать репортаж «реалити». Не думай больше об этом. Может, в кино сходить?
– Нет, здесь у них фильм, который я видела.
– Где «здесь у них»?
– Где мы только что шли, на той стороне улицы.
– Я же глядел на тебя и держал тебя за руку. Как я мог смотреть на ту сторону? Ну ты даешь, Майя!
– Ты почему-то не видишь того, что вижу я, – ответила Майя. – Ну хорошо, кино так кино. Купим газету и посмотрим, что и где идет где-нибудь поблизости.
Мы пошли смотреть фильм, которого я не запомнил, потому что Майю колотила

дрожь и я держал ее за руку. Рука была опять теплой, опять признательной, и так мы и сидели, как влюбленная пара, та, из рыцарей круглого стола, с мечом меж двоих посередине.
Потом я проводил ее домой. Она, по виду судя, понемногу оклемывалась.
Я братски поцеловал ее в лоб, самым почтительным образом, как старший товарищ. В сущности (мысленно приговаривал я), я вполне бы мог быть ее отцом.
Ну не то чтобы… да какая разница, мог бы или не мог бы.
Глава IX
Пятница, 24 апреля
На следующей неделе заседания шли ни шатко ни валко. Никому не хотелось работать, в том числе и Симеи. Да и то подумать. Двенадцать выпусков в год, это, слава богу, не выпуск раз в день. Я читал первые варианты материалов, редактировал стиль, вычеркивал лишние красивости. Симеи был доволен:
– Господа, мы заняты журналистикой, а не беллетристикой.
– Кстати, – вступил тут Костанца, – я заметил, начинается мода на переносные телефоны. Один типчик в поезде вчера рядом со мной говорил вслух с кем-то из банка о своем счете. Теперь я знаю об этом человеке все. По-моему, мир начинает сходить с ума. Я бы охотно написал об этом в газете.
– Телефоны переносные эти, – весомо ответствовал Симеи, – не приживутся. Во-первых, при такой цене, как у них, кто их сможет себе позволить? Во-вторых, люди поймут, что им не хочется отвечать кому попало в любое время и из любого места. Люди соскучатся по приватному общению, по беседе с глазу на глаз, не говоря уж какие к ним начнут приходить счета. Эта мода поживет годок-другой и самоликвидируется. Сами подумайте, кому они нужны, подобные аппаратики? Только бабникам, ибо снимают проблему домашнего телефона. Ну и еще полезно, чтоб такой телефон был у водопроводчика. В случае протечки можно будет вызывать его прямо от предыдущего клиента. Больше никому это изобретение не нужно. Публика наша таких игрушек не держит, статьи о телефонах ее не интересуют. А если у кого и заведутся подобные цацки, этих господ наши статьи тронут еще меньше, нежели остальных, поскольку речь идет о считанных радикал-шик-снобах.
– И вдобавок, – вступил я, – как вы понимаете, ни Рокфеллер, ни Аньелли, ни президент Соединенных Штатов не могут иметь нужду в таких карманных устройствах, у них для связи имеются секретари и секретарши. Скоро станет ясно, что ячейковая связь изобретена для бесправных трудяг, которым в любой момент угрожает узнать из банка, что на счету у них не остается денег, и которым звонит шеф, чтоб наорать, где они запропастились. Аппаратик станет символом социальной униженности…
– Ну не знаю, – сказала Майя. – Это как с одеждой. Возьмите стандартный набор: майка – джинсы – шарф. Один и тот же стандартный набор и у дам из общества, и у мещаночек. Вот только у вторых все как-то слишком приглажено. Они считают, будто джинсы должны обязательно быть новыми, глажеными, не потертыми, и даже почти всегда подбирают к джинсам туфли с каблуками: тут-то и становится ясно, что это не хорошо одетая синьора, а заурядная простушка. Хотя простушка этого не понимает. Она гордо идет в своем плохо подобранном наряде, ни сном ни духом не ведая, что подписала себе приговор.
– Так не нужно ей сообщать через газету «Завтра», что она не настоящая синьора. И что муж у нее или бесправный трудяга, или лжец и бабник. К тому же коммендатор Вимеркате, не исключено, подбирается к бизнесу сотовых телефонов. Так кто мы будем, подкладывая ему подобную гадость? Делаем вывод: эта тема либо несущественная, либо ядовитая. Предлагаю отставить. Как и любые темы о компьютерах. У нас в редакции, вы знаете, коммендатор предоставил каждому личный компьютер, с которым мы можем делать что хотим: писать, архивировать данные. И тем не менее я все еще работаю по старинке и не знаю даже, как их, компьютеры, включают… Кстати, большинство наших клиентов похоже на меня. Компьютеры им не нужны, потому что им нечего архивировать. Так не будем же насаждать в читателях комплексы неполноценности.
Прекратив обсуждение электроники, мы взялись за статью, мною вдрызг отредактированную, но Браггадоччо тем не менее нашел к чему прицепиться.
– Москва встает на дыбы? Что за дурацкие выражения! Президент встает на дыбы, пенсионеры встают… На какие такие дыбы!
– Так ведь, – сказал я в ответ, – читатель ровно этого от нас и ждет. Он уже привык, он всегда встречает в газетах именно подобные выражения. Перетягивание каната, не мытьем, так катаньем, затянуть пояса, ни для кого не секрет, вершина айсберга, как грибы после дождя, перекрыть кислород, время не ждет, Кракси просчитался, в Квиринальском дворце запахло порохом, Амстердам – северная Венеция… Время поджимает, потому что мы в эпицентре циклона! Политик не «говорит», а либо «открещивается», либо «настаивает»… Силы правопорядка действовали высокопрофессионально.

– Вот, высокопрофессионально, – перебила Майя. – Для чего это пишется? Все, кто работает, должны работать в соответствии с профессиональными правилами. Прораб строит дом, дом не падает, так что пишем о нем «высокопрофессионально»? Как-то это нелепо выглядит. О профессионализме задумываться стоит в случае прораба-недоумка, у которого дома падают. А о нормальном прорабе что писать? Водопроводчик прокачал унитаз… Мерси, конечно, но причем тут профессионализм? Еще не хватало, чтоб он взболтал дерьмо и погнал в квартиру. Хвалить за профессионализм – значит, что мы предполагаем, что обычно все работают кувырком через задницу.
– Именно, – отвечал я. – Наши читатели уверены, будто все работают кувырком через задницу. Поэтому превозносят высокий профессионализм. В переводе с технического тем самым хотят сказать: «У них получилось». Карабинеры поймали курокрада? Высокий профессионализм.
– Да, как говорят, «Иоанн Двадцать третий – добрый папа». Можно подумать, что другие римские папы были недобрые.
– Вообще-то, я думаю, что да. Что недобрые. Иначе за что так хвалят «доброго» Иоанна Двадцать третьего? Кстати, например, если вы видели фотографию его предшественника Пия Двенадцатого… В фильме про Джеймса Бонда этого двенадцатого Пия взяли бы на роль главы Спектра.
– Выражение «добрый папа» запустили журналисты. Читатели талдычат вслед за ними.
– Все выражения всегда запускают журналисты. Журналисты ориентируют читателей, что им надлежит талдычить, – отрубил Симеи.
– Ориентируют? По своей природе журналисты исследуют нравы или диктуют нравы?
– И исследуют, и диктуют, синьорина Фрезия. Публика не знает, какие у нее нравы. Мы ее ориентируем. Благодаря нам люди также узнают, какие нравы у них были прежде. Ладно, поменьше философии, побольше профессионализма. Давайте, Колонна.
– Даю, – отозвался я. – Даю профессионализм. Мы говорили о штампах: разделать под орех, распоясаться, свет в конце туннеля, и далее до бесконечности… В особенности следует постоянно извиняться и каяться. Англиканская церковь извиняется перед Дарвином, штат Виргиния извиняется за былое рабство, электрическая компания извиняется за сбои, канадское правительство извиняется перед эскимосами. Нельзя сказать, чтоб католическая церковь действительно пересмотрела свои пещерные взгляды на вращение нашей планеты, но римский папа все-таки извинился перед Галилеем.
Майя захлопала в ладоши:
– Точно, точно. Я так никогда и не смогла понять, эта извинительная мода, она проявление смирения или, наоборот, высшей наглости? Делаешь нечто неподобающее, далее быстро извиняешься и – гляди – опять чистенький. Вспоминается школьный анекдот, как ковбой скачет по прерии, слышит голос свыше: «Скачи быстро в Абилену!», в Абилене слышит голос, что он должен зайти в салун, в салуне голос ему свыше диктует: поставь на рулетку на пятый номер, ковбой ставит все деньги, на рулетке выходит восемнадцать. Голос свыше: «Вот ведь зараза, опять не получилось!»
Посмеялись и двинулись дальше. На повестке дня стояла статья Лючиди о богадельне, о «Милосердном приюте Тривульцио», и обсуждали мы этот материал битых полчаса. Наконец, когда Симеи в припадке меценатизма заказал из ближнего бара кофе для всех, Майя, сидевшая между мной и Браггадоччо, пробормотала:
– А я бы сделала наоборот. Если бы у нас газета была попродвинутее. Сделала бы колонку, где бы все было навыворот.
– Навыворот статью Лючиди? – вскинулся Браггадоччо.
– Нет, ну при чем тут, что вы подумали? Я имела в виду – штампы навыворот…
– О штампах мы кончили говорить полчаса назад, – буркнул Браггадоччо.
– Ну да, но у меня не выходило из головы.
– А у нас давно вышло! – рявкнул Браггадоччо.
Майя не обиделась на его реплику и смотрела на нас с удивлением: забыли, что ли?
– Навыворот «эпицентр циклона» или «разделать под орех». Венеция – южный Амстердам. Фантазия превосходит даже самую смелую реальность. Надеюсь, вы не подозреваете, что я не расист. Тяжелые наркотики – первый шаг на пути к марихуане. Запоясаться. Общение по-простому на «вы». Хорошо смеется тот, кто смеется первым. Я, может быть, и немолод, но, слава богу, уже выжил из ума. Для меня все эти ваши выкладки – китайская безграмотность. Головокружение от неуспехов. Если разобраться, у Муссолини тоже были свои несомненные минусы. Париж ужасен, но парижане уж очень симпатичные. Молодежь ездит в Римини, чтобы ходить на пляж, не на дискотеку же.
– И целый гриб отравился, съев всего лишь одну отравленную семью. Сколько можно? Откуда у вас столько этих глупостей? – произнес Браггадоччо примерно

то же, что сказал кардинал Ипполито поэту Ариосто.
– Большей частью все из одной книжки. Вышла уморительная книжка в прошлом месяце, – сказала Майя. – Но прошу прощения. Да, я понимаю, что для «Завтра» это не то. Что-то я не попадаю в точку. Думаю, пора мне уже домой. До свидания, увидимся.
– Послушай, – задержал меня Браггадоччо. – Надо поговорить. Давай ты меня подожди, пойдем вместе. Хочу тебе кое-что рассказать. Если не расскажу, лопну.
Через полчаса мы усаживались в таверне «Мориджи», и, надо заметить, по пути Браггадоччо ни слова не проронил относительно обещанного «кой-чего». Наоборот, толок воду в ступе:
– А видел ты, какая она ненормальная, эта Майя? У нее аутизм.
– Аутизм? Аутисты обычно замкнутые, ни с кем не общаются. Какой же у нее аутизм?
– Ты почитай о ранних проявлениях аутизма. Например, мы с тобой сидим в комнате с мальчиком, у мальчика аутизм, зовут, например, Пьерино. Ты попросил меня спрятать где-нибудь шарик и уйти. Я кладу шарик в вазу. Потом я выхожу, ты перекладываешь шарик из вазы в коробку. Затем у Пьерино ты спрашиваешь: сейчас придет снова господин Браггадоччо, где ему искать шарик? Пьерино отвечает: ясное дело, в коробке. Пьерино не учитывает, что в моем представлении шарик все еще в вазе. У него-то в представлении шарик уже в коробке! Пьерино не умеет влезать в шкуру другого человека. Он думает, что у других в голове то же самое, что в голове у него.
– Но это же вроде не аутизм.
– Ну не знаю, может быть, у нее аутизм в легкой форме. Ведь бывает, что подозрительный человек – это параноик в начальной стадии. Но эта Майя определенно не в состоянии принять чужую точку зрения. Она уверена, что все думают то же, что она. Видел бы ты. Позавчера она вдруг как брякнет: «А он тут вовсе ни при чем». А этот «он» был упомянут кем-то вообще походя и за добрых полчаса до ее фразы. То ли ее заело на одной мысли, то ли ей просто пришло на ум что-то некстати, но она не может уяснить, что мы-то о том предмете и думать забыли. Так что она ненормальная. И это еще слабо сказано, поверь, пожалуйста. А ты все на нее пялишься, как на оракула…
Браггадоччо нес, конечно, бред. Я как мог выкрутился:
– Оракулы и должны быть ненормальными. Может, она правнучка Кумской сивиллы…
Это по дороге. В таверне же, сев за стол, Браггадоччо приступил к обещанному рассказу.
– У меня такая сенсация в руках, что мы продадим, можешь мне поверить, не меньше ста тысяч экземпляров. Если пойдем в продажу. Я хочу посоветоваться, вот. Как ты думаешь, что лучше: отдать нарытые мной материалы Симеи или продать конкурентам? В настоящую газету? Это просто бомба. Речь идет о Муссолини.
– Муссолини, по-моему, не очень такая уж бомба.
– Нет, что ты! Я могу доказать, что кое-кто нас дурачил всю жизнь, ну то есть совсем дурачил, всех обманывал.
– То есть как это?
– Долго рассказывать, но я расскажу. У меня, правда, пока только гипотеза. Не имея автомобиля, не могу проехать по местам, где еще, наверное, есть живые свидетели. Надо бы расспросить народ, собрать сведения. В любом случае давай рассмотрим сначала те факты, которые известны всем. Потом я тебе изложу свою гипотезу, и ты поймешь, что она – самая верная.
После этого Браггадоччо пересказал суммарно, по стереотипам, то, что сам он назвал «общеизвестной азбукой». Слишком уж общеизвестной, добавил Браггадоччо, чтобы эта азбука могла действительно быть правдой.
Принято считать, что, когда союзники прорвали Готическую линию обороны фашистов и пошли на Милан и война была уже де-факто проиграна, 18 апреля 1945 года Муссолини покидает озеро Гарда и направляется в Милан. Он останавливается на окраине города. Совещается с ближними министрами, есть ли возможность еще оборонять небольшой район в долине Вальтеллина. Но, по сути дела, дуче готовится к концу. На второй день он дает последнее интервью в жизни одному из верных приспешников, Гаэтано Кабелле, редактору «Народного листка Алессандрии». 22 апреля Муссолини выступает с последней речью перед офицерами Республиканской гвардии. Говорит нечто вроде «когда Родина потеряна, жизнь не имеет смысла».
Назавтра союзники уже в Парме. Освобождена Генуя. Утром знаменитого дня 25 апреля рабочие захватили фабрики в Сесто-Сан-Джованни. Муссолини вместе с ближайшими соратниками, среди которых генерал Грациани, явился в архиепископство к кардиналу Шустеру, который организовал его встречу с Комитетом национального освобождения. Принято думать, что под конец собрания прибыл Сандро Пертини и встретился с Муссолини. Ну, может,

встретился на лестнице. Ну, может, это вообще легенда. Комитет освобождения потребовал от Муссолини безоговорочной капитуляции, добавив, что и немцы уже ведут с ними переговоры о сдаче. На что фашисты (последние, самые упертые) не приняли предложения. Они не согласились на унизительную сдачу. Вместо того взяли себе на размышление время и ушли.
Вечер. Вожди Сопротивления не могут в бездействии пережидать долгие размышления противника. Они дают сигнал к восстанию. Тут-то Муссолини, как принято думать, и ударяется в бегство на берег озера Комо. С горсточкой самых верных. На берег Комо направляются и жена его Ракеле с сыном Романо и дочкой Анной-Марией. Но Муссолини почему-то не желает с ними встречаться!
– А почему? – торжествующе вопросил тут Браггадоччо. – Почему? Что ли, предпочитал дожидаться любовницу, Кларетту Петаччи? Да ее еще не было. Мог же, пока ее ждал, уделить четверть часика семье? Обрати, обрати внимание на эту тонкость. Вот отсюда и начинается подозрение!
Муссолини считал, что в Комо безопаснее. Партизан в тех окрестностях было тогда еще довольно мало. Он считал, что пересидит до прихода англо-американцев. Это и была на тот момент основная задача Муссолини: не попасться партизанским вожакам, а отдать себя в руки англо-американцев, чтобы те передали дело в формальный суд, а потом… Главное было для него дожить до суда.
Или, может, думал, что из Комо переберется в Вальтеллину, где есть преданные люди (Паволини), которые обещали бывшему диктатору прикрытие в несколько тысяч боевых единиц.
– Он покинул Комо. Дальше, уволь, предпочту не описывать карусель перемещений. Куда только ни метался злополучный кортеж. Я не могу точно восстановить. Для моего расследования не это главное. В какой-то момент дуче подался в Менаджо. Оттуда, может, хотел попасть в Швейцарию. Потом кортеж поворачивает в Кардано. Там они подбирают Петаччи. Появляется немецкая охрана, присланная по приказу Гитлера, чтоб перевезти Муссолини к другу фюреру в Германию. Похоже на то, что в Кьявенне его дожидался самолет, чтобы доставить в Баварию. Но похоже и на то, что в Баварию попасть уже не было возможности. Кортеж возвратился в Менаджо. Ночью приехал Паволини, от которого ждали военной поддержки, но приехали с ним только семь или в лучшем случае восемь республиканских гвардейцев. Дуче чувствует, что его загнали в угол. Надежда на Вальтеллину рассыпалась. Единственное решение – присоединиться с иерархами и семьями иерархов к немецкой колонне, которая пойдет через альпийский перевал. Это двадцать восемь грузовиков с бойцами, с пулеметами на каждой машине. С ними итальянская колонна – броневик пехоты и десяток гражданских автомобилей. Но в Муссо, не доезжая Донго, колонна налетает на подразделение «Пюхер» пятьдесят второй бригады Гарибальди. Подразделением командует Педро. Это кличка графа Пьера Луиджи Беллини делле Стелле. Политический комиссар – Билл (Урбано Лаццаро). Педро – сорвиголова, совершенно бесстрашный. В отчаянном положении начинает с противником игру. Он старается создать у немецкого командования впечатление, будто за его спиной на горах полным-полно партизан. Угрожает дать приказ задействовать тяжелую артиллерию, которая в тот момент, по правде, полностью для него утеряна, ибо захвачена германцами. Педро видит, что немецкий командир держится храбро, но солдаты у него празднуют труса и думают лишь о том, чтобы спасти свою шкуру и разбежаться по домам. Педро в расчете на них подбавляет жару… В общем, не мытьем, так катаньем, перетягивание каната, не стану тебя утомлять, Педро удается убедить немцев не только сдаться, но и сдать итальянцев, которых они с собой везли, а именно – доконвоировать их до селения Донго, а потом разоружить и передать партизанам для обыска. Немцы, ясно, повели себя как полные сволочи, но своя рубашка, понятное дело, ближе к телу.
Педро собрался перлюстрировать итальянцев не только потому, что был уверен – в колонне скрываются фашистские иерархи, но и потому, что ходили слухи, что среди них прячется не кто иной, как сам Муссолини. Педро не то верил, не то не верил, вел какие-то переговоры с командиром бронемашины, которым, кстати, был вице-премьер правительства кончившейся Социальной республики Салу, инвалид войны и герой войны Барраку, удостоенный Золотой медали за храбрость, – Барраку вызывал у Педро симпатию.
Барраку упирается. Он хочет добираться до Триеста. Он намерен своими силами защищать город от захвата его югославами. Педро вежливо уведомляет Барраку, что он сумасшедший, что до Триеста ему не доехать, а если бы он и доехал, то оказался бы один на один с многочисленной и хорошо обученной армией Иосипа Броз Тито.
Тогда Барраку спрашивает, можно ли ему вернуться обратно и подобрать оставшегося неизвестно где генерала Грациани. Педро на все это (перлюстрировав броневик и убедившись, что Муссолини в машине нет)

позволяет кортежу ехать куда угодно обратно, потому что ни в чьи интересы не входит нагнетание вооруженного конфликта, которым можно только навлечь на себя внимание немцев. Он отпускает броневик и отбывает по собственным делам. Но перед уходом приказывает подчиненным проследить, чтобы конвой действительно ехал обратно. А в случае если эта головная самоходка хотя бы на два метра сунется вперед – оставляет приказ стрелять.
Самоходка почему-то совершает нервный рывок. Может, только для того, чтоб удобнее развернуться… Тут у партизан сдают нервы. Партизаны открывают огонь. Краткий обмен любезностями. Двое убитых фашистов и двое раненых партизан.
В результате пассажиры, как сидевшие в самоходке, так и бывшие во всех автомобилях, попадают под арест. Бывший среди пассажиров Паволини прыгает в сторону, бежит к озеру, кидается в воду, но его выволакивают и приобщают к прочим задержанным, вымокшего, как мышь.
Приблизительно в то же время Педро получает сообщение от Билла из Донго. Тот докладывает: в ходе перлюстрации немецкой колонны боец-партизан Джузеппе Негри рассмотрел на одном из грузовиков человека, о котором стал кричать «Это Лысарь!», что в переводе на итальянский могло значить только, что среди сидевших обретался собственной персоной Плешивый Верховный Вождь, переряженный в немецкого солдата. В каске, солнечных очках и стоячем воротнике.
Тогда Билл забрался в кузов и проверил сам. Непонятный немецкий солдат отворачивался. Но не так уж трудно было опознать его: точно, это именно он, дуче! И вконец растерявшийся Билл, не имея понятия, как держаться, сознает исторический момент и торжественно произносит: «Я сейчас арестовываю вас, именем итальянского народа!»
Затем Плешивца ведут в здание деревенского совета.
В это время в Муссо, где досматривают автомобили итальянцев, обнаруживают в одной из машин двух каких-то женщин, двух детей и их сопровождающего, который заявляет, что он консул Испанского королевства и что держит путь в Швейцарию для несказанно важной встречи с высокопоставленным английским агентом, имя которого произносить он не имеет права. Документы у него оказываются поддельными. И его арестовывают, под громогласные вопли и возгласы.
Педро с прочими переживают исторический момент. Поначалу, однако, кажется, они даже не понимают этого. Они попросту озабочены необходимостью поддерживать порядок, предотвратить суды Линча, гарантировать, чтобы ни один волос не упал с головы задержанных и чтобы пленники были переданы итальянскому правительству, как только удастся с правительством связаться. Педро этим и занят. После обеда 27 апреля Педро дозванивается-таки до Милана и сообщает, кого он поймал. Тут в действие вступает Комитет национального освобождения, получивший телеграмму от англо-американцев, в которой союзники требуют передать им пленного диктатора. И действительно союзники должны получить и дуче, и всех членов правительства Республики Салу в согласии с документом о перемирии, заключенном в 1943 году между Бадольо и Эйзенхауэром («Бенито Муссолини и главные его фашистские пособники… которые ныне или впредь будут опознаны на территории, контролируемой военным командованием союзников или итальянским правительством, должны быть немедленно арестованы и переданы силам Объединенных Наций»). Кто-то рассказывает даже, будто в аэропорт Брессо уже прилетел специальный аэромобиль, чтобы вывезти диктатора.
Комитет освобождения уверен, что Муссолини, если попадет в руки союзников, ускользнет от ответственности. Ну, самое большее, проведет в заключении год-другой, а потом вернется в политику.
Луиджи Лонго (представляющий в Комитете фракцию коммунистов) выкрикивает, что Муссолини нужно валить на месте и сразу. Грубо и без разбирательств. Без суда, без исторических заявлений!
Большинство лиц, входивших в Комитет, ощущало, что стране Италии требуется какой-то символ, конкретный знак, доказательство, что двадцатилетие и впрямь завершено. Мертвое тело дуче, вот что действительно станет таким символом. Вдобавок не только имелось опасение, что диктатором завладеют англо-американцы, но и было ясно, что, если судьба Муссолини окажется непроясненной, его образ будет вечно присутствовать в качестве бестелесного, но довольно неудобного мифа, сходного с мифом о легендарном Фридрихе Барбароссе, который якобы таится в пещере, вечно ожидаемый выходец из древнего времени.
– И очень скоро ты поймешь, что миланские комитетчики рассуждали абсолютно правильно. Но не все члены Комитета думали, как они. Например, генерал Кадорна был склонен скорее удовлетворить запросы союзников. Но он оказался в меньшинстве. Комитет решил послать представителей в Комо, чтобы покончить с Муссолини. Патруль, согласно распространенной версии, был под

командованием человека явных коммунистических симпатий, полковника Валерио, и политического комиссара Альдо Лампреди.
Не станем брать сейчас альтернативные гипотезы, например что исполнителем был не Валерио, а некто поважнее. Возникали разные интерпретации. Была даже версия, будто на самом деле вождя расстрелял сын убитого Маттеотти. Или что расстреливал его Лампреди, настоящий мозг всей компании. И так далее… Ну пусть. Поверим тому, что было провозглашено в сорок седьмом. Что непосредственным исполнителем был Валерио. Что под именем Валерио выступал бухгалтер Вальтер Аудизио. Которого впоследствии как героя провели в парламент от компартии. С лично моей, знаешь, собственной точки зрения, все это не так уж важно. Валерио или не Валерио, что это вообще меняет?
Итак, Валерио и его взвод выступают в сторону Донго. Тем временем, еще не зная о грядущем появлении Валерио, Педро решает запрятать подальше Муссолини, потому что боится, как бы летучие фашистские отряды не попытались освободить его. Чтобы запрятать получше, он отдает приказ перевезти вождя первым делом, тихо-тихо, но при этом понимая, что слушок-то все равно побежит, в казарму пограничной службы в селении Джермазино. А той же ночью за дуче должны были прийти, по плану, и передислоцировать его в другое место, на этот раз уж действительно никому не известное место, поблизости от Комо.
В Джермазино Педро обменялся одной-двумя фразами с Муссолини. Тот попросил его передать привет даме, ехавшей в машине с испанским консулом, и, поколебавшись, признался, что речь идет о Петаччи. Педро кинулся искать Петаччи. Та поначалу все отрицала. Потом признала, что это именно она. Кларетта дает волю словам. Она изливает чувства, рассказывает о своей жизни с дуче и просит в качестве особой милости воссоединения с возлюбленным. Растерявшийся Педро советуется с товарищами и, тронутый этой жизненной коллизией, дает согласие. Кларетту Петаччи приобщают к ночной передислокации в новое место, до которого они так и не добрались, потому что кем-то был пущен слух, будто Комо занят союзниками, которые ликвидируют последний очаг фашистского сопротивления.
Поэтому маленький кортеж из двух машин поворачивает снова на север. Машины останавливаются в Аццано.
После короткого перехода пешком беглецам было отведено место в доме политически надежного семейства Де Мария. Муссолини и Петаччи получили в свое распоряжение небольшую комнату с двуспальной кроватью.
Педро не знал, что живым Муссолини он никогда больше уже не увидит. Он снова поехал в Донго, а там на площадь вкатил вдруг грузовик вооруженных людей в новеньких шинелях. Не то что разнобойные отрепья партизан. Те спрыгнули из грузовика и выстроились около горсовета. Командир представился: полковник Валерио, уполномоченный представитель Генерального штаба добровольно-освободительной армии. Он предъявил безупречные документы и отрапортовал: прибыл-де с заданием расстрелять всех пленных в полном составе, по списку.
Педро пытался возражать. Он настаивал, чтобы пленных передали по команде в инстанции, наделенные правом проведения законного судебного следствия. Но Валерио обладал правом старшего по званию. Валерио потребовал список арестованных и собственноручно поставил рядом с каждым именем черный крестик. Педро увидел, что смертный удел уготован и Кларетте Петаччи, и снова вступил в спор: она ведь только любовница диктатора. Валерио ответил, что таков был приказ миланского командования.
– И вот посуди… воспоминания Педро говорят сами за себя. В других версиях присутствует официальная точка зрения. Так, сам Валерио описывает, будто Петаччи вцепилась в любовника, он ее отталкивал, она не слушалась и на нем висела и в результате тоже получила пулю, можно сказать, почти что по ошибке, в общем, от великодушных чувств. А из свидетельства Педро мы ясно понимаем, что Кларетту хладнокровно приговорили. В общем, не суть, но важно, что Валерио рассказывает что ему заблагорассудится и мы не можем ему стопроцентно верить и по остальным пунктам.
И по остальным пунктам, развивал свою мысль Браггадоччо, чем дальше, тем меньше ясности. Узнав про испанского консула, Валерио потребовал его показать, обратился к тому по-испански, тот не знал языка, то есть он никакой не испанец, Валерио дал ему затрещину, пришел к выводу, что это Витторио Муссолини, и скомандовал Биллу вывести его на берег озера и пустить в расход. Парня поволокли на расстрел, но по дороге другой боец узнал в нем Марчелло Петаччи, брата Кларетты. Билл привел приговоренного обратно, тот выкрикивал, будто-де принес пользу стране Италии, ибо знал о секретном оружии и скрывал этот факт от Гитлера. Валерио внес Марчелло Петаччи в список приговоренных.
Валерио с его расстрельным взводом вторгается в дом семейства Де Мария, захватывает Муссолини и Петаччи и везет их на машине в укромное место, в

Джулино-ди-Меццегра, где их высаживают. Похоже, поначалу Муссолини питал надежду, что Валерио приехал выручать их. Только в том узком переулке диктатору стало ясно, что именно их ждет. Валерио с силой толкнул его к железным воротам и прочел вслух приговор.
Впоследствии Валерио утверждал, будто он пытался рассоединить дуче и Кларетту, но та упрямо цеплялась за любовника. Валерио стреляет, его автомат переклинивает. Валерио хватает автомат из рук Лампреди и выпускает в приговоренного очередь из пяти автоматных выстрелов. Потом будет сказано, что Петаччи неожиданно оказалась на траектории очереди и была застрелена по ошибке.
Все это было 28 апреля.
– Все, что ты слышишь, я цитирую по воспоминаниям Валерио. Согласно этим воспоминаниям Муссолини принял жалкую смерть. В эпических сказаниях это изображают по-другому: дуче яростно распахивает шинель – стреляйте в сердце! Что на самом деле случилось в переулке, никто не узнает. Это знали расстрельщики, а их рассказами руководила коммунистическая партия, вот в чем штука.
Валерио возвращается в Донго и командует расстрелом прочих иерархов. Барраку требует, чтобы его расстреливали не в спину, а в лицо, но с ним поступают как со всеми остальными. Валерио добавляет в группу и брата Петаччи. Прочие приговоренные протестуют, не хотят делить участь с предателем, о делах которого ничего не известно. Поэтому в итоге его все-таки расстреляли индивидуально.
Остальные получили свои пули и упали. Петаччи увернулся и побежал к озеру, его схватили, он опять не давался в руки…
Как выясняется, Петаччи бросился в озеро, отчаянно поплыл, и на плаву его достали очередями автомата и пистолетными выстрелами. Позднее Педро, который не допустил, чтобы его людей привлекали к расстрелу, приказал выловить труп из воды. Мертвого Марчелло Петаччи положили в тот же грузовик, куда по приказу Валерио грузили остальные тела. Грузовик заедет потом в Джулино, чтобы принять на борт останки диктатора и Кларетты. А оттуда машина направится к Милану, где 29 апреля все эти тела выставят напоказ на пьяццале Лорето, на том месте, куда были брошены тела партизан, расстрелянных почти за год до этого; фашисты их оставили тогда разлагаться на солнце сутки, не позволяя членам их семей забрать останки и отдать последний долг.
Тут Браггадоччо крепко схватил меня за руку, давя и сжимая с дикой силой, так что я в ответ конвульсивно выдернулся.
– Извини, – сказал он. – Но вот мы подошли к главной точке основной проблемы. Как ты слышал сейчас от меня… Следи внимательно. Помнишь, где и когда в последний раз Муссолини видели на людях те, кто действительно знал его в лицо? В последний раз это было в Милане у архиепископа. С тех пор дуче мотался, он и его свита, по северу Италии, его подобрали немцы, его арестовали партизаны, и никто из них не имел прямого визуального с ним знакомства. Только так, по фотографиям, по пропагандистским фильмам. А на фото последних двух лет дуче выглядел худым и облезлым. Люди даже шептались, что он уже сам на себя не похож. Помнишь, я рассказывал, последнее интервью Муссолини дал журналисту Кабелле 20 апреля? Перечитал и подписал в печать двадцать второго. Помнишь, я говорил? Так вот. Кабелла почему-то пишет поразительные вещи. Что он нашел Муссолини поздоровевшим, в противоположность всеобщим отзывам и слухам. Гораздо свежее, нежели когда он видел Муссолини в предыдущий раз, в декабре сорок четвертого года, на выступлении в театре Лирико. Вот что Кабелла пишет: «В декабре и при прежних встречах, в феврале, в марте и августе сорок четвертого года, он не выглядел так цветуще. А на этот раз – здоровый, загорелый. Ясный взгляд, быстрые движения. Даже пополнел, по виду судя. Исчезло впечатление чахлости, которое он производил на встречах прошлого года, когда имел призрачный, почти бестелесный вид».
Надо, конечно, учесть, что Кабелла работал на пропаганду и хотел изобразить дуче полным сил и в совершенном владении собой. Но послушай теперь другой текст. Я прочту тебе цитату из воспоминаний Педро. Он описывает дуче в первые минуты после ареста. Давай я прочту, вот смотри: «Муссолини сидел за столом справа от двери. Если бы я доподлинно не знал, что это Муссолини, я бы не узнал его. Старый, истощенный, перепуганный. Вылезающие из орбит глаза с потерянным взглядом. Он поводит головой из стороны в сторону рывками, озирается, похоже, всего страшится…» Видишь?
– Ну ясно, страшится, его только что арестовали.
– Но ведь это только неделю спустя после интервью с Кабеллой. За час до этого он был почти убежден, что вот-вот проедет швейцарскую границу. Кто это способен за неделю так исхудать? Делаем вывод: тот, кто виделся с Кабеллой, и тот, кого видел Педро после ареста, – разные люди. Учтем

вдобавок, что диктатора не знал в лицо и полковник Валерио. Он прибыл уничтожить, расстрелять не человека, а миф, образ, пропагандистскую фигуру. Того, кто показательно молотил пшеницу на току и возвещал о вступлении в войну…
– То есть у тебя получаются два Муссолини?
– Давай ты послушаешь дальше. В Милане распространилась новость, что готовятся привезти расстрелянных. На пьяццале Лорето собрались толпы. Кто ликует, кто негодует, кто вообще теряет человеческий облик и кидается терзать мертвые тела. Трупы топчут, выкрикивают ругательства. Плюют, пинают. Какая-то тетка разрядила в Муссолини пять раз пистолет, за своих пятерых сыновей, убитых на войне. Другая помочилась на Петаччи. В конце концов кто-то решил отобрать трупы у толпы. Их подвесили вверх ногами на перекладине бензоколонки. Это мы видим на фотографиях. Вот, я вырезал несколько снимков. Это пьяццале Лорето. Это тела Муссолини и Кларетты… Это уже на другой день, когда партизаны сняли трупы и переместили их в морг на пьяццале Горини. Фото, гляди на фото. До чего изуродованы. Сначала пулями, потом изуверством толп. Да и как можно узнать в лицо мертвеца, висящего книзу головой, глаза на месте рта, а рот на месте глаз? Естественно, опознать его невозможно.
– Ну хорошо, повешенный с площади Лорето, то есть человек, застреленный полковником Валерио, мог бы быть не Муссолини. Но Петаччи-то, увидевшись с Муссолини на берегу озера, она же его признала, а следовательно…
– К Петаччи еще вернемся. Сперва прокатаем мою гипотезу. У диктатора вполне мог иметься дублер. Этот дублер мог сколько угодно появляться вместо него на официальных выходах, выездах, стоя в автомобиле, всегда издали. Превентивно, что ли. Ну и для того, чтобы дуче мог спокойно уходить от ответственности. В час отправления в Комо поехал не сам Муссолини, поехал двойник.
– А Муссолини куда?
– К Муссолини вернемся. Дублер не один год жил в довольстве, роскошестве и упитанности, а работал (выступал в роли дуче) какие-то считанные разы. Тем не менее он уже сроднился с личностью Муссолини. Он соглашается еще раз, последний раз, сыграть муссолиниевскую роль, тем более, убеждают его, что даже если его и остановят на границе, никто не покусится, конечно же, на диктатора. Его дело маленькое – не выступать, не дерзить и дожидаться прихода союзников. Которым он откроет все карты, что-де не Муссолини он никакой, а коли так, ему и не грозит ничего, ну максимум подержат в каком-нибудь лагере несколько месяцев. После чего его ждет кругленький счет в швейцарском банке.
– Ну а фашистские бонзы, которые с ним были до конца?
– Ну так а бонзы приняли весь этот балаган, чтобы позволить начальнику скрыться. Добежать до англичан. Тогда, по их ожиданиям, он смог бы спасти и себя, и их самих. Ну, самые фанатичные думали, может, сопротивляться до конца… И им тоже нужна была символическая фигура, чтобы сплотить и сорганизовать жалкую горстку уцелелых бойцов. Можно, в частности, предположить и такой вариант: Муссолини с самого начала был и остается в машине с двумя-тремя самыми преданными, остальным же не позволено приближаться, и они видят его издалека, то есть видят кого-то в темных очках. Не знаю, как уж там это было. Но не суть. Предположение о дублере, исключительно оно одно, объясняет, почему же псевдо-Муссолини не стал видеться со своей женой и детьми в Комо. Не было возможности доверить секрет подмены целому большому кругу, зная многочисленность семьи.
– А Петаччи?
– А вот это самое трогательное: она торопится к дуче, думая, что это он, что она увидит его. И тут ей кто-то сообщает по секрету, что от нее требуется делать вид, будто тот дублер и есть Муссолини. Делать вид, чтобы все окружающие поверили. Делать вид до границы. Дальше уж она сможет ехать куда пожелает.
– Да, но в развязке драмы она же цепляется за дуче и хочет умереть с ним?
– Это по рассказу полковника Валерио. Дальше… ну представим… тот дублер со страху наделал в штаны и стал орать, что он совершенно не Муссолини. Что за плакса, с отвращением говорит Валерио. Да и врун к тому же. Будь мужчиной. И начинает стрелять.
Петаччи не имела причины признаваться, что она называла любовником первого встречного. Ну и кинулась обнимать его, чтоб придать убедительность сцене. Ей и в голову не могло прийти, что Валерио застрелит за компанию и ее. И вдобавок, кто знает… Женщины по природе истерички… Она, может быть, осатанела, и Валерио, не зная, как ее усмирить, пустил в ход автомат.
А то еще могло случиться и вообще совершенно по-иному. Валерио, когда он понял, что пленники его – подмененные… он, посланный расстреливать Муссолини, он, избранный из множества итальянцев, что он должен был делать?

Отказаться от этой ни с чем не сравнимой миссии? Ну, он… уже в собственных интересах… доиграл роль до конца. Если дублер похож на своего прототипа в живом состоянии, то, конечно, будет похож и в мертвом. Э! Кто сможет выступить с опровержением? Комитету нужен труп: труп вот вам. А когда вынырнет где-нибудь настоящий Муссолини, о нем-то и можно будет утверждать, будто он – копия.
– Да, а что с ним? С настоящим Муссолини?
– Это та часть дела, которую еще предстоит обмозговать. Нужно найти объяснение, куда ему удалось укрыться и кто ему помог. Попробуем пока навскидку. Англо-американцам не хочется, чтобы Муссолини был захвачен партизанами, потому что он владеет секретами такого рода, которые могут удивить всех, например что он вел тайную переписку с Черчиллем. Эти его шашни уж и сами по себе могли вызвать настоящее потрясение в народе. А тут еще освобождение Милана: в стране началась самая настоящая гражданская война. Беда не только в том, что русские стояли уже почти в Берлине и завоевали уже почти пол-Европы, но и в том, что большинство партизан в Италии были закоренелые коммунисты, вооруженные до зубов. Они только и ждали, что прихода русских. Пятая колонна. Готовились передать русским Италию. Поэтому ясно, что союзники, по крайней мере американцы, должны были подготовить хоть какое-нибудь сопротивление этой советской революции и в этих целях задействовать ветеранов фашизма. Разве они не спасали нацистских ученых, фон Брауна, и не ввозили их в Америку для космических опытов? Американские спецслужбы всегда работают без комплексов. Муссолини, превращенный в безвредное существо, в один прекрасный день, они понимали, мог оказаться даже и полезным. Значит, его следовало перевезти куда-нибудь подальше от Италии и, как уж сказано, заморозить на некоторое время в каком-нибудь спокойном месте.
– А как?
– Боже мой, как! Ну кто встрял в это дело, чтобы не доводить стороны до крайностей? Архиепископ Милана, кто же еще! Он действовал по указке Ватикана. Кто помог множеству нацистов и фашистов убежать в Аргентину? Ватикан! Вот теперь вообрази. На выезде из архиепископского дворца в машину Муссолини подсаживают дублера. А сам Муссолини на машине поскромнее уезжает в замок Сфорца.
– Почему в замок?
– Потому что из архиепископата до замка Сфорца по прямой, мимо Домского собора, Кордузио и по улице Данте на машине всего только пять минут. Гораздо быстрее и удобнее, чем ехать в Комо. Не станешь спорить? Под замком имеются разветвленные подземелья. Одни хорошо разведаны. Другие забиты мусором. В некоторых подвалах в последние месяцы войны размещались бомбоубежища. Так вот, имей в виду, многие документы рассказывают нам, что в былые века под замком Сфорца были и подземные лазы, и туннели. И настоящие галереи, уводящие от герцогского замка в разные точки города. Один такой туннель существует до сих пор, хотя вход в него нет возможности найти. Беда в грунтовых завалах. Но он существовал. Он вел от замка к монастырю Санта-Мария-делле-Грацие. Там Муссолини прятали несколько дней. Как раз в то время, когда партизаны его ловили на севере и толпа рвала в клочья его двойника на площади Лорето. А как только страсти в Милане поутихли, машина с номерами государства Ватикан приехала за Муссолини ночью. Дороги тогда были не то что сейчас, от одного священникова дома до другого, от монастыря в монастырь… Кто знает через сколько дней его наконец доставили в Рим. Муссолини вынырнул за ватиканскую стену, а что было дальше, ты можешь догадываться сам. Или остался в Ватикане, вполне возможно – переодетый дряхлым кардиналом, или… с ватиканским паспортом, как монах-мизантроп с бородой из-под опущенного капюшона, отплыл на каком-нибудь из многочисленных кораблей в далекую Аргентину. И там дожидается, не исключено, до сих пор.
– Дожидается чего?
– Об этом я тебе сообщу в будущем. Гипотезу еще предстоит развить.
– Но чтоб ее развивать, гипотезу, требуются же доказательства…
– Ну, они будут через несколько дней. После того как я кончу изучать архивы и газеты того времени. Завтра двадцать пятое апреля, роковая дата. У меня встреча с тем, кто об интересующем меня времени знает все. После этой встречи я докажу, что повешенный на Лорето труп не был Бенито Муссолини.
– Ты разве не должен был закончить статью о бардаках?
– О бардаках я знаю столько, что успею накатать всю статью за два часа вечером в воскресенье. Ну, спасибо, что меня выслушал. Просто необходимо было с кем-нибудь поделиться.
Мне пришлось опять-таки за него заплатить. Но, честно говоря, он свое угощение полностью отработал.
Вышли. Он оглянулся и потом поспешил куда-то, держась под стенками, будто

опасаясь неведомо чьей слежки.
Глава X
Воскресенье, 3 мая
Браггадоччо был явно безумен. Но окончательно судить я не мог: недоставало самой колоритной части рассказа. Я решил подождать с выводами. Пусть оно будет и выдумано напрочь с начала до конца, но сюжет все же, что ни говори, лихой. Поглядим, разберемся, а уж потом решим, как относиться к сумасшедшей версии.
Размышляя о безумии, я коснулся в мыслях и предполагаемого аутизма Майи, как будто меня интересовала ее психология. Теперь я знаю, что меня интересовало в ней совершенно не то.
После работы я повел ее домой и не остановился в воротах, а вошел во двор вместе с нею. Под небольшим навесом смирно стояла красненькая ржавая «чинквеченто».
– Двадцать лет, но замечательно ездит. Ее только надо время от времени подкручивать. Но тут рядом механик, у которого даже есть старые запчасти. В настоящий порядок ее привести – нужно целое состояние. И она тогда будет антиквариат. Коллекционеры покупают их за дикие деньги. Я ее держу, чтоб ездить на озеро Орта. У меня там, представь себе, дача. Мне досталась от бабки чудная хижина на холме, продать ее вряд ли возможно, но я там все чудно оборудовала, печка есть, телевизор есть, хотя, как ты понимаешь, черно-белый. Из окна видно озеро и остров Святого Юлия. Это мой рай в шалаше. Езжу туда по выходным. Регулярно. Кстати, вот в этот уикенд хочешь поехать? Давай в воскресенье утром, потом я тебе что-нибудь состряпаю, готовлю я неплохо, а к ужину вернемся в Милан.
Утром в воскресенье в машине Майя сказала:
– Видел? Вот уже разваливается, а ведь она совсем недавно была такая крепкая, краснокирпичная…
– Она кто?
– Да станция обходчиков, по левой стороне проехали только что.
– Слушай, ну это невозможно. Если она по левой, то ее видела только ты, я могу видеть дорогу по правой. В этом гробу для новорожденных, чтобы увидеть хоть что-нибудь, что по левому борту, нужно навалиться на тебя и высунуть голову в окошко. Неужели же непонятно, что мне технически невозможно видеть что-либо слева?
– Да что ты говоришь, – сказала она, как будто услышала что-то остроумное. Тогда я решил довести до нее, что у нее какой-то странный бзик.
– Ну что ты, ей-богу, – отвечала она с легким смехом, – я просто воспринимаю тебя как защиту и опору, поэтому мне уж и кажется, что ты думаешь и знаешь то же, что и я.
Я заволновался. Не хотелось, чтобы она думала, что я думаю то же, что она. Это как-то выходило чересчур интимно.
Но, однако, меня объяла и какая-то нежность. Майя казалась мне беззащитной, Майя упрятывалась в собственное мысленное пространство, не желая учитывать, что происходит в пространстве у других, ранивших ее когда-то… В общем, нечто в подобном роде. Именно мне была отведена доверенная роль, и, не умея или не желая проникнуть в мой мир, Майя уверила себя, будто я способен проникать в ее собственный.
Входя в домик, я был порядочно взвинчен. Милый, кстати, домик, хотя и донельзя спартанский. Май был в самом начале, и на горе стояла прохладная весна. Пришлось начинать с печки. Когда пламя сделалось живым, Майя встала с полу и, взглянув на меня счастливыми глазами, разрумяненная первыми бликами огня, сказала:
– Я… ну, я очень рада.
Это передалось и мне. Передалось ее настроение.
– Я… ну, я тоже рад.
С этими словами я обнял ее и, почти не понимая, что делается, конечно, поцеловал; она прижалась ко мне, худенькая, как птенец. Кстати, Браггадоччо ошибался. Груди у нее вполне были. Маленькие, но твердые. Песнь песней. Два сосца твоих – два козленка, двойня серны.
– Я правда очень рада.
Последнее, что я все-таки спросил:
– Ты понимаешь, я могу оказаться твоим отцом?
– Тогда инцест, – отозвалась она.
Майя уселась на кровать и быстрым движением пятки-носка катапультировала куда-то туфли. Видимо, Браггадоччо не ошибался, говоря, что она ненормальная. Но деваться мне было уже некуда.
Ну, в тот день мы не пообедали. Встали с кровати уже под самый вечер. В Милан не поехали. Я совсем пропал, пропал. Будто бы снова вернулись мои двадцать лет, ну от силы тридцать, как Майе. Мне было теперь не больше.
– Майя, – сказал я ей утром в понедельник по дороге в редакцию. – Нам

придется обоим ишачить на Симеи, пока я не заработаю денег хоть сколько-то, тогда я вытащу тебя из этого змеюшника. Потерпи. А потом посмотрим. Я надеюсь, уедем на какой-нибудь остров в очень далеком южном море.
– Трудно верить, но приятно на это надеяться, Тузитала. А сейчас, когда ты рядом со мной, я смогу терпеть даже Симеи с его гороскопами.
Глава XI
Пятница, 8 мая
Пятого мая утром Симеи был донельзя взбудоражен.
– Мы сегодня поручим одному из нас, предположим, Палатино, у него как раз нет задания… Думаю, вы все читали или хотя бы слышали. Я имею в виду, недавно, первые сигналы поступили в феврале, один прокурор из Римини взялся за махинации управленцев в тамошних богадельнях. Модная тема, жареная тема, после «Милосердного приюта Тривульцио». Ни один из тех приютов нашему собственнику не принадлежит, но… вы знаете, конечно… несколькими домами престарелых он все же владеет. Тоже на адриатическом берегу. Не приведи бог, захочет этот риминийский полицейский субчик сунуть нос в дела нашего коммендатора. Ясно, что главе совета акционеров приятнее будет знать, что мы уже успели бросить тень на репутацию этого проныры. А надо вам, господа, учитывать, что в нынешние времена для опровержения не нужно доказывать свою правоту, а нужно дезавуировать обвинителя. Поэтому – за работу. На бумажке имя этого прокурора. Наш Палатино выезжает в Римини с микрофоном и фотоаппаратом. Просветим хрустального законника. Нет в мире хрустальных. Прокурор, допускаю, не педофил, и даже, может быть, не убивал свою бабушку, и в принципе, может быть, не брал взяток, но что-нибудь непонятное в своей жизни прокурор точно сделал. Выражусь метафорой… сумейте превратить это непонятное в четкое и яркое. Поработайте, Палатино, давайте, ну. Поработайте воображением.
Через три дня Палатино вернулся с жирной добычей. Ему посчастливилось словить прокурора в то время, как тот на скамейке в городском парке сидел и курил. Под ногами у прокурора виднелась россыпь окурков. Палатино не мог заранее знать, как это нам понравится, и напряженно молчал. Но Симеи сразу ему сказал, что это просто убойный кадр. Следователь, от которого все ждут взвешенных и размеренных действий, на самом деле, как мы недвусмысленно демонстрируем, хлюпик и невротик. К тому же лентяй. Чем корпеть над документами, прохлаждается на лавочке. Палатино снял прокурора еще и вечером, когда тот ужинал в китайском ресторане и ел рис палочками.
– Прелесть, ну прелесть, – сказал Симеи. – Наш с вами контингент не ходит в китайские рестораны. Там, где читатель живет, подобных зрелищ, скорее всего, нет. Читателю не придет в голову брать еду палками, как дикарь. «С какой это стати следователя потянуло на китайщину? – скажет наш читатель. – Если это серьезный юрист, почему не ест суп и макароны, как все?»
– И это еще что, – поддакнул, довольный, Палатино, – у него носки, взгляните, как бы это лучше выразиться, салатовые. Цвета цветного горошка. С кроссовками.
– Салатовые носки, кроссовки! – вскричал Симеи. – Он прокурор или денди? Или он хиппи, как говорили когда-то? От этого салатового рукой подать до марихуаны. Хотя прямо проговаривать это мы не будем. Читатель не дурак, дойдет. Разрабатывайте эти элементы, Палатино. Должен получиться медальон с такими, знаете, нюансами, с тенями-полутенями. И тогда можно будет сказать: филигранно! Из ничего слепили новость. Без слова клеветы. Увидите, коммендатор будет очень доволен. Доволен вами, Палатино. Как и мы все. Мы все тут в редакции. Замечательно сделано, Палатино.
Тут прозвучал голос Лючиди:
– В уважаемой газете, я думаю, должно быть досье.
– В каком смысле? – переспросил Симеи.
– Досье и крокодилы. Нельзя, чтоб редакцию захватывали врасплох. Вдруг в десять часов вечера придет известие о кончине какой-то важной персоны. Кто может за тридцать минут родить внятный некролог с подробностями? Некрологи пишут заранее. Превентивно. Называются «крокодилы», в смысле крокодиловых слез. Крокодилов есть десятки и сотни. Сразу в печать, только не забыть вставить в текст точный день и час смерти.
– Но у нас же нет нужды выпускать нулевые номера каждый божий день, – возразил я. – На какую дату должен попасть наш номер, на ту дату посмотрим газеты. Кто тогда умер.
– Да. Наша газета будет оплакивать только, скажем сразу, министров и всяких крупных промышленников, – развил тему Симеи. – Не надо заштатных поэтишек, о которых наш контингент, убежденно заявляю, ни разу в своей жизни не слышал и которые полезны, только чтоб заполнять культурные страницы главных газет. Им нечего печатать, а каждый день что-нибудь тискать приходится воленс-ноленс.
– Нет, все-таки, – не унимался Лючиди, – крокодилы я сказал просто к

примеру, но досье-то действительно иметь необходимо. На каждого фигуранта должна быть коллекция фактов и сплетен. Не бегать же собирать материал в последнюю минуту.
– Я уже понял, – парировал Симеи. – Оставим этот шик для крупных национальных ежедневников. За каждым досье стоит немеренная гора работы. Я не могу позволить себе использовать вас только на эти досье с раннего утра до позднего вечера.
– Зачем же использовать нас. – Лючиди усмехнулся. – С этим управится любой среднестатистический дипломник. За малое вознаграждение. Задание выполняется в библиотеке, в газетном зале. Что вы думаете? Органы печати, телевидения, даже спецслужбы пользуются почти исключительно опубликованными материалами газет. У спецслужб, могу доложить вам, тоже нету лишнего времени, чтобы попусту его расходовать. Досье обычно содержит несколько вырезок из открытой прессы, где написано то, что обычно и так уже всем известно. Всем, но не тому министру, не тому политическому лидеру, для кого делают отчет: у него не было пяти минут, в руки взять газету и полистать. Всю преподносимую информацию он принимает как государственный секрет. В досье обычно содержатся разношерстные сведения. Главное – чтобы в нужном порядке. Чтоб вырабатывались подозрения и аллюзии. Вот вырезка, что некий политик был оштрафован несколько лет назад на трассе за превышение скорости. Рядом – вырезка, что тот же фигурант посетил в середине прошлого лета лагерь бойскаутов. И еще одна: на дискотеке, в праздник, среди прочих посетителей побывал еще и наш фигурант. Ну, больше точно ничего уже не требуется! Башибузук, дебошир, плюющий на все человеческие правила, даже на дорожные, шляется по притонам, а кроме того, можем предположить, даже, вероятно, с уверенностью заявить, что он интересуется мальчиками. Полюбуйтесь, как мы его уделали. И при этом не сказав ни словечка неправды. В этом и сила досье, что неправды не требуется. Главное – распространить слушок, что имеется досье. Что в досье есть кое-что характерное. Довести это до сведения фигуранта. Тот, в свою очередь, даже если не знает, что же там в досье может быть, обязательно припомнит какой-нибудь фактик – а скелеты в шкафу есть у всех – и даст себя напугать. И тогда ты свободно можешь выставлять ему свои условия, он их примет покорно и с пониманием.
– Это, насчет досье, это мне нравится, – проговорил Симеи. – Коммендатор будет не прочь получить рычаги, чтобы укротить тех, кто его не любит или кого он не любит. Колонна, будьте любезны, подберите для нас списочек людей, которые могут иметь отношение к нашему с вами собственнику. Найдите безденежного аспиранта и поручите ему с десяточек личных дел. На первое время хватит. Полезное, нужное начинание, вдобавок еще и низкобюджетное.
– Так-то делается медиальная политика, – подытожил Лючиди с умудренным видом человека, знающего, что почем в нашем подлунном мире.
– Вы, радость моя Фрезия, – цедил тем временем Симеи, – напрасно принимаете такой шокированный вид. Неужели ваши журналы светских сплетен, вы хотите сказать, не пользуются заготовками? Вас посылали фотографировать парочки. Киноактеров или старлетку и футболиста. Те, может, не хотели держаться за руки и гулять под луной. Но весьма вероятно, что из вашего журнала их информировали, что если они хотят избежать распространения нежелательных сведений… Скажем, что девица в совсем недавнем прошлом состояла на учете в полиции после облавы в притоне…
Покосясь на Майю, Лючиди, у которого, не исключается, была совесть, вышел с новой темой и сменил разговор:
– А я тут принес еще кое-какие новые сведения, разумеется, взятые из старых досье. Пятого июня 1990 года маркиз Алессандро Джерини оставил значительное наследство церковному фонду Джерини. Этот фонд живет и действует под эгидой Салезианской конгрегации. Деньги тут же растворились, куда – нет возможности сказать. Есть мнение, что салезианцы их получили, но умолчали это, желая укрыться от налогов. Но есть более авторитетная информация, что деньги эти до салезианцев не дошли. Что будто все зависит от какого-то таинственного посредника, адвоката, в этом роде, и он все стопорит, пока ему не дадут такую крупную комиссию, что она совсем уже по сути не отличается от самой обычной взятки. Но против этого есть еще более авторитетное мнение, будто для продвижения этого дела необходимо содействие каких-то внутренних деятелей в среде самих салезианцев. В общем, попросту говоря, речь идет о разделе там у них среди своих. До сих пор все это имело статус непроверенного трепа, но я могу попробовать кого-нибудь из них тряхнуть и разговорить.
– Попробуйте, – сказал Симеи. – Но не вносите раздор между салезианцами и Ватиканом. Самое большее, назовите статью «Салезианцев ввели в заблуждение?». Обязательно с вопросом в конце. Чтоб не иметь неприятностей ни с теми ни с другими.
– «Салезианцы в эпицентре циклона?» – всунулся, как обычно, Камбрия, и, как

обычно, совсем некстати.
Я недовольно заткнул ему рот:
– Я думал, что до всех дошло, но вот нет, оказывается. Быть в эпицентре циклона означает на языке наших читателей вляпаться в неприятность. Или по чужой вине, или по собственной. А в случае с салезианцами имеется в виду нечто совсем иное.
– Вот именно, – поддакнул Симеи. – Создадим неопределенное подозрение. И хотя мы не знаем, кто именно этот любитель половить рыбку в мутной воде, мы ему, надо полагать, испортим праздник. Того мы и добивались. Потом получим прямую компенсацию. Наш собственник получит. Молодец, Лючиди, действуйте. Всемерно оберегая спокойствие салезианцев, естественно. Ну или не всемерно, а посильно оберегая. Если салезианцы чуть-чуть и обеспокоятся, это не так уж плохо.
– Простите, – робко вступила Майя, – а что, наш собственник одобряет или одобрит эту политику, как бы ее назвать… сбор сведений и угрозу их использовать?
– Мы, слава богу, свободны и не обязаны давать собственнику отчет в отношении редакционной линии, – с достоинством перебил ее Симеи. – И коммендатор никогда ни в малейшей степени не оказывал на меня давление. Вот что, хватит, пора вам переходить к текущей работе.
В этот день у меня состоялось собеседование с Симеи с глазу на глаз. Я, естественно, не забывал, с каким основным предназначением меня брали на работу. Поэтому я разработал и подготовил для него общий план нескольких глав намечаемой книги «Вчерашнее завтра». Были более-менее охвачены все заседания редакции, которые он провел. Но все перевернуто с ног на голову. Симеи выглядел человеком, готовым отразить любое обвинение, пусть даже сто раз сотрудники рекомендовали бы ему осторожность. Я даже придумал последнюю главу, в которой церковный сановник, приближенный к салезианцам, медоточиво ему звонил бы, рекомендуя не обострять щекотливенькое дельце маркиза Джерини. Что там уж говорить обо всех остальных звонках. Кто только не связывался-де с Симеи, товарищески советуя не ворошить историю с «Милосердным приютом Тривульцио». Однако Симеи всем им отвечал храбро, как Хэмфри Богарт в заветном фильме: «Нет, это пресса, милая крошка, и против прессы ты ничего не сможешь поделать!»
– Божественно, – произнес, как припечатал, Симеи, прямо одухотворенно. – Вы оправдали ожидания, Колонна, и продолжайте работать в том же духе.
Я почувствовал не меньшее унижение, нежели Майя, когда ей всучили гороскопы. Но назвался – значит, полезай. И тем более в предвидении южных морей, обещанных Майе. Где бы они ни находились. Даже пускай в миланской провинции. Нам как лузерам и этого должно было хватить за глаза.
Глава XII
Понедельник, 11 мая
В понедельник Симеи опять провел общевойсковой смотр.
– Костанца, – начал он. – В вашей статье о ночных бабочках вы применяете такие выражения, как «бардак», «бандерша», «укокать». И даже одна ваша героиня посылает другую «на хрен».
– Да это для колорита, – стал защищаться Костанца. – В телевизоре теперь уже тоже именно так все выражаются, даже дамы.
– Обычаи высшего общества нам не указ. Мы думаем о читателях, которые все еще стесняются сильных выражений. Высказывайтесь обиняками. Да, Колонна?
Я подхватил:
– «Дом терпимости», «мэтресса», «уложить на месте», «послать кого-либо подальше».
– Кто знает, дальше чего… – хихикнул Браггадоччо.
– Дальше чего, мы объяснять читателю не обязаны, – отрезал Симеи.
Перешли к другим вопросам. После собрания Майя отозвала нас с Браггадоччо:
– Я уже боюсь высказываться, чтоб никого не раздражать, но хорошо бы раздать заменительный словник.
– Какой заменительный? Кому раздать? – не врубился Браггадоччо.
– Раздать всем редакторам. Заменяющие слова, вместо крепких выражений. Ну, ведь говорили.
– Говорили, но час назад! – выкрикнул Браггадоччо, глядя на меня со значением: «Видишь, вот она всегда так».
– Ну и что, – ответил я успокаивающе. – А она не переставала целый час думать. Ну-ка, Майя, поделись же с нами своей достопримечательной мыслью.
– Ну, например, вместо «послать на хрен» будем посылать на «внешний орган генитоурологической системы мужского организма в форме цилиндрического отростка, граничащего с передним отсеком перинея».
– Дикая идея, – отозвался Браггадоччо. – Колонна, задержись ненадолго со мной, хочу тебе показать один документ.
Я отошел, куда меня тянул Браггадоччо. Майя кивнула с пониманием. Если у

нее и были черты аутизма, меня это привлекало в ней все больше и больше. Все поуходили из редакции, смеркалось, в круге настольной лампы Браггадоччо примащивал россыпи ксерокопий.
– Колонна, – начал он, загораживая локтями свои бумаги, будто обороняя от всего мира. – Посмотри, какие документы я сумел отыскать в историческом архиве. После поругания на площади Лорето труп Муссолини отвезли к патологоанатомам в университетский морг. И вот отчет официального вскрытия. Читай. Институт судебной медицины и страховых дознаний Королевского миланского университета. Профессор Марио Каттабени. Протокол вскрытия номер 7241, произведено 30 апреля 1945 года, вскрытие тела Бенито Муссолини, скончавшегося 28 апреля 1945 года. Тело готово к препарированию, находится на анатомическом столе, без одежды. Вес – 72 кг. Рост – приблизительно 1,66 м, точное измерение затруднено вследствие травматических искажений формы головы. Лицо несет следы множественных поражений от выстрелов, произведенных из огнестрельного оружия, а также от контузий, чем затруднено опознание характерных черт лица. Невозможно произвести антропометрические исследования головы вследствие деформации и переломов черепно-лицевых костей. Я пропускаю… Череп деформирован… Теменной отдел лобно-теменно-затылочной области вдавлен… Раскрошена глазная орбита с той же стороны. Глазное яблоко сплющено и разорвано, стекловидное тело вытекло. В орбите, опустевшей вследствие механических повреждений, не имеется следов крови. В медианной плоскости лба и в теменно-лобной области слева содраны в двух местах участки кожного и волосяного покрова, повреждения около шести сантиметров каждое, причем обнажены кости черепа. В затылочной части справа от серединной линии имеются два близко расположенных отверстия с выпяченными нерегулярными краями, диаметром около двух сантиметров, на которых имеются следы размельченного мозгового вещества без следов проникновения крови. Ты представляешь себе? Размельченного мозгового вещества!
Браггадоччо обливался потом. Руки его дрожали. Нижняя губа покрылась пузырьками слюны, у него был вид завзятого обжоры, унюхавшего дух жареных мозгов или парной требухи, переработанной в гуляш.
Он продолжал, продолжал и продолжал:
– На затылке справа вблизи серединной линии широкое рваное отверстие диаметром почти три сантиметра, с выпяченными закраинами, не содержащими следов крови. В височной правой области два близко расположенных отверстия круглой формы, с закраинами, имеющими дробно-рваные очертания, не содержащими следов крови. В левой височной области наличествует обширное отверстие рваных очертаний, с выпяченными закраинами, с присутствием церебрального вещества. Обширное повреждение левой ушной раковины. Оба повреждения имеют типичный вид постмортальных увечий. У корня носа небольшое рваное отверстие, с фрагментами измельченных костей, проникающих наружу, в окружении умеренного количества крови. На правой щеке три ранения острым предметом, удары наносились извне и вглубь, с легкой оттяжкой назад, вследствие чего закраины приобрели конусообразную форму, следы крови отсутствуют. Раздробление верхней челюсти, множественные разрывы как мягких тканей, так и скелетного каркаса, расколото нёбо, описанные повреждения носят характер посмертных увечий. Я пропущу тут немножко, Колонна, потому что там как-то однообразно про замеры и расположение увечий… Так ли уж нам нужно знать, как и куда ему попадали… Черепная коробка треснула. Многочисленные фрагменты костей отколоты и отсутствуют, вследствие чего открыт доступ во внутричерепную полость. Толщина черепной коробки в норме. Твердая мозговая оболочка местами раздавлена. Обширные множественные разрывы в передней части. Следы эпидурального либо гиподурального кровоизлияния отсутствуют. Извлечение мозга целиком невозможно из-за того, что мозжечок, седло, средний мозг и нижняя часть обеих церебральных долей расплющены, причем гематом и прочих инфильтратов крови не наблюдается… Браггадоччо так сочно выговаривал, что где-то что-то «треснуло», а другое что-то было «расплющено», все эти красочные описания он смаковал с таким сладострастием, что мне припомнилось, как Дарио Фо в «Мистерии-буфф» изображает голодного, накинувшегося на пиццу.
– Дальше, дальше! В целости сохранены полушарная выпуклость, мозолистое тело и часть основания мозга. Артерии головного мозга удается определить только частично среди треснутых и расколотых крупных и мелких костей черепа, проникнувших в мозговое вещество… Колонна, ты согласен, что никакой врач не мог бы сказать, кому при жизни принадлежало все это молотое мясо и дробленые кости? Это был врач, заранее уверенный, что перед ним останки дуче. Даже и он, мог ли он бы? Да и мог ли он работать спокойно в той обстановке, когда все входили-выходили, журналисты, партизаны, любопытные зеваки? Помнишь, кто-то описывал, как потеряли даже внутренности какие-то, там они внутренности забыли положить обратно в труп, и какие-то медбратья

стали перебрасываться этими кишками, или что там у них валялось, печень, легкие, какая-то начинка…
Браггадоччо выглядел в совершенности как кот, забравшийся в витрину мясного магазина. Будь у него усы, они топорщились и дрожали бы.
– Вот, читаем дальше. Мы еще не расследовали желудок. А между тем, судя по документам, в желудке не было найдено следов той самой знаменитой язвы, которой, мы знаем, Муссолини при жизни страдал. И ни капельки сифилиса. А ведь ходили рассказы, будто покойник был довольно-таки запущенным сифилитиком. Учтем, кстати, к слову, что Георг Захарие, немецкий доктор, лечивший Муссолини в Салу, отмечал, что он наблюдал у дуче низкое давление, анемию, увеличенную печень, спастическую болезнь желудка, вялость кишечника и острый запор. А при вскрытии ничего такого не было найдено. Печень в пределах нормы, как на поверхности, так и при взрезывании. Желчные пути в порядке, почки и надпочечники без дефектов, мочевыводящие пути и гениталии… нормальные вполне гениталии. И последнее, что там сказано: извлечен головной мозг в остаточном объеме и заложен в формалинный раствор с целью последующего исследования. Часть мозговой коры передана, согласно просьбе Медицинского управления Штаба Пятой армии (Кельвин С. Дрейер), доктору Винфреду Оверхольстеру из психиатрической лечебницы Святой Елизаветы (Вашингтон). Вот теперь я кончил!
Ну, он просто вроде как жрал труп, вроде как физически присутствовал там, или, напротив, если бы в таверне «Мориджи» вместо свиного антрекота с капустой ему бы подали ту самую надбровную дугу со сплющенным глазным яблоком и вытекшим стекловидным телом: откушайте мозжечка, седла, среднего мозга и нижних частей обоих мозговых полушарий!
Мне было очень, очень гадко, но и, не стану отрицать, очень любопытно и невозможно оторваться от Браггадоччо и пожираемого им истерзанного тела. Так в беллетристике девятнадцатого века героев завораживали магнетические глаза змей. Чтобы хоть как-то соответствовать, я пробормотал:
– Чье это вскрытие, не поймешь.
– То-то же! Теперь ты видишь, что мое предположение имеет самые твердые предпосылки. Тело Муссолини было не муссолиниевское. По крайней мере, никто не мог бы поклясться, что оно было его. Теперь мы в полном покое можем расследовать, что же происходило в интересующем нас вопросе с двадцать пятого до тридцатого апреля.
В этот вечер мне было просто необходимо осветлить душу и побыть с Майей. Чтобы окончательно отделить наше с ней взаимное пространство от пространства редакции, я решил рассказать ей все без утайки. То есть что газета «Завтра» ни завтра, ни послезавтра, ни когда-либо в будущем выходить не собирается и не будет.
– Ну и фиг с ней, – ответила Майя. – Теперь, ура, можно не волноваться и не нервничать. Продержимся несколько месяцев, заработаем немного денег, ноги в руки и на южные моря.
Глава XIII
Конец мая
Жизнь моя катилась сразу по двум колеям. Дни я проводил в редакции, унизительно. А вечера были жизнью вдвоем с Майей, то у нее, то у меня. Субботы-воскресенья в Орте. Вечера бывали достойной компенсацией за дни, проводимые нами с Симеи. Майя оставила свои закидоны с предложениями и идеями, которые все равно никто не принимал, кроме меня. А я теперь принимал их дома, и это была наша любимая игра.
Она показала мне газету брачных объявлений.
– Ты почитай только, – сказала она. – Хорошо бы печатать вот это с переводами.
– Как с переводами?
– Ну вроде… Вот, значит, оригинал. «Меня зовут Саманта, мне двадцать девять, аттестат техникума, домохозяйка, разведенная, без детей, ищу мужчину приятной наружности, обязательно общительного и веселого…» А вот тебе перевод: «Скоро тридцатник, муж бросил, диплом бухгалтера, доставшийся тяжкой зубрежкой, непроходимо устарел. Работы нет. Сижу в квартире одна, заботиться не о ком, ищу мужчину, не обязательно Аполлона, но чтоб не бил, как та сволочь, за которую меня угораздило в свое время, дуру, выйти замуж».
Еще, пожалуйста. «Меня зовут Каролина, мне тридцать три, свободна, образование высшее, бизнесвумен, утонченная, темноволосая, стройная, характер открытый, уверена в себе, увлекаюсь спортом, кино, театром, путешествиями, чтением, танцами, с интересом отношусь к новым хобби. Мой друг должен быть обаятельным и нестандартным, образованным и востребованным в профессии, будь то независимая или офисная работа или служба в армии. Не более шестидесяти. С целью создания семьи». В переводе на нормальный язык звучит так: «До тридцати трех лет искала и не нашла самого завалящего

мужичонку. Видимо, оттого, что я плоская как доска и не умею прилично покраситься в блондинку. Получила диплом учительницы, но на ставку ни разу не взяли. Открыла кустарное производство носков, посадила за вязальные машины трех албанцев. Не знаю, чем себя занять. То смотрю телик, то хожу в кино, то в приходский самодеятельный театр с подругой. Читаю газету брачных объявлений. Хотела бы танцевать, но никто не приглашает. Если мне пообещают законного мужа, увлекусь чем угодно, только пусть он будет не полный оборванец и даст мне возможность больше не видеть ни носков, ни албанцев. Пожилой так пожилой, бухгалтер так бухгалтер, годится и регистратор земельной управы или сержант карабинеров».
А, тебе еще? Да, я могу. «Патриция, сорок два года, свободна, работаю в сфере предпринимательства, темноволосая, стройная, милая и отзывчивая, ищу чуткого, доброго и искреннего мужчину, семейное положение не принципиально, главное – хорошее отношение». Мой тебе вариант такой: «Господи, подумать только, сорок два (кстати, в скобках, я сильно сомневаюсь насчет сорок два, Патриции должно быть не меньше пятидесяти, потом это имя уже не давали), до сих пор не побывала замужем. Слава богу, что покойная мама мне оставила галантерейный ларек. Склонна к анорексии, а также к истерикам. Ищу попросту с кем переспать, пусть он будет хоть четырежды женат». Ну и наконец: «Надеюсь, что есть еще на свете женщины, способные по-настоящему любить. Я холост, я работаю в банке, мне 29 лет, внешне привлекателен, откровенен. Ищу красивую, серьезную и образованную девушку, которая сумела бы вовлечь меня в яркую любовную историю». Переводим. Вот: «Ничего не получается с женским полом. Те немногие, с которыми у меня случалось хоть что-то, всегда оказывались стервами и хотели только замуж, а на кассирскую зарплату хрен я могу кого-нибудь содержать. Характер у меня не дай бог, так что я посылаю их далеко и бесповоротно. И все же я не Квазимодо. Так что же, не найдется на свете тетки, желательно городской, которая бы попросту согласилась попрыгать со мной в кровати без особенных претензий?»
Я, кстати, умею и не про интим. Вот, чем плохо: «Театральная ассоциация ищет и наймет актеров, статистов, гримировальщиков, режиссера, костюмера на весь будущий сезон». Почему они публику не нанимают, вот чего я не понимаю. Майю правда жалко было тратить на это дурацкое «Завтра».
– Ты что, это Симеи нести собралась? Ему, может быть, объявления и понадобятся. Но не с твоими, Майя, интерпретациями.
– Знаю, знаю, но мечтать ведь не запрещено.
– И как ты столько лет прозанималась вот-так-сюрпризами…
– Так есть ведь что-то надо. С пасынками судьбы случается.
И она подвинулась ближе.
– Но теперь я уже не пасынок… не пасыница. Я выиграла в лотерею! Что выиграла? Ну как! Тебя.
Что оставалось, услышав такие слова от не пасыницы… Я к ней тоже подвинулся, и мы занялись любовью, и у любви был вкус победы.
В тот вечер телевизор мы не включали. Новость об убийстве прокурора Фальконе дошла до нас на следующий день. Нас это просто оглушило. В понедельник и все прочие в редакции выглядели изрядно подавленными. Костанца спросил у Симеи, не следует ли выпустить тематический номер.
– Надо обдумать, – произнес с сомнением Симеи. – Начинать о гибели Фальконе – придется и о мафии, и о непрофессиональности силовых структур, о всяком прочем, и неизвестно сколько. Восстановим против себя полицию, карабинеров и Козу Ностру. Как знать, понравится ли это коммендатору… Когда начнем делать ту, настоящую газету, взорвут нового прокурора, деваться будет некуда, напишем на эту тему. А сейчас писать – значит выдвигать свои версии, объяснения. Через несколько дней все окажется наоборот. Риск наговорить глупостей пусть берет на себя настоящая газета, а нам зачем? Даже и в настоящей газете часто осторожничают, бьют на чувства, ходят расспрашивать родственников. Посмотрите внимательно. Посмотрите, как в телевизоре ходят, звонят в двери матери, у которой только что десятилетнего сына растворили в серной кислоте. «Госпожа такая-то, что вы почувствовали, узнав о смерти своего ребенка?» У зрителей увлажняются глаза. Результат достигнут.
Есть одно хорошее немецкое слово, Schadenfreude, радость по поводу чужих бед. Именно это чувство старается пробуждать в любом читателе уважающая себя печать.
До поры до времени, однако, мы можем себе позволить разными неурядицами не заниматься, а возмущенный тон оставим левой прессе, она на этом собаку съела. Да и что, собственно, такого случилось? Мало ли наубивали этих судейских. Еще столько же убьют. Будут еще у нас подходящие оказии. Не стоит так нервозно на это реагировать.
И так, вторично ликвидировав Фальконе, мы занялись вопросами более насущными.

После всего ко мне подкатился Браггадоччо и толкнул локтем в бок:
– Видел? Ну теперь ты понял, что эта новая история подтверждает мою теорию?
– Да с какого боку, черт возьми, подтверждает?
– Сам ты черт возьми. Я еще не знаю с какого. Но обязательно подтвердит. Все всегда подтверждает все! Как только догадаемся, с какого боку. Дай срок. Нужно только присматриваться к кофейной гуще.
Глава XIV
Среда, 27 мая
Проснувшись утром, Майя сказала:
– Но этот хмырь нравится мне все меньше и меньше.
К тому времени я уже умел распознавать ход ее мыслей.
– Браггадоччо нравится меньше…
– Ну да, кто еще.
И тут же, будто бы спохватившись:
– Это как же ты смог понять?
– Радость моя, как сказал бы наш начальник Симеи, мы с тобой знаем вместе шесть человек, я подумал, кто из них тебя обхамил, и у меня получился Браггадоччо.
– Но мог же быть, не знаю, президент Коссига.
– Мог быть, но был Браггадоччо. И вообще, я наконец научился понимать тебя с лету. Чего тебе еще надо?
– Ну да. Ты теперь и впрямь думаешь и знаешь то же, что и я.
Damn, она права.
– Гомики, – так открыл наш Симеи утреннюю пятиминутку. – Гомики, это да, они интересуют всегда и всех.
– Теперь уже не говорят «гомики», – отозвалась Майя. – Говорят «геи», знаете?
– Знаю, знаю, моя радость, – огрызнулся Симеи, – но читатели нашей газеты продолжают говорить «гомики» или, по крайней мере, хотели бы, потому что это слово вызывает у них ярость. Я, конечно, знаю, что не полагается говорить «негр». Что теперь вместо «слепые» говорят «слабовидящие». И тем не менее негр белым не стал, а слепой как ни хрена не видел, так и не видит. Я против гомиков ничего не имею, так же как и против негров, лишь бы они сидели у себя и не лезли.
– Но зачем же нам заниматься геями, если они вызывают у публики ярость?
– Я не всех гомиков имею в виду, моя радость. И вообще я за свободу, только пусть все сидят и не лезут. Но гомиков полно в парламенте и даже в правительстве. Народ-то думает, наивный, будто только писатели и балетные танцовщики… А между тем гомики нами правят, а мы и знать не знаем. А это мафия! Один другого обязательно поддерживает. Вот чем нашего читателя заинтересовать-то можно.
Майя не сдавалась:
– Времена меняются. Примерно через десять лет каждый гей спокойно сможет объявить свою ориентацию, никто и бровью не поведет.
– Вот через десять лет пускай и объявляет. Как всем известно, нравы всегда только портятся, как это ни огорчительно. Но пока что нашему читателю только это и подавай. Лючиди, у вас, по-моему, есть любопытные информанты. Что вы скажете насчет подборки о гомиках в политике? Только осторожнее, без имен. Наша цель – не получить повестку в суд, а тоненько, деликатненько намекнуть, дать идею, заволновать…
Лючиди сказал:
– Я могу сколько угодно имен. А если надо, как вы тут выражаетесь, намекнуть и раззадорить, можно рассказать под видом сплетни о таком одном книжном магазине в Риме, где встречаются гомосексуалисты из верхов, никто не обращает внимания, книжный магазин, нормальные люди. Там можно получить без труда и кокс в пакетике, просто идешь на кассу и пока платишь, в твой кулек, где книга, доложат запросто и такой интересный сверточек. Постоянный посетитель господин… ну бог с ним, с господином, был министром, политик, гомосексуалист и кокаинщик. Это место популярно. Популярно, я имею в виду, среди значительных людей. Конечно, не у уличных проституток и даже не у балетной шатии. Танцовщики слишком бросаются в глаза, с их жеманными ужимками.
– Вот-вот, на общем уровне, необязательный треп, но с пикантными детальками. Так и пишутся удачные очерки нравов. Можно, кстати, и на имена понамекать, только без четких привязок.
– Как это?
– Ну, когда вы пишете, какой это популярный книжный магазин, дайте семь-восемь имен писателей, журналистов, сенаторов, господ вне всяких подозрений. Что-де они туда ходят. И подмешайте в их ряд двух или трех общеизвестных гомиков. Нас никому не удастся обвинить, что будто мы оклеветали. Мы просто перечислили почтенных и порядочных людей, заодно

внесли и общеизвестных бабников туда же, в тот список. Именно так внедряется подсознательная информация.
Майю просто выворачивало. Остальные же, по виду судя, вполне одобряли идею и уже предвкушали, зная Лючиди, нечто ядовитенькое и занимательное.
Майя вышла, не дожидаясь меня. Я прочел на ее лице: извини, сегодня вечером лучше я полежу одна, еще лучше со снотворным. Ну и соответственно в меня тут же впился Браггадоччо со своими липкими разоблачениями, и все пошло по новой – опять эта улица Баньера, где зловещие стены усугубляли макабрическую направленность разговора…
– Слушай-ка, я нашарил тут один матерьялец, можно было бы подумать, будто он противоречит моей теории, а на самом деле он в высшей степени работает «за»! Значит, Муссолини вспороли брюхо, кое-как зашили и погребли вместе с Клареттой и остальными мертвяками на кладбище Музокко в никому не известном месте, чтоб туда не ходили ностальгики почитать прах. Именно это-то и требовалось настоящему Муссолини, чтобы сбежать спокойно. Чтобы перестали эту смерть обсасывать. Конечно, трудно было ожидать такого мифа, который сложился вокруг Гитлера, что он-де прячется, потому что о Гитлере вот уж действительно неизвестно ни где труп, ни умер ли Гитлер на самом деле. Но так как Муссолини вроде бы умер и партизаны вообще сделали из этой площади Лорето святое место, трудно было ожидать, что он вдруг встанет живее всех живых, как поется в одной хорошей итальянской фашистской песне… От заштопанного мешка внутренностей трудно было ждать… И тут нам очень сильно работает на руку этот бестолковый Леччизи.
– А, Леччизи? Который выкрал мертвого дуче?
– Да-да. Сопляк двадцати шести лет. Из последних фанатиков Республики Салу. Только идеалы, ноль мозгов. Достойное погребение боготворимого дуче. А может, Леччизи собирался путем скандала привлечь внимание к фашистам, к недоморенным, не смирившимся фашистам. Словом, он набрал таких же, как он, головорезов и темной ночью в апреле сорок шестого года залез на кладбище. Сторожа, естественно, спали. Налетчики пошли прямиком на место захоронения. Они почему-то знали, где все это лежит. Кто-то навел. Выкопали гнилятину, провонявшую еще хуже с предыдущего года, ты можешь сам живо в красках представить себе, что в этом ящике лежало, и тихо потащили прочь, теряя по дороге клочочки разложившейся органики, например две фаланги пальцев. Бестолковые, ну что с таких можно взять…
Браггадоччо, видимо, жалел, что ему не привелось поучаствовать в этой соблазнительной процессии. В несомненной своей некрофилии, думал я, кто знает, что бы он там еще отчебучил.
А тем временем рассказ Браггадоччо тек:
– Что тогда началось! В газетах заголовки такими буквами, чтобы еле влезали в лист. Полицейские с карабинерами сотню дней носились туда и сюда, не нашли ни черта, хотя, я уверен, эти пахучие останки были вполне находимы по следу, по траектории перемещения… Но господь с ними. Через несколько дней после кражи был задержан первый сообщник, некий Рана, а потом еще другие сообщники, и по цепочке к июлю они дошли до Леччизи. Что выяснилось? Что сначала бренные останки были припрятаны в доме Раны в долине Вальтеллина, а ближе к маю их принял на хранение отец Дзукка, настоятель францисканской церкви Святого Ангела в Милане, где он пристроил труп в один из саркофагов в третьей капелле. Проблема отца Дзукки и его помощника отца Парини тоже возникла, конечно, но о ней отдельно. К ним принято было относиться как к почтенным капелланам, на них равнялся буржуазный Милан, реакционная часть буржуазного Милана, но имеются также сведения, что на них был завязан трафик фальшивых денег и наркотиков в неофашистских кругах. Имел место, однако, и образ добрых пастырей, выполнивших свой добрый христианский долг и похоронивших бедное тело по христианскому обычаю. Мне лично, знаешь, до их доброты дела нет. Мне есть дело до следующего совокупного решения, тайно принятого правительством Италии и архиепископом Милана кардиналом Шустером. Останки было решено погрести в одной из капелл капуцинского монастыря Черро-Маджоре. Там они пролежали с сорок шестого по пятьдесят седьмой. Одиннадцать лет! И никуда их секрет не просочился! Ты подумай, не просочился! Вот это-то и самый хитрый момент!
– Почему?
– Потому что болван Леччизи вытащил на поверхность труп дублера! Ну да, я знаю, в этом состоянии разобраться и идентифицировать, скорее всего, уже не было возможности. Но в любом случае тем, кто имел сведения о подлинном, скрывавшемся Муссолини, не хотелось, чтобы эту историю снова ворошили. Хотелось, чтобы она звучала как можно меньше, как можно меньше. Но история все же звучала… Леччизи вышел из тюрьмы через двадцать один месяц, баллотировался в парламент, сделал карьеру. Новый председатель Совета министров Адоне Золи, избранный при содействии неофашистов, в благодарность им устроил перенос останков дуче из тайника на фамильное кладбище в

Предаппио. Там теперь возникло капище. Туда едут старички-ностальгики, но и не только. Там молодые новые фанатики! Там черные рубашки, римские приветствия! Думаю, что о судьбе настоящего Муссолини премьер-министр не знал. Поэтому он бестрепетно воздвиг алтарь двойнику. Ну не знаю, не знаю… Может, я чего-нибудь пока что в этом деле и недоуловил. Но похоже, что в историю с дублером не были вовлечены неофашисты. Думаю, кое-кто повыше, кое-кто повыше!
– Извини, а семья его как? Какую играла роль?
– Или они не знали, что дуче остался в живых… думаю, это маловероятно – должны были знать все-таки! Или все в тех же стратегических целях разрешили внести в фамильную капеллу труп двойника. Слушай, Колонна, я про семью, честно, еще не все понял. Но не могли же они не знать, что их муж и отец жив-здоров и недурственно живет где-то на одной с ними планете! Если он скрылся в Ватикане, видеться им с ним было затруднительно. Стоило бы муссолиниевским родичам зачастить в Ватикан, это не прошло бы незамеченным! Поэтому вероятнее всего, я думаю, Аргентина. Доказательства? Ну а разве не доказательство судьба хотя бы Витторио Муссолини? Его же не тронули. Писал себе сценарии, работал в кино и долгое время после войны, много лет, прожил в Аргентине. Ловишь мысль? Не где-нибудь, а в Аргентине. Чтобы поближе к своему скрывающемуся отцу. Ловишь мысль? Есть фотографии Витторио Муссолини и прочих родственников, как они его провожают в аэропорту, а он летит в Буэнос-Айрес. Зачем, хочу спросить, было бы придавать такое значение отлету родственника, который даже и до Второй мировой войны летал на самолете? Ну, подумаешь, даже если он едет в Соединенные Штаты? Разберемся теперь с Романо.
– С Романо, сыном Муссолини?
– Сыном, ага. Он стал известным джазовым пианистом, гастролировал, ездил по разным странам. Мы не имеем списка заграничных гастролей, но, вероятно, в Аргентину он просто не мог не заехать. И о жене не забудем.
– О жене дуче.
– Да, о донне Ракеле. Ракеле свободный человек, никто ей не может помешать ездить куда она хочет. Она спокойно могла, ну не знаю, кататься себе в Париж или в Женеву, а оттуда в Буэнос-Айрес. Как знать? Когда Леччизи и Золи устроили свой цирк, о котором только что я тебе рассказывал, и приперли ей неожиданно какого-то тухляка, не могла же Ракеле сказать, что это совершенно не родственный ей покойник. Пришлось ей, что называется, держать хорошую мину в плохой игре. Пришлось принять что принесли и погрести с наивысшими почестями. Но этот труп, я думаю, полезен. Он подогревает эмоции новых фашистов, покуда ожидается возврат настоящего дуче. Мне лично, знаешь, до этой семьи дела нет. А важно, что именно тут начинается вторая половина моего расследования.
– Вторая половина?
– Но сейчас уж поздно. Мне остается подобрать еще два-три винтика ко всей конструкции. Потом я тебе все расскажу.
Вот поди пойми, этот Браггадоччо – просто какая-то Шехерезада, сочинитель сериалов. Саспенс и «продолжение следует». Или действительно он монтирует по кускам свою любопытную версию и не успевает рассказывать?
Настаивать, впрочем, не стоило. В частности потому, что мысленная демонстрация всех этих дурно пахнущих закоулков и клочков довела меня до тошноты. Пошел домой и сам, подобно Майе, тоже принял штильнокс.
Глава XV
Четверг, 28 мая
– Для номера 0 / 2 предлагается создать редакционную статью на тему «Честность», – изрек Симеи. – Мы видим, что в партиях все гнило. Так сказать, в датском королевстве. Все тащат, берут взятки. Что будем делать? Спускать с цепи газеты против партий? Нам бы пригодилась сейчас партия честных людей. Граждан, чья совесть рвется в груди и велит поговорить о честной политике. – Это дело хорошее, – произнес я. – Однако не то же ли самое проповедовали в «Партии простых людей»?
– «Партию простых людей» сумели подмять и использовать христиан-демократы во времена своего высшего могущества, высшей своей изворотливости. Но теперь они и сами уже пшик, демохристиане! Кончились геройские времена. Не на что поглядеть: горстка хиляков. Что теперь поминать «Партию простых людей», Partito dell’uomo qualunque. Публика уже забыла, кто они такие. За сорок пять-то годков. Публика не помнит и что было десять-то лет назад. Вот сегодня в национальной газете, как раз в юбилейные дни…
– Освобождение, двадцать пятое апреля, конец войны…
– Ну именно, конец войны. Вижу две фотографии. На одной грузовик с партизанами. На другой черносуконная компашка, римское приветствие, подписано «боевики». Ну что за бред! Боевики были в двадцатые годы, и у них были не суконные униформы, а рубашки. Те, которые на снимке, – это

фашистские добровольные отряды тридцатых и начала сороковых годов. Очевидец моего возраста, естественно, возмущается. Я не требую, чтоб редакции собирали отзывы и мнения только у очевидцев моего возраста. Но я, скажем, не спутаю берсальеров бригады Ламармора с воинами Бавы Беккариса, хотя и появился на свет, естественно, когда ни тех ни других уже не существовало… Так вот. Я говорю. Если даже у наших коллег такая девичья память, чего вы ждете от читателей? Чтобы они припомнили «Партию простых людей»? Давайте лучше обсудим мою идею. Предложим «Партию честной политики» и, думаю, под нее соберем будь здоров сколько новых подписчиков.
– «Лига порядочных», – улыбаясь, сказала Майя. – Вот название на ура. Так назывался роман Джованни Моска, написанный до войны: «Лига порядочных». Он неплохо читается и сегодня. В романе рассказывается о священном союзе порядочных людей, которым приходилось внедряться в разные объединения непорядочных, выводить тех на чистую воду, а в самых удачных случаях – перевоспитывать в порядочных. Чтобы непорядочные признавали их за своих, порядочным приходилось порядочно безобразничать. Это завязка, а дальше – вы, конечно, догадались – «Лига порядочных» превратилась в лигу совершеннейших безобразников.
– Беллетристика, радость моя, – ощерился Симеи. – Этого вашего Моску, естественно, никто не помнит. Вы слишком много читаете. Ну ясно, идея вам, мадам, не по вкусу, пускай другой займется. Колонна, к завтрему чтобы был серьезный материал, редакционное размышление, сильное, крепкое. И достойное.
– Ну что сказать, – ответил я. – Призывы к честности всегда повышают тиражность прессы.
– Призыв о «Лиге порядочных безобразников», – хохотнул Браггадоччо, не спуская глаз с Майи.
Совершенно явно эти двое ни в коей мере не были созданы друг для друга. Мне все противней и противней становилось видеть, как изнывает в плену у Симеи моя милая, начитанная, тоненькая Майя. Но я пока что не имел возможности освободить ее… Проблема Майи становилась моей навязчивой идеей (да, я ведь думал то же, что и она), и постепенно я проникался примерно таким же отвращением к нашей редакции.
Когда в перерыв мы уселись в соседней бутербродной, я сказал ей:
– А хочешь, пошлем все к дьяволу, пойдем куда следует и донесем на этих махинаторов, на Симеи с его командой?
– А куда следует? – отозвалась Майя. – Прежде всего, не следует, чтобы ты потерял все из-за меня. Кроме того, непонятно, куда идти. Кому рассказывать о махинациях, если все газеты, ну или почти все газеты в стране делаются по этому рецепту? И покрывают махинации друг друга.
– Ну, только ты уж, пожалуйста, не превращайся в Браггадоччо, он видит заговоры повсюду… Извини, извини, не сердись, я напряжен, потому что, – не было ясно, как закончить эту фразу, – ну потому что я тебя как-то вот… полюбил.
– Ты в первый раз мне это говоришь.
– Зачем говорить, балда, если мы обмениваемся мыслями.
Между тем все было чистой правдой. Как-то вот полюбил. Лет тридцать я никому не говорил ничего подобного.
Был май, я был с Майей, впервые за тридцать лет я прямо чувствовал, что весна овладела мной до мозга костей.
А причем тут мозг костей?
Ох. Да ведь вечером именно того дня, прекрасно помню, Браггадоччо мне назначил встречу возле старого Университета перед церковью Святого Бернардино на Костях. Это на улочке, отвиливающей от площади Санто-Стефано.
– Хорошая церковь, – приговаривал Браггадоччо, таща меня туда. – Средневековая. Но одряхлела, горела и вообще развалилась, так что ее наново перестроили в восемнадцатом веке. Ее построили, чтобы было где погребать кости с того чумного кладбища, которое тут очень близко, очень близко.
Ну чего от него еще было ждать. Покончив со смакованием трупа дуче, который выкапывать уже не было возможности из мраморного фамильного саркофага, Браггадоччо пошел себе искать новую покойницкую.
И действительно, вот подземный ход, вот и оссуарий. В помещении никого не было, только старушечка на скамейке молилась, обхватив голову руками. Другие головы, уже совсем оголенные, глядели из-за сеток по всем стенам, от колонны к колонне, от пилястра к пилястру, забивая все ниши. Этот зал состоял из сплошных костей. Бедренные кости были вдавлены в кучи черепов, образуя беловидные кресты, а вокруг красовалась мозаика – позвонки, коленные чашечки, ключицы, лопатки и копчики, грудинные и загрудинные кости, плюсны, стопы, ладьевидные, полулунные, гороховидные, пястные, таранные… Все было выстроено из разобранных скелетов под сводом, украшенным росписями в духе Тьеполо, нежными и светлыми, со счастливыми розоватыми

тучами из заварного крема, облекавшими сонмы ангелов и спасенных душ. Горизонтальная гирлянда над старыми забитыми дверями была образована черепами, тесно составленными друг с другом. Так белеют тесно составленные фарфоровые банки на стеллажах аптек. А в полный человеческий рост за просторной металлической сеткой – суй, если хочешь, пальцы – кости и черепа были уже отшлифованы, отлакированы миллионами прикосновений. Гладили их верующие, гладили и некрофилы. Заласкивали до дыр, как ногу статуи святого Петра в Риме. Черепов было не меньше тысячи, мелким костям просто не могло быть счета. На пилястрах монограммы Христа были выложены бедренными и берцовыми. Веселые Роджеры с острова Тортуга.
– Здесь не только зачумленные лежат, – сыпал и сыпал словами Браггадоччо, словно не находя ничего прекраснее в подлунном мире. – Тут скелеты из прочих захоронений. Больше всего трупов тех, кто преставился тут поблизости в бедняцкой больнице. Вдобавок к этому обезглавленные. Висельники. Каторжники. Воры. Побирушки, доходившие прямо на этой паперти. Все равно другого места помирать у них, поди, не было. Это было чрево Милана. Дурная слава квартала… Не могу передать! Ну и смешная же сидит старушонка, пришла молиться, как будто это святое место с благими частицами мощей. А это все была сволочь, беззаконники, бандиты, распроклятые души… И все же… ты согласен? Что монахи вели себя поавантажнее гробокопателей, вырывших труп Муссолини? Глянь, лепота какая. Какая любовь к искусству! Пусть это и небывалый цинизм, начнем разбираться… Видишь, они уложили в узоры, как византийцы укладывали мозаику, косточки всякого сброда? Старушку пленяет гармония смертельной картины, которую она соответственно полагает и божественной. Хотя, доложу тебе, не все тут так гладко. Даже совсем не так уж гладко. Где-то под этим алтарем есть трупик девочки… В Ночь Мертвецов, в начале ноября, она выходит, вызывает хоровод голых мощей, и все, взявшись за руки, они отплясывают тут данс-макабр.
Я хотел бы вставить, что девчоночка, поди, догуливает со своими костлявыми товарищами даже и до улицы Баньера, но ограничился молчанием. Подобных запредельных зрелищ я видел несколько: крипту капуцинской церкви Зачатия Марии в Риме, жуткие катакомбы Палермо с подвешенными, как бы живыми, одетыми в истлелые рубища мумиями капуцинов… Но Браггадоччо, значит, безраздельно предпочитал наших с ним миланских сограждан. Местных милейших жмуриков.
– Тут еще есть гноилище… putridarium! Туда сходят по лестнице перед главным алтарем. Но это только если найдем дьячка и он будет к нам расположен. Вообще туда не пускают. Монахи усаживали туда трупы преставившихся братьев и оставляли разлагаться, разжижаться на специальных стульчаках с отверстиями. Из тел медленно вытекали соки. Тела сохли. А после, пожалуйста, чистенькие скелетики, беленькие, как зубки на рекламных роликах «Капитанской пасты». Тут на днях я задумался, это-то было бы как раз идеальное место, чтобы упрятать Муссолини. То есть труп его, выкраденный Леччизи. Но, увы, я составляю не роман, а серьезное расследование. Собираю исторические факты. Факт, что останки Муссолини поместили в другое место. Жаль, но факт. И все же в эту церковку я зачастил в последнее время. Мне тут думается. При бренных останках приходят удивительные мысли.
– Ах, вот что.
– Ну да. Кому-то полезно выезжать, не знаю, в Доломиты, на Лаго-Маджоре. А мне думается здесь. Вообще-то мне самое место было бы, наверно, служить надзирателем в морге. Видно, отпечаток в моей психике скверной смерти дедушки. Пусть ему земля пухом будет, покойнику.
– А меня ты, извини, зачем привел?
– Просто нужно выговориться перед кем-нибудь, не то я лопну. Найти правду и быть при этом в полном одиночестве сильно действует, извиняюсь, на голову. А здесь самое место говорить. Никто не мешает. Ну, бывает, забредет иностранный турист. Так ведь он же и не поймет ни единого слова. Итак, мы благополучно дошли с тобой уже до самого стей-бихайнда.
– Стей чего?
– Ну помнишь, я тебе говорил. Нам теперь предстоит решить, что нам сделать с дуче. Ну, с живым. Чтоб он не гнил себе бесполезно в Аргентине или в Ватикане, почти так, как его дублер. Что, ты думаешь, надо сделать с дуче?
– Нет, это ты что думаешь сделать с дуче?
– Англо-американцы, или кто за них, хотели сохранить ему жизнь, чтобы было кого вытащить в нужную минуту. Противостоял бы коммунистической революции, нападению СССР. В мировую войну англичане координировали деятельность освободительных движений в оккупированных Осью странах через распространенную сеть информаторов Соединенного Королевства, Special Operations Executive. Эта сеть была распущена после окончания военных действий. Но ее опять восстановили в пятидесятые годы. Она стала ядром новой силы, призванной защищать европейские правительства от Красной армии

или от коммунистов на местах, если коммунистам вздумается бунтовать против правительств. Координация осуществлялась высшим командованием союзников в Европе. Вот тогда и учредили стей-бихайнд (как переведем, Колонна? «Начеку», или как?) в Бельгии, Англии, Франции, Западной Германии, Голландии, Люксембурге, Дании и Норвегии.
– Военизированный тайный союз.
– В Италии для этого имелись все предпосылки с самого сорок девятого. В пятьдесят девятом тайные службы Италии кооптировались в Плановый комитет по координации, после чего, наконец, в шестьдесят четвертом официально была создана организация «Гладиаторы», на цереушные деньги. Имечко! Говорящее. Вспомнишь гладиаторов – вспомнишь также и ликторские пучки и прочую фашистскую символику. Имя притягивает ветеранов войны, любителей приключений, фашистов-ностальгиков. Война, конечно, была уже позади. Но много у кого еще полыхали внутри воспоминания героических денечков. С гранатой, с выдернутой чекой, с папироской смертельной в зубах, «и громко строчил пулемет». Бывшие солдаты Республиканской гвардии, идеалисты-католики. Кто не хотел, чтобы русские казаки поили своих коней из святых чаш Ватикана. Кто скорбел по утраченной монархии. Говорят, туда входил даже партизанский вожак Эдгардо Соньо, командовавший горными бригадами Пьемонта, герой, но монархист до глубины души и, следовательно, большой поклонник исчезнувшего мира. Завербованных посылали в лагеря переподготовки в Сардинию, где они учились (или восстанавливали умение) минировать мосты, рассчитывать траекторию полета снарядов, ползать ночью через нейтральную полосу с кинжалом в зубах, становиться саботажниками, диверсантами…
– Но это были, небось, сплошь полковники на пенсии, прихрамывающие сержанты, рахитичные бухгалтеры. Трудно мне их вообразить залезающими на телеграфные столбы и опоры, как в «Мосте через реку Квай».
– Почему же, там были и молодые неофашисты, у которых чесались кулаки. И хулиганы без политических убеждений.
– Я читал что-то об этом пару лет назад.
– Да, конечно. «Гладиаторы» оставались засекреченными весь послевоенный период. Знали о них лишь спецслужбы и верха военного командования… Допуск имели только предсовмины, министры обороны и президенты. И лишь сейчас вот недавно, когда Советский Союз стал разваливаться, все поняли, что организация «Гладиаторов» потеряла смысл и стала чересчур дорого стоить, и тогда не кто иной, как президент Коссига, пустил в ход нечто вроде намеков и утечек, после чего не так давно, в девятьсот девяностом году, Андреотти, председатель совета министров, открыто высказался и расставил акценты: ну да, ну, «Гладиаторы» существовали, но нет никакой причины негодовать и потрясаться, тайный союз должен был быть, и он был, а нынче нету, его отменили, довольно.
В общем-то никто негодовать и не стал, благополучно позабывалось.
Только в Италии, Бельгии и Швейцарии были заведены в парламентах какие-то расследования. Но Джордж Эйч Даблъю Буш отказался давать комментарии по этому вопросу. У него как раз началась война в Заливе, и было некстати катить бочку на НАТО в такой момент. Все заглушилось, замолчалось во всех странах, где в свое время существовал стей-бихайнд… Слабые попытки довести до гласности оказываются несостоятельными.
Во Франции, надо отметить, начали было выяснять, как там ОАС связана с бихайндовцами, но в Алжире как раз возник путч, и де Голль, давя его, задавил и диссидентов. Надо отметить, что и в Германии объявили, что на ту бомбу, которую взорвали в Октоберфест в Мюнхене в восьмидесятом, использовались материалы из стей-бихайндовского тайника. Опубликовали, что в Греции стей-бихайндовская армия «Атакующая сила Эллады» привела к власти хунту черных полковников. Да и в Португалии пару раз в газеты просочились сведения, что именно лиссабонская «Ажинтер пресс», того же стей-бихайндовского разлива, организовала убийство Эдуардо Мондлане, главы Фронта освобождения Мозамбика. В Испании через год после смерти Франко двух карлистов убили правые террористы, а через год стей-бихайндовцы сорганизовали теракт в Мадриде в адвокатской конторе, близкой к коммунистическим кругам. Плюс еще в Швейцарии два года назад полковник Элбот, бонза местного стей-бихайнда… я имею в виду, экс-бонза… направил конфиденциальное письмо в департамент обороны, объявляя, что согласен «рассказать чисто все как есть», и его тут же нашли в квартире, прошитого штыком. Его собственным штыком. В Турции с этим стей-бихайндом очень тесно связаны «Серые волки», ну те, которые, как ты знаешь, стреляли в папу Войтылу.
– Знаю, конечно.
– Да. Вот думаю, продолжать? Я вообще перечислил сейчас только часть стей-бихайндовского датабейза. Но, можно сказать, все это мелочи, по одному

или по два убийства за раз, заметки для хроники. Все это печатается и забывается. Мы знаем прекрасно, газеты на то и существуют.
– На что?
– На то, чтобы не закреплять в общей памяти, а выводить из общей памяти новости. Что-то случается… приходится обнародовать… народ может, вообще-то, превратно понять… Ну, в этих случаях хорошо открывать газету заголовком на четыре ряда на первой полосе, чтобы волосы у читателей сразу дыбом встали. Мать зарезала четверых младенцев. Наши сбережения превратятся в пыль. Найдено оскорбительное послание от Гарибальди к военачальнику Нино Биксио. Бах, бах, а настоящая-то новость тю-тю, уже потонула в водовороте информации. Однако я попробовал раскопать, чем действительно проявили себя «Гладиаторы» в Италии с шестидесятого по девяностый год. Что только не раскопалось! Много чем они себя проявили. Ввязывались по самую шею в террористическое движение правых экстремистов. Замешаны в знаменитом кровавом покушении на пьяцца Фонтана в шестьдесят девятом. В эпоху студенческого бунтарства шестьдесят восьмого, в эпоху забастовок и волнений на фабриках, которую у нас любили именовать всякий год «горячей осенью», кое-кто из них дал себе полную волю…
– Понимая, что любую террористическую акцию можно навесить, в порядке подозрения, на левых.
– Да, Колонна. «Гладиаторы» полновесно присутствовали и в пресловутой масонской ложе П-2, которую организовал…
– Личо Джелли.
– Личо Джелли. Мы приближаемся к самым существенным моим выводам. Ведь не могла же (подумал я) организация, противостоящая советскому влиянию, только устраивать теракты и ничего не организовывать? И я решил подключить материал из истории. Взялся за князя Юнио Валерио Боргезе…
Тут Браггадоччо высыпал на меня новую кучу эрудиции, выдранной, естественно, из газет. Поскольку в шестидесятые немало всего напубликовали о возможных военных заговорах и переворотах, «бряцании саблями», я тоже помнил, например, разговоры о путче, о несостоявшемся путче генерала Де Лоренцо.
Но Браггадоччо вытащил и другой путч – забавный, – так называемый путч лесников. Гротескная история. Верно ли помню, что из нее в свое время сделали кинокомедию?
Значит, так. Юнио Валерио Боргезе, называемый также Черный Принц, командовал Десятой флотилией МАС. Боргезе был безусловно не трус. Это о нем всегда говорится. Фашист – некуда пробу ставить. Естественно, геройствовал в Республике Салу, и никому не удастся объяснить нам, почему в сорок пятом году, когда всех расстреливали не разбираясь, ему удалось не только выжить, но и продолжать существовать с тем же видом бравого вояки, в берете набекрень, с автоматом у плеча, в брюках гольф, как это там у них, фашистов, считается модным, и с такой наглой рожей, что, будь он в штатском, вы бы не доверили ему и ломаного гроша.
Вот в 1970 году этот Боргезе и решил, что наступил наконец момент для смены государственной власти.
Браггадоччо предполагал, что путем простого подсчета было найдено, что Муссолини, приведись ему прийти на царство из своего секретного тайника, к этому времени был бы уже в возрасте восьмидесяти семи лет, и тянуть время в общем-то не имело смысла, ибо и в сорок пятом он уже выглядел серьезно потрепанным.
– Иногда я просто не могу, до чего его жалко, – не утихал Браггадоччо. – Ты подумай, бедняга! Ладно уж, если отсиживался в Аргентине, где… даже притом что об этих их бифштексах полупудовых он все равно и думать не мог из-за язвы желудка… но хотя бы любовался на бескрайнюю пампу! С другой стороны, даже и бескрайней пампой поди пролюбуйся подряд двадцать пять лет… Тем не менее это лучше, чем просидеть двадцать пять лет в Ватикане с разрешением на прогулку раз в день под вечер в преподобном огородике. Протертый супчик каждый день подает на стол монахиня с усами. И это потеряв Италию, потеряв любовницу, не имея возможности обнять детей! Бог знает, что мечталось обвисавшему на подлокотниках кресла, обсасывавшему былую славу, о целом белом свете узнававшему из черно-белого телевизора, в то время как замутненный годами мозг, покалываемый сифилисом, то и дело восстанавливал в смутной грезе толпу под балконом палаццо Венеция и летние «битвы за урожай», когда, обнаженный по пояс, он картинно молотил зерно перед кинооператорами, целовал бутузов, а их бурные мамаши брызгали пеной из уст, лобзаньями покрывая его самого… И помнил о полуденных часах в зале Глобуса, куда камердинер Наварра вводил ему трепещущих буржуазок, а он, едва приотстегнув ширинку, крыл их, прислоняя к письменному столу, осеменял в секунду, с их сучьими повизгиваниями, о мой дуче, мой дуче… Он вспоминает все это в кресле и таращится, пучится, пыжится, пускает слюни, уд его давно

увял, ему вводят в уши сказки о возможном восстановлении власти…
Тут мне вспомнился анекдот о Гитлере, по тому же стандартному сценарию Гитлер скрывается в Аргентине, неонацисты уговаривают его снова вылезти, снова завоевать мир, Гитлер мнется, никак не решается, все же как-то… уже не те года… Потом все-таки старые чувства перевешивают, и Гитлер говорит: «Хорошо, но на этот раз я нежничать не стану. Договорились?»
– И, – заливался Браггадоччо, – в семидесятом году сложились такие условия, что, по всей видимости, переворот должен был получиться. Во главе специальных служб состоял тогда генерал Мичели, тоже из масонской ложи П-2, через несколько лет его выбрали депутатом от «Социального движения», ну, от неофашистов. Хе! Не помешало, как видим, разбирательство по вопросу заговора Боргезе. Как миленького выбрали, он тут недавно в полной благости скончался, пай-мальчик, пару лет назад. Вдобавок хорошо информированные люди мне сказали, что через два года после заговора Боргезе Мичели передали задолженные восемьсот тысяч долларов из американского посольства, а за что и почему задолжали, узнать нельзя. Как видим, Боргезе мог вполне рассчитывать на поддержку на самых верхах, а также рассчитывать на «Гладиаторов», плюс на объединение ветеранов-фалангистов, уцелевших в гражданской войне в Испании, плюс на масонские круги. Говорили также, что в компании нашла свое место и мафия. Она, понятно, находит место всюду. Туда же примазался и вездесущий Личо Джелли. Он славно мутил воду среди карабинеров и высшего армейского командования, и без того кишевшего масонами. Давай пройдем пунктирно всю историю Личо Джелли, она принципиальна для моей теории.
– Ну если принципиальна…
– Принципиальна, увидишь. Джелли не отрицал, что в прошлом он воевал в Испании, а также в рядах Социальной Республики, причем его должность называлась «офицер связи с СС». И он же налаживал контакты с партизанами, а после войны подвизался в смычке с ЦРУ. Он просто не мог не иметь самого прямого отношения к «Гладиаторам». Теперь, вот еще записано: в июле 1942 года, когда он был инспектором фашистской партии на национальном уровне, он ввез в Италию казну царя Петра Второго Югославского, в казне было шестьдесят тонн золотых слитков, две тонны старинных монет, шесть миллионов долларов, два миллиона реквизированных британских фунтов. Это вернули югославам только в сорок седьмом году, но сокровище успело уменьшиться на двадцать тонн слитков. Говорили, Джелли умыкнул их в Аргентину. А? Каково? В Аргентину, ты слышал? Там у него была дружба не разлей вода с самим Пероном и, как будто мало этого, еще и с генералами ранга Виделы. В Аргентине они сделали ему диппаспорт. Кто с ним ездил в Аргентину? Умберто Ортолани, правая рука, его доверенный связной с кардиналом Марцинкусом. Нет, ты слышишь? Снова дорога ведет нас в Аргентину, где проживает дуче и где подготавливается его возвращение на престол. Это, сам понимаешь, стоит денег. Нужно организовывать логистику и поддержку на местах. Джелли, видишь, центральная фигура в плане Боргезе.
– Что ж, выглядит убедительно…
– Не выглядит, а так и было. Тем не менее полчище Боргезе было типичное, что говорится, с бору по сосенке. Ностальгические дедушки (самому Юнио Валерио было за шестьдесят), выползки из регулярной армии и почему-то целые табуны лесников. Только не спрашивай, почему именно лесников. Думаю, в войну сгорели леса и лесникам просто стало нечего делать. У этой рати чесались руки, как бы что-нибудь гадкое отчебучить. Из документов судебного процесса явствует, что Личо Джелли было поручено взять в плен президента республики. Это тогда был Сарагат. Один судовладелец в Чивитавеккье готов был предоставить танкеры для перевозки на Липарийские острова всех лиц, арестованных при перевороте. Ты не поверишь, кого они еще разыскали и приобщили! Отто Скорцени, легендарного фашистского аса…
– …который выкрал Муссолини из заключения на Гран-Сассо в девятьсот сорок третьем году…
– Конечно! Оказалось, что он на полном ходу. И почему послевоенные чистки его, как и Боргезе, не затронули – это бог весть. На ходу и на связи с цереушниками. Его роль была – договориться, чтобы перевороту не помешали Штаты, при гарантии, что власть будет передана военной хунте «центро-демократического» окраса. Красиво, что скажешь?
– Лицемеры.
– Да, лицемеры. Но что никакие расследователи не огласили – это что Скорцени, естественно, не терял связи с Муссолини, с тех пор как его выкрадывал из тюрьмы. И что именно Скорцени, скорее всего, уполномочивался переместить дуче из тайника на верх власти. Это бы создало дополнительный геройский флер, который для переворота – необходимое дело. В общем, результат задуманного зависел от триумфального возвращения Муссолини. Теперь, пожалуйста, внимание! Очень важно! Путч программировался на

шестьдесят девятый год, понял? И на тогда же планировался взрыв в банке на площади Фонтана.
– Который действительно был.
– Ну да. Это явно было так нарочно и подготовлено, чтобы нагнать подозрение на итальянских левых и психологически подвести общественное мнение к настрою на «пусть будет порядок!». Путч перепланировали на семидесятый. Боргезе должен был начать с захвата министерств внутренних дел и обороны, с телевидения, связи (радио и телефоны) и с взятия под стражу всей оппозиции, присутствующей в парламенте. Это, имей в виду, не домыслы. Не мои домыслы. Существует текст выступления, который Боргезе должен был прочитать в первой передаче радио. В таком духе, что: «Вот наконец долгожданные политические перемены! Правивший двадцать пять лет подряд класс довел Италию до катастрофы в экономическом отношении и в отношении моральном. Вооруженные силы и силы охраны порядка помогают нам преобразить лицо страны. Итальянцы! (Предполагалось, так заключит свою речь Боргезе.) Итальянцы! Передавая в ваши руки наш достославный трехцветный стяг, пусть же ваши голоса вольются в наш неукротимый гимн любви! Вива Италия! Да здравствует Италия!» Согласись, риторика в точности муссолиниевская.
Седьмого и восьмого декабря семидесятого года, продолжал Браггадоччо, Рим наполнился сотнями заговорщиков. Им раздавали вооружение и патроны. Два генерала гарантировали свое присутствие в Министерстве обороны. Летучий вооруженный отряд лесников засел поблизости от телевизионной вышки. В Милане готовился налет на пролетарский коммунистический район Сесто-Сан-Джованни.
– Да что ты!
– Я тебе точно говорю! Но тут случилась неожиданность. В то время как все это разыгрывалось буквально по нотам и Рим был уже, можно сказать, в полном порядке, в руках путчистов, Боргезе разослал везде и повсюду весть, что операция прерывается. Официальные источники впоследствии утверждали, будто государственный управляющий механизм воспрепятствовал заговору и одержал верх. Но, по-моему, в этом случае они могли бы и превентивно арестовать Боргезе за день до катавасии, не дожидаясь, покуда лесники окопаются повсеместно в Риме.
Как ты ни объясняй, налицо объективный факт: вся эта оргия тихонечко рассосалась, путчисты разошлись, не протестуя, Боргезе отбыл благополучно в Испанию, а зацапать себя позволили совсем уж полные дураки. Но и этих отправили «под надзор» в уютные частные клиники, и ко многим, пока их там вылечивали от бузотерства, приходил сам Мичели, обещая кучу благ в обмен на безоговорочное молчание. Подтверждения всего этого есть. В парламенте были проведены расследования. Однако пресса ничего не осветила вообще, и до общественного мнения дошли какие-то ничтожные отголоски лишь три месяца спустя или около того. Что там произошло, я знать не интересуюсь. Меня интересует только один аспект. Путч, так дивно подготовленный, почему-то сам собою неожиданно отсох, серьезнейшее предприятие свелось к фарсу. Почему, скажи, это случилось?
– Ты скажи.
– Я скажу. Только я один поставил такой вопрос. И уж точно лишь я знаю ответ. Ответ ясен как божий день. Просто-напросто Муссолини, который прибыл уже, который готов был уже явить торжественно себя ликующей нации, вдруг неожиданно пал в самый торжественный момент. Ну, умер. В его года, при таком волнении и при том, что его перемещали с места на место, как почтовую посылку, все могло случиться. Потому захлебнулся путч. Харизматический символ исчез. На этот раз исчез без дураков, в самом деле. Через двадцать пять лет после лжегибели…
Как блестели глаза Браггадоччо, с ума сойти. От них падали блики на гирлянды черепов, окружавших нас. Руки тряслись. На губах пенилась белая слюна. Он схватил меня за плечи и тряс, как куль.
– Ну, Колонна, как тебе моя реконструкция фактов?
– Погоди, там же было разбирательство, процесс…
– Ерунда, а не процесс. Андреотти сделал все, чтобы прикрыть и скрыть. В тюрьму попали самые мелкие сошки. Нет, ты вот вдумайся, что я тебе тут втолковываю. Я втолковываю, что все известное нам до сих пор – ложь. Величайшая дезинформация. Мы прожили в грандиозной лжи все эти последующие двадцать лет, по сегодня. Я говорю: никогда не верь, что бы ни рассказывали тебе…
– И это твоя главная мысль?
– Что ты! История, которую я решил разобрать, не окончена. Из этой рождается другая. Я мог бы, понятное дело, не браться за нее, если бы она впрямую не вытекала из последствий этой смерти Муссолини.
– В каком же смысле?
– Вот смотри. Смотри! Нами доказано, что дуче больше нет. «Гладиаторам» о

власти нечего мечтать. Советское нашествие все менее вероятно. Началась разрядка. Разрядка международной напряженности. Тем не менее, заметь, организация «Гладиаторы» не распускает себя. Наоборот, она все четче, все оперативнее организовывается именно-таки после смерти Муссолини, в течение лет.
– С чего, почему?
– Потому что на первый план выходит другая, новая идея. Не ставить новое правительство, не сбрасывать старое. Нет! «Гладиаторы» вошли в контакт со всеми тайными силами, дестабилизирующими Италию. «Гладиаторы» все сделали, чтобы остановить продвижение левых сил и подготовить страну к наступлению репрессий иного плана, замаскированных, овеянных каким угодно флером законности.
Ты слушай, Колонна, вот я тебе по порядку рассказываю.
– Я слушаю…
– Да. Полагаю, ты не можешь не знать, что до путча прошло совсем немного серьезных покушений, терактов. Площадь Фонтана… вот, в общем, и все! А как раз в том году появляются первые подпольные «Красные бригады». Вот! И в последующие года начинается терроризм.
Следи сам. Семьдесят третий: взорвали миланскую квестуру. Семьдесят четвертый: бомба на площади Лоджия в Бреши плюс еще одна мощная бомба в поезде «Италикус», Рим – Мюнхен, двенадцать погибших и сорок восемь пораненных, и причем, обрати-ка внимание, на борту должен был находиться не кто иной, как Альдо Моро! Альдо Моро уже был на борту, но сошел перед отправкой, потому что из министерства подбежали с какими-то неотложными бумагами. Через десять лет, пожалуйста, еще один взрыв, такой же точно. На поезде Неаполь – Милан. И я не говорю про покушение на Альдо Моро, похищение Альдо Моро, поскольку там черт ногу сломит, никому не понять, что происходило на деле.
– Да.
– Но этим же не исчерпывается! В сентябре семьдесят восьмого года, через месяц после избрания, при таинственных обстоятельствах преставляется свежеиспеченный папа Альбино Лучани. Инфаркт ли был там, инсульт ли был там, что бы ни говорили, но из комнаты папы святым духом исчезли все личные вещи, форменным образом: очки, тапочки, записки и флакончик эффортила, который старичок принимал каждый день от низкого давления. И зачем, я вас спрошу, потребовалось их убирать? Разве низкое давление само собою не могло его отправить на тот свет? Почему самым первым в комнату вошел кардинал Вийо? Да, он государственный секретарь. Но есть же известная книга Яллопа, в ней приводятся примечательные факты. Похоже, папа задал несколько вопросов по поводу деятельности поповско-масонской камарильи, которой управлял именно-таки Вийо с кардиналами Агостино Казароли…
– Зам главного редактора «Оссерваторе романо»…
– Точно. И директор «Ватиканского радио». И, куда уж без него, ватиканский банкир Марцинкус. Безраздельно главенствовавший в ИОР, банке Ватикана. А банк-то, кто бы мог думать, жил за счет налоговых неплательщиков и отмывателей грязных денег, покрывая в придачу тайные финансовые операции таких господинчиков, как Роберто Кальви и Микеле Синдона. Которые – вот те новость! – в скорейшем времени и довольно красочно скончали свой жизненный путь. Одного нашли повешенным под мостом Черных Братьев в Лондоне, а другого отравили в тюрьме. На письменном столе опочившего папы был найден журнал «Иль Мондо», открытый на расследовании по поводу ватиканского банка. У Яллопа шесть подозреваемых на примете: Вийо, чикагский кардинал Джон Коди, Марцинкус, Синдона, Кальви, итого пять, и шестой – наш Личо Джелли, герой рассказа, магистр П-2, тайной масонской ложи.
– Но «Гладиаторы» где?
– Не «Гладиаторы», так другие аферисты. Что до Ватикана, он, как ты помнишь, отличился, предоставив поддержку и убежище Муссолини. Может быть, Лучани обнаружил как раз вот это. Пусть даже через несколько лет после настоящей, не фиктивной, гибели дуче. Может, папа задумал вывести на чистую воду эту свору, то и дело вылезавшую с планами путчей с послевоенного периода и по сегодня? Добавлю также, после гибели папы Лучани материалы, по идее, попали в руки Иоанна Павла Второго. Через три года и его попытались убрать «Серые волки». Те самые волки, из которых, я рассказывал, вербовался стей-бихайнд в Турции… Папа, помнишь, простил волка. Тот раскаянный сидел в темнице. Тем не менее святейший перетрухнул и решил больше в неподобающие дела не лезть. Тем более что Италия его вообще не волновала, и задача его была – подавить протестантов в третьем мире. Ну и они его не трогали. Как тебе все это, кажется убедительным?
– Мне кажется, тебе свойственно желание обязательно найти заговор в любой ситуации.
– Мне? При чем тут я? Официальные юридические улики! Нужно только уметь

находить улики в архивах. Другое дело, что их прячут, маскируют попутными новостями. Вспомни, Петеано. Май семьдесят второго, Петеано, в районе Гориции. В полицейский участок позвонили: на улице стоит «фиат-500» с двумя пулями в лобовом стекле. Три карабинера, прибыв на место вызова, дотронулись до багажника, все взлетело на воздух. Грешили на «Красные бригады», доказательств не было, годы шли, и вдруг выплыл из небытия некий Винченцо Винчигуэрра. Парень не промах. Скрывается от ареста по совершенно другому делу в Испании, его покрывает международная антикоммунистическая сеть «Ажинтер пресс», мы о ней говорили – стей-бихайндовцы, убийцы Мондлане, помнишь? Прибыв в Италию, связавшись еще с одним правым террористом, Стефано Делле Кьяйе, Винчигуэрра примкнул к «Национальному авангарду», скрывался, мотался то в Чили, то в Аргентину, но в 1978 году самостоятельно дошел до мысли, что борьба против государства безрезультатна, и сдался итальянским властям. Он нисколько не раскаивался, это важно сказать особо. Он считал, что его прошлая деятельность – правильная. Это важно сказать особо. Потому что возникает существенный вопрос: зачем тогда Винчигуэрра сдавался?
– Да, зачем?
– У меня есть объяснение. Он искал популярности. Маньяки довольно часто подбрасывают улики на себя. Они в глубине души хотят провала, хотят оказаться на первых полосах газет. И когда этот Винчигуэрра открыл рот… Признания, признания! Среди прочих признаний он публично взял на себя и Петеано, поставив в сложное положение органы правопорядка, которые тогда, по утверждению Винчигуэрры, его прикрыли. Ну а в восемьдесят четвертом году один судья, Кассон, обнаружил, что применявшаяся в Петеано взрывчатка была вынута непосредственно из тайника, заложенного «Гладиаторами», и самое восхитительное, что о существовании этого тайника доложил ему… Ну никогда не угадаешь кто! Андреотти! То есть премьер-министр знал и не проронил ни слова!
До того один эксперт, работавший на полицию Италии (оказалось, член «Нового порядка»), предоставил суждение, что задействованные взрывные устройства аналогичны тем, что были на вооружении «Красных бригад». Тот же самый судья Кассон доказал, что вещество, ну то есть взрывчатка, по составу идентично используемому в арсенале армии НАТО.
В общем, та еще интрига. Однако, куда ни кинь, из НАТО они, или из «Бригад», но связаны с «Гладиаторами»! Да и это, имей в виду, не конец сюжета. Доказали, что «Новый порядок» прямо связан с итальянской военной секретной службой СИД. Согласись, что военная секретная служба, которая взрывает трех карабинеров, конечно, делает это не из вражды к карабинерскому сословию, а чтобы бросить тень на левых политиков. Кое-что я дальше пропускаю… Я пропущу расследования, контррасследования. Винчигуэрра получил пожизненное. Из заключения он продолжал изливать поток признаний и рассказов о стратегии напряженности. Включил в цепочку и болонский теракт… Вот видишь, между всеми покушениями имеются связки, мне это не снится… Винчигуэрра признался, что и взрыв на площади Фонтана в шестьдесят девятом был запланирован, чтоб заставить тогдашнего президента Италии Мариано Румора объявить чрезвычайное положение. И еще, вот я цитирую, я тут выписал: «Никакого подполья не может быть без хороших денег. Никакого подполья без настоящей поддержки. Я бы мог искать себе денег и поддержки, как другие, где-нибудь на стороне, например у тайной полиции Аргентины. Или у организованных преступников. Но по своей натуре я не сексот и не уголовник. Чтобы обрести настоящую свободу, у меня один путь. Это – сдаться и признаться во всем». Видел логику? Логика сумасшедшего. Логика нарцисса. Однако факты-то этот нарцисс, Винчигуэрра, называет неподдельные.
– Ну и?..
– Ну и вот моя история в полном и связном виде. Муссолини считался мертвым, но он маячил за всеми итальянскими секретами. С конца войны, с сорок пятого. А потом его смерть… настоящая смерть, я имею в виду… положила начало самому ужасному периоду истории Италии. Стей-бихайнд, ЦРУ, НАТО, «Гладиаторы», ложа П-2, мафия, секретные службы, верхушка военного командования, министры (Андреотти), президенты (Коссига) и, естественно, созвездия всяких террористических союзов, левых экстремистских союзов, насквозь прошитых провокаторами и сексотами. Моро был похищен и убит, потому что что-то знал и мог кого-то назвать. Прибавь еще и мелкие нарушения закона, внешне как будто не связанные с политикой…
– Убийство на улице Сан-Грегорио, мыловарщица, монстр с улицы Салария…
– Нечего ерничать, Колонна. Может, эти преступления и не связаны с Муссолини, похоже, они – типичный криминал времен послевоенной разрухи. Но во многих других случаях наиболее, что говорится, экономичное объяснение упирается в одну и ту же персону, руководившую всеми и каждым с балкона палаццо Венеция. Руководившую, хотя никто ее не видел. Скелеты, – и

Браггадоччо тыкал в наших безмолвных соглядателей, – способны вылезать ночами, отплясывать данс-макабр. Есть многое на свете, друг Колонна… Но правда и то, что по исчезновении советской угрозы «Гладиаторы» официально были распущены, Коссига и Андреотти открыто высказались об этом тайном сообществе, как раз чтобы свести дело к рутине. Что-де речь шла о вещи заурядной, учрежденной с согласия властей. Об ординарной такой самоорганизации патриотов, наподобие давешних карбонари. Поди вот и дознайся: распустили тогда «Гладиаторов»? Или они из непробиваемых, непотопляемых, вечно фырчащих где-то в тени?
Тут он поежился, заозирался:
– Лучше бы нам уйти, не нравятся мне эти японские туристы. Нашпионят еще, моргнуть не успеем, азиаты повсюду, Китай нам еще покажет. Они теперь на всех языках понимают.
Вышли, и жадными легкими я втянул сколько сумел вечернего воздуха.
Я спросил:
– И у тебя подобраны справки на все?
– Я говорил с суперинформированными людьми. Спросил совета, кстати, у нашего с тобой коллеги Лючиди. Не знаю, ты в курсе ли, но он на связи с секретными службами.
– Я в курсе, я в курсе. И ты тем не менее ему доверяешь?
– Эти люди привыкли молчать, не беспокойся. Мне нужны еще считанные дни, собрать неопровержимые доказательства. А потом я отправлюсь к Симеи и вывалю ему весь улов моей рыбалки. На двенадцать полосных выпусков в двенадцать нулевых номеров.
Вечером, проветриться от костей Святого Бернардино, я повел Майю в хороший ресторан. И говорили мы не о «Гладиаторах». И мы не брали там бараньих ребрышек, не обгладывали хрящей и мертвых костей.
Глава XVI
Суббота, 6 июня
Браггадоччо утих на несколько дней. Видать, записывал. В четверг он прошушукался о чем-то с Симеи у того в кабинете все утро. Вышел около одиннадцати, Симеи высунулся и напутствовал:
– И очень глубоко проверьте все детальки, пожалуйста. Мне бы хотелось бить наверняка.
– Да не извольте беспокоиться, – благодушно пророкотал Браггадоччо. – Сегодня встречусь с одним доверенным лицом, и доведем до ума все это.
Все прочие в редакции занимались первым нулевым номером. Предлагали, что могли: спорт, загадки, кроссворды, кое-какие опровержения, гороскопы и траурные объявления.
– И все же сколько бы мы ни придумывали, – брякнул вдруг Костанца, – все равно не заполним двадцать четыре страницы. Вы как хотите, а нужны все же новости. Давайте выдумывать новости.
– Слышите, Колонна, – сказал Симеи. – Поработайте с ним, Колонна, пожалуйста.
– Новости не нужно выдумывать, – сказал я в ответ. – Их нужно брать из вторсырья.
– Вторсырья?
– Вторичное использование. Никто ничего не помнит. Грубо говоря, имеет прямой смысл периодически оповещать читателей, что Юлия Цезаря закололи в середине марта, в мартовские иды. В Англии недавно опубликовали популярную биографию Цезаря. Выпустили отдельной книгой с удачным названием «Ошеломительное открытие ученых из Кембриджа. Цезаря действительно убили в иды». В книжке подробно изложены события из школьных учебников, распродается – обалдеть. В общем, если мы расскажем снова по порядку всю махинацию с богадельней Тривульцио, а рядом смонтируем материал о махинациях Римского банка… Римский банк был давно, в конце девятнадцатого века. К сегодняшним скандалам не имеет отношения. Но скандал рифмуется со скандалом. Один намек, и вся история Римского банка оказывается точно тем же, что мы имеем тут сейчас. Лючиди из этого сделает конфетку, я уверен.
– Ну давайте, – пропел в ответ Симеи. – Что еще, Камбрия?
– Новостное агентство. Лента. Еще одна мадонна заплакала в деревушке на юге.
– О, то что надо. Вот и сенсация сама идет в руки, пишите.
– О предрассудках… О повторяющихся клише… Ложном чуде…
– Да нет, все наоборот. Мы не научный бюллетень атеистов-рационалистов. Публика любит чудесное. И публика терпеть не может этот ваш интеллигентский скептицизм. Рассказывайте чудо как есть. Это вовсе не значит провозгласить, будто газета верит в истинность чуда. Просто изложим факт как он есть, как будто с чьих-то слов, как будто кто-то из нас наблюдал собственными глазами за фактом. Плачут ли мадонны, нас не касается. Это уже частности. Кто хочет верить, пусть верит. Заголовок на всю полосу.

Все с азартом навалились на клавиатуры компьютеров. Я прошел в двух шагах от Майи, сопевшей над похоронными объявлениями, и шепнул ей:
– Бок о бок с неутешным семейством, обретаясь в глубоком горе…
– …верный Филиберт открывает объятия скорби ненаглядной Матильде и дражайшим Марио и Серене, – парировала она.
Я подбадривающе хмыкнул.
Вечер был проведен вдвоем, у Майи. Забитая книгами нора превратилась в чертог любви, осененный благовспомоществованием Амура.
Среди книжных стопок были и горы дисков, в основном классическая музыка, винил, от деда. Мы их заводили, слушали. Майя поставила Седьмую Бетховена и растроганно вспоминала, как в отрочестве ее доводила до слез вторая часть.
– Мне было шестнадцать лет. Денег не было, но было знакомство с билетером. Тот пускал на свободные. Я садилась на ступени. На втором часу музыки я на них почти лежала. Дерево было жесткое, но ничего страшного. И на второй части, на «Аллегретто», я понимала, что вот так мне хотелось бы умереть, вот умереть прямо тогда… Обычно я плакала. Полудетская дурь. Но продолжаю лить слезы даже сегодня, когда я взрослая и умная.
Лично я ни разу при слушании музыки не плакал, однако Майины слезы меня заразили.
Через несколько минут Майя продолжила:
– В отличие от этого… ни рыбы ни мяса…
– Это кто такой – ни рыба ни мясо?
– Шуман, разумеется, – ответила Майя, с удивлением поглядев на меня. Новое проявление аутизма, я уж привык, но каждый раз вздрагиваю.
– Что ты так о Шумане?
– Да ну его. Романтические сопли. В ту эпоху так полагалось. Он все вытаскивал из головы, не из сердца. В конце концов в голове ничего не осталось. Совсем с ума сошел. Неудивительно, что жене он надоел и она влюбилась в Брамса. Брамс – другой класс, другая музыка, и жил он полной грудью. Не то что Роберт. Хотя, уточняю, я не то чтобы совсем дико-дико против Роберта, талант я за ним признаю, не то что за всякими фанфаронами.
– А кто фанфароны?
– Фанфароны, самохвалы, вроде Листа или этого, как его, сумбурника, Рахманинова. Средние сочинители. Все у них для эффекта, для денег, типа концерт для простаков в до мажоре. Их нет среди моих пыльных пластинок. Я их всех повыбрасывала, пустобрехов.
– А получше Листа? Кто заслуживает у тебя похвалы?
– Ну, Сати, кто еще.
– Но Сати, я думаю, не доводит тебя до слез.
– Да не нужны Сати мои слезы. И вообще у меня слезы только для второй части Седьмой симфонии.
Подумав, Майя тряхнула головой и добавила:
– И для некоторых вещей Шопена. Но, естественно, не для концертов.
– Почему «естественно»?
– Потому что как только Шопен вставал от рояля и переходил к оркестру, у него кончался завод. Струнным, духовым, ударным – всем он подсовывал фортепьянные партии. Ой, а ты помнишь фильм Корнела Уайлда, как Шопен брызгает капельками крови на клавиатуру? Что же, если он оркестром дирижировал, он брызгал своими капельками крови на первую скрипку?
Майя не переставала удивлять меня всякий раз. Она, кажется, была в состоянии объяснить даже музыку! Даже мне! Вот что значит новаторские методы!
Это был последний из счастливых вечеров.
Вчера я проспал все на свете и явился в контору в разгар редакционного утра.
Войдя, я обнаружил, что какие-то в мундирах копаются в столе Браггадоччо, а еще один, в костюме (но вполне мундирной внешности), похоже, разворачивает за столом допрос по полной форме.
Симеи стоял на пороге кабинета с землистым лицом. Камбрия подошел и прошелестел мне тихо на ухо:
– Убили Браггадоччо.
– Как? Браггадоччо? Когда?
– Его нашел ночной сторож сегодня утром, в шесть часов, сторож на велосипеде возвращался домой, поперек дороги труп лицом вниз, в спине рана. В это время все закрыто. Ну, в конце концов он отыскал открытое кафе с телефоном и вызвал полицию. Ножевое ранение. Их судебный врач определил: один удар, нанесен с большой силой. Нож они потом выдернули и унесли.
– Где это случилось?
– В переулочке каком-то, на углу улицы Торино. Не то улица Баньяра, не то Баньера…
Тот шинельный, который в штатском, подошел ко мне и представился: сотрудник

государственной безопасности.
– Когда вы видели Браггадоччо в последний раз?
– Тут вот, в конторе, как и все, я его вчера и видел. Он распрощался и ушел из редакции один, и выходил первым.
Он задал еще естественный рутинный вопрос, как я провел вечер. Я сказал – поужинал в обществе одной приятельницы, а когда пришло время ложиться спать – пошел спать. У меня не имелось алиби, но, похоже, ни у кого из присутствовавших алиби не имелось тоже и инспектора это вовсе не волновало. Просто, как обычно говорят в кинодетективах, рутинный вопрос.
Ему явно хотелось знать, были ли у Браггадоччо недоброжелатели и вел ли он опасные журналистские расследования. Я, естественно, и не подумал вводить его в курс задушевностей Браггадоччо. Никого не собираясь покрывать, я все-таки сознавал, что закалывать ножом Браггадоччо могло иметь смысл лишь для тех, кого обеспокоил характер его разысканий, а если я обнаружу, что мне известно хоть что-то, этого хватит, чтобы они захотели убрать и меня. Ни с кем, ни с кем, ни даже с полицией, твердил я себе. Не Браггадоччо ли меня убедил окончательно, что в секретных заговорщиках состояли все, даже тихие лесники? И хотя еще вчера я был уверен, что он просто фантазер, теперь все стало иначе. Смерть придала его разглагольствованиям правдоподобие.
С меня лил пот, но сотрудник в штатском или не замечал того, или отнес на счет трагического момента.
– Нет, я не знаю, – сказал я. – Чем занимался в точности Браггадоччо в последнее время, это может сказать, наверно, доктор Симеи. Это он раздает нам задания. Похоже, что-то он писал о бизнесе проституции. Не знаю, насколько это указание полезно вам.
– Проверим, – сказал следователь и перешел к расспрашиванию Майи.
Майя плакала. Она не любила Браггадоччо, и я это знал, но убийство есть убийство, сильно ударяет по нервам, бедная Майя. Мне не столько было жаль Браггадоччо, сколько ее. Теперь она, вероятно, угрызалась, что ругала и не любила покойника.
Мой взгляд упал на Симеи, тот сделал знак – зайти к нему в кабинет.
– Колонна, – сказал он, усаживаясь за стол. Причем у него тряслись руки. – Вы знаете, чем занимался Браггадоччо.
– Да как сказать, и знаю, и не знаю, на что-то он мне намекал, но толком я ничего не понял…
– Не юлите, Колонна, вы поняли все вполне толком. Браггадоччо зарезали, потому что он собирался предать гласности одну тайну. Я так и не могу понять, что из этой тайны соответствует истине, а что – его домысел, но понятно, что если в его наборе есть сто утверждений, то хотя бы одно из них попало в точку, потому-то ему рот и заткнули. Поскольку он выложил свои открытия не только вам, но и мне, я тоже знаю… хотя и не знаю, что именно я знаю. И знаю, что он делился с вами, поэтому вы знаете… хотя и не знаю, что именно вы знаете. Вывод: оба, вы и я, находимся в опасности.
– В опасности…
– В опасности. И к этому следует добавить кое-что еще. Два часа назад коммендатору Вимеркате позвонили. Он не сказал мне, ни кто звонил, ни о чем ему звонили, а сказал вместо этого, что все наше мероприятие с выпуском «Завтра» начинает угрожать и его безопасности, коммендатора, его собственной, и поэтому он решил срезать под корень все вообще. Он прислал мне чеки, чтобы я их выдал каждому редактору, чеки на зарплату за два месяца, и в каждый конверт положил еще прочувственную благодарность с подписью. Контрактов у них ни у кого не существовало, протестовать у этих редакторов не получится. Вимеркате не знает, что под ударом, Колонна, и вы тоже, но, думаю, вам будет затруднительно в ближайшие дни инкассировать чек, который выписан на вас. Поэтому вот я его рву. Я беру из кассы ликвидную наличность и передаю ее вам. Вот, пожалуйста, вся сумма вам непосредственно кэшем. Офис завтра приезжают размонтировать. Мы же с вами должны забыть и нашу договоренность, и вашу роль, и всякие разговоры про задумывавшуюся книгу. Вы ничего не пишете. «Завтра» кончает свою жизнь. «Завтра» кончается сегодня. И все же, Колонна, мы с вами, кажется, продолжаем чересчур много знать.
– Да Браггадоччо и с Лючиди разговаривал.
– Колонна! Неужели же вы не поняли? В этом же вся беда. Лючиди унюхал, что наш ныне укокошенный друг набрел на что-то там опасное, и быстренько побежал докладывать… Кому? Не знаю, но, безусловно, тому и именно тому, кто и решил, что Браггадоччо знает слишком много. А сам Лючиди, конечно, вне опасности. Он же с другой стороны баррикад. Это мы с вами в уязвимом положении. Скажу вам, какой у меня план. Полицейские уйдут, возьму остаток кассы, сяду в первый поезд в Лугано. Без чемодана. Там есть один известный мне жучок, он мигом выпишет новые документы – загляденье, другое имя,

другой паспорт, другое местожительство, только определиться с местом. И их опередить.
– Кого их?
– Убийц Браггадоччо. Я попросил Вимеркате перевести мое выходное пособие в швейцарский банк. А что до вас, я не знаю, что посоветовать. Что для вас лучше… Лучше всего, я думаю, вам закрыться дома и тихо сидеть. Не шатайтесь по улицам. А потом придумайте, куда вам удобнее сбежать. Думаю, в Восточную Европу. Там уж точно не было стей-бихайнда.
– Думаете, в стей-бихайнде суть? Он же рассекречен давным-давно. Какой Муссолини, какие тайны? Все это просто фарс! В него никто и никогда не поверит!
– А вдруг рассердился Ватикан? Пусть даже все, что говорил Браггадоччо, блеф. Но если бы неожиданно вдруг проскочило в газетах, что церковь покрыла бегство Муссолини в сорок пятом и потом его полвека держала в тайнике… Мало им подгадили Синдона, Кальви, Марцинкус и компания? Пока церковь будет доказывать, что история с Муссолини высосана из пальца, информация расползется по всей международной прессе. Не доверяйте никому, прячьтесь и не открывайте дверь. Хотя бы вот сегодняшнюю ночь. А потом отбывайте куда-нибудь. Денег вам на несколько месяцев хватит. Если поедете, например, в Румынию, там прожиточный минимум – вообще нисколько. Можно жить на медную мелочь. А у вас двенадцать миллионов. Просуществуете в Румынии безбедно. Постепенно что-нибудь придумаете. Будьте здоровы, Колонна, жаль, что все завершилось стремительно. Как в любимом анекдоте нашей Майи про ковбоя из Абилены: «Вот ведь зараза, опять не получилось!» Ладно, давайте считать, что попрощались. Я исчезаю. Стремительно. Как только полицейские уберутся. Я тоже хотел бы исчезнуть стремительно, но чертов следователь все терзал всех вопросами, по-моему, ничего не достигая, а между тем уже спускался вечер.
Я прошел мимо письменного стола Лючиди. Тот открывал конверт.
– Как, получили достаточно за все? – спросил я.
Он явно понял, что я хотел сказать. Глянул на меня снизу вверх и пробормотал:
– Ну а вам-то что наговорил Браггадоччо?
– Что он идет по чьему-то следу. Но не уточнил, по чьему.
– Вот как, не уточнил? Бедняга. Что ж, мы никогда не узнаем, чем он так отличился.
Сказав это, Лючиди отвернулся и занялся другим.
Как только следователь разрешил мне покинуть редакцию, добавив, как положено, «Будьте на связи», я прошептал Майе:
– Иди домой и жди. Но думаю, что я не стану тебе звонить до завтрашнего утра.
Майя огорошенно уставилась на меня, в глазах страх:
– А ты-то с какого боку?
– Ни с какого, разумеется. И не выдумывай ничего, я тебя прошу. Я просто разбудоражен. Как же иначе?
– Но что происходит? Вот, сунули конверт с деньгами, мерси, спасибо за ценную работу.
– Закрывается лавочка. Потом я все объясню.
– А сейчас нельзя?
– Завтра. Объясню все обязательно. Сиди тихо дома. Ну пожалуйста, послушайся, Майя.
Послушалась, хотя глаза были вопросительные и влажные. Я ушел и больше не сказал ей ничего.
Провел вечер дома, есть не ел. Высосал полбутылки виски, размышляя, что же я теперь могу сделать. Принял штильнокс и пошел спать.
А когда проснулся, в доме не капала вода из крана.

Глава XVII

Суббота, 6 июня 1992 года, полдень

Вот. Я восстановил. Выстроил мысли.
Кто эти «они»? Судя по словам Симеи, Браггадоччо сумел собрать какие-то деликатные сведения. Что за сведения? Чем и кого он мог напугать? Муссолиниевская тема? У кого же рыло в пуху? Ватикан? Или путчисты-содружники Боргезе, до сих пор занимающие важные посты в государстве? Прошло больше двадцати лет. Не перемерли? Вероятнее всего, секретные спецслужбы. Но какие, кто, каким образом?
Или нет, это действовал ностальгик-одиночка, последыш, сгусток страхов, все устроил сам, совсем сам. Не исключено, что зарвался и пугнул заодно и коммендатора. С таким видом, будто выступал от имени целого воинства, ну, скажем, «Единой святой апулийской короны». Это, ясное дело, чокнутый. Но когда чокнутый гоняется за тобой персонально, это не большее удовольствие, чем когда гоняется нормальный. Даже, скорее, меньшее.

В любом случае или какие-то «они» всемогущие, или какой-то «он» чокнутый, но эти гости зачем-то посетили мою квартиру ночью. Если вошли раз, значит, так же точно запросто войдут и два. Значит, мне тут не расчет оставаться, и гораздо лучше уматывать.
Однако, все-таки, чокнутый «он» и всемогущие «они» почему-то уверены, будто я на самом деле знаю что-то. Наверное, Браггадоччо убедил доносчика Лючиди, будто я знаю. Донамекался. Или, похоже, не намекал… По вчерашнему разговору с Лючиди, скорее, не похоже.
Что же, я вовсе не под ударом? Нет! Не верю! Под ударом! И под каким! Доберись еще до той Румынии, прекраснодушный мечтатель.
Разумнее будет переждать. Посмотреть, как будут выглядеть газеты завтра. Если в них не будет про Браггадоччо, это очень опасный знак, это будет значить – поступил приказ начисто скрыть произошедшее. Надо мне еще пропрятаться сколько-нибудь.
Где же мне прятаться? Учитывая, что каждый вздох категорически опасен?
У Майи, в Орте.
Мы с ней вели себя так скромно, что, я надеюсь, в поле зрения преследователей Майя не попала.
Она не попала, но телефон-то мой попал!
Из квартиры позвонить не могу. А для звонка из автомата предстоит покинуть квартиру.
Из моего двора есть проход в туалет одного бара. Оттуда в сам бар – и через бар можно выйти на улицу. Есть, кстати, одна ржавая дверь в ограде двора, запертая пятьдесят лет. Помню, от хозяина квартиры при вручении ключей я услышал: «Ну, вот этот вам точно не понадобится. Но последние пятьдесят лет он на связке для жильцов. Поскольку в последнюю войну в нашем строении не было бомбоубежища, здешние люди укрывались в подвале, в соседнем доме, на параллельной, на улице Кварто-деи-Милле. Для этого проделали калитку в ограде, проходить туда прямо. Конечно, от ключа уже ничего не осталось, он проржавел, однако вот еще тут, висит на всякий случай. Как говорится, на пожарный. Хотя, конечно, господи упаси. Можете закинуть его в какой-нибудь ящик».
Ну вот он, пожарный случай.
Первым делом я вошел в бар через туалет. Меня там знают, отнеслись спокойно. Я огляделся. Утро, нет никого. Только пара пенсионеров, муж и жена, завтракают круассанами и капучино. Вряд ли эти пенсионеры – сексоты. Заказал двойной кофе, хорошенько проснуться. Втиснулся в телефонный отсек. Майя сразу схватила трубку, слышно было, что взвинчена, я ее перекричал прямо сразу:
– Погоди, не сходи с ума, сначала послушай. Собери что тебе надо, чтобы пробыть в Орте несколько дней, и садись в машину. За моим домом, знаешь, на улице Кварто-деи-Милле, это параллельная, должен быть въезд для транспорта приблизительно на уровне моего подъезда, не помню точно, какой номер дома. Думаю, въезд там открыт, там склад. Ты въезжай… Или не въезжай, а остановись, жди рядом. Будь там ровно через час. Если въезд будет закрыт, я буду ждать снаружи. Только не опаздывай, мне маячить там нельзя. И не спрашивай. Ничего не спрашивай. Бери скорей сумку и в машину, буду ждать. Я тебе все объясню. За тобой никто не увяжется… Я не думаю… Но на всякий случай тем не менее иногда смотри в зеркальце заднего вида. Если увидишь хвост, попытайся сбросить его. Уходи как сумеешь. На Навильи вариантов немного, поворачивать там запрещено, но при первой возможности виляй в переулки или жми через светофор на красный свет. В общем, я в тебя верю. Действуй, моя дорогая.
Майе цены бы не было в любой грабительской банде. В назначенную минуту она со свистом влетела во двор. Я вскочил в машину, подсказал Майе, куда поворачивать, чтобы быстро, чтобы срезать лишний путь и оказаться в конце проспекта Чертоза, дальше она сама, путь ей был великолепно известен: по автобану до Новары, а потом обычный выход на бесплатную дорогу в сторону Орты.
Мы не говорили ни о чем. Только дома я ей объявил, что, если я ей вот так возьму все и выложу, она тоже окажется в группе риска. Может, спокойнее будет ей ничего не знать?
Майя, конечно, придерживалась противоположного мнения.
– Извини, – сказала она. – Я не знаю, чего или кого ты боишься, но или никому не известно про наш союз, и тогда, разумеется, мне вообще ничто не угрожает, или про наш союз всем все известно, и они сделают вывод, что я обязательно все знаю. Так что давай, выкладывай, иначе кончится плохо, потому что я не буду думать то же, что думаешь ты.
Вот бесстрашная. Мне пришлось рассказать ей все-все. В сущности, Майя была плотью плоти моей, как это определяется в Библии.
Глава XVIII

Четверг, 11 июня
Я сидел взаперти и боялся высунуть нос.
– Перестань, – говорила Майя. – Здесь тебя ну никтошеньки не знает. А те, кто нам с тобой внушает великий страх, они не знают, что ты здесь…
– Ну и что, – отвечал я. – Предосторожностей слишком много не бывает.
Майя стала обращаться со мной как с больным. Напоила успокаивающими таблетками, гладила по голове, а я сидел и сидел у окна, глядя на озеро.
В воскресенье, после приезда, на второй день, она бегала за газетами. Браггадоччо был в разделе хроники, криминальная часть: убит. Без лишних возгласов и подробностей. Убит миланский журналист, он писал репортаж, насколько удается узнать, о бизнесе проституции и, как представляется вероятным, пострадал, скорее всего, от рук какого-нибудь сутенера.
Похоже, что они отрабатывают ту самую версию, которую подбросил следствию я. Плюс, наверное, сработало и свидетельство Симеи. Было ясно, что они перестали заниматься нами, членами редакции. Полагаю, они даже не заметили, что я исчез, да и Симеи… В общем, что мы исчезли. Если они приходили в офис, то увидели, что офис закрыт и съехал. У следователя, я думаю, не было наших адресов. Тоже мне, Мегрэ без пяти минут, гений.
Да и что сказать, зачем Мегрэ мы и вся эта головная боль. Проституточный след представлялся самым простым. Да, Костанца бы мог, ясное дело, возразить, что бизнесом проституции занимался вовсе не Браггадоччо, а он, Костанца. Но, с другой стороны, он мог и поверить, что Браггадоччо каким-то боком соприкоснулся с проституточным бизнесом, а поверив, испугаться за себя самого.
Поэтому Костанца молчал и не расцеплял зубы.
А на следующий день Браггадоччо не просматривался даже и в хронике. Этих случаев на контроле у полиции слишком много. Пострадавший был заштатным репортеришкой. Round up the usual suspects, и делу конец.
В сумерках я мрачно смотрел, как мрачнеет озеро.
Остров Святого Юлия, обычно такой яркий под солнцем, высовывался из вод, точно на картине Беклина «Остров мертвых».
В общем, Майя все-таки вытащила меня «проветриться», и мы двинулись гулять на Святую гору. Я не знал ее, и десятки капелл, карабкавшихся по склону до вершины, открывали мне нутро, где волшебные группы ярко раскрашенных статуй в человеческий рост располагались под потолками, полными ангелов.
Сцены были из жития Франциска.
Но я все видел на особый манер. Нянчившая спеленутого ребенка мать казалась мне пострадавшей в каком-то массовом теракте. Торжественный конклав пап, кардиналов и капуцинов казался очередной сходкой ватиканских банкиров и заговорщиков, решивших поохотиться за мной. Красок, фресок и богоугодных терракотовых сценок имелось в изобилии, но я не думал о царствии небесном. Нет, я читал их как аллегории адских сил, злоумышлявших во мраке. И в жутких фантазиях мне являлись видения: фигуры эти сохли, плоть опадала, их ангельская плоть… Их розовые пухлые телеса на самом деле обманная видимость, облекающая голые кости… Выходили скелеты и по ночам пускались танцевать данс-макабр. А-ля Святой Бернардино на Костях.
Ей-богу, не ведал, что я такой трус. Мне было невероятно стыдно перед Майей. Ну вот, твердил я про себя. Сейчас меня бросит и она. Но образ Браггадоччо, ничком уткнувшегося в грязный асфальт улицы Баньера, не оставлял меня, и я ничего не мог поделать с тем.
Мог только надеяться, что за счет какой-то неожиданной трещины в пространстве-времени (как там это у Воннегута? Хроно-синкластический инфундибулум?) на улице Баньера в один прекрасный момент ночью материализовался Боджа, серийный убийца столетней давности, и напал на Браггадоччо. Но все равно не было объяснения, кто же звонил коммендатору Вимеркате. Именно это я сказал Майе, когда она попыталась все свести по-простому к уличной преступности за три гроша. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять, что покойник склонен был к порокам и вполне мог полезть в какие-то махинации со шлюхами, их услугами, шантажом и прочими прелестями, после чего официальный сутенер мог отреагировать нервно. Очень жаль, но бывает. Как говорили латиняне, de minimis non curat praetor, то есть подобной ерундой серьезные судьи не занимаются.
– Да, – бубнил я. – Но сутенеры не звонят ответственному редактору, добиваясь закрытия газеты.
– Да откуда эта уверенность, что Вимеркате действительно звонили? Может, ему надоело платить всем, кто был связан с этой газетой! Перерасход средств! И вдруг – на тебе! Убили редактора. Ну он и воспользовался, коммендатор, чтобы вообще ликвидировать «Завтра». Всем за два месяца зарплату, вместо того чтоб платить целый год. Или иначе… Ты мне сказал, что Вимеркате учредил «Завтра» с умыслом, ценой закрытия газеты добиться своего включения в клуб избранных уважаемых людей. Давай предположим: сбылось.

Через кого-нибудь вроде Лючиди, или именно через Лючиди, довели до сведения тех самых избранных-уважаемых, что «Завтра» готовит в печать довольно щекотливую историйку. Те взяли трубку, позвонили коммендатору, что ладно, пусть разгоняет свою газетенку, его досрочно примут в клуб. Браггадоччо тем временем погиб независимо от этого. Налетел на криминального психа в переулке. Вот и все со звонком коммендатору Вимеркате.
– Нет, не все. А кто залез, пока я спал, ко мне в квартиру?
– А мы не знаем, залез ли кто-то. Мы знаем только, что ты это утверждаешь. Почему ты уверен?
– А кто воду перекрыл?
– У тебя же кто-то там убирать квартиру приходит?
– Раз в неделю.
– И когда был последний раз в неделю?
– Она приходит по пятницам после обеда. Вот как раз когда нам сообщили про Браггадоччо.
– Ну и? Вот она и могла перекрыть эту воду, потому что капала вода из неисправного душа.
– Я в пятницу вечером наливал воду в стакан, запивал.
– Полстакана! В трубах всегда остается стакан-другой. А потом ты снова пил воду?
– Нет. Я выпил полбутылки виски.
– Видишь? Не хочу сказать ничего дурного, но поскольку Браггадоччо зарезали, а тебя безумно перепугал Симеи, ты и выдумал, что ночью к тебе в квартиру влезали. Успокойся, это закрыла домработница.
– Но Браггадоччо все-таки убили же, убили!
– Убили, да. Но, возможно, по совершенно другим причинам. И, значит, до тебя никому нет вообще никакого дела.
Мы просидели еще четыре дня, перебирая все детали, выдвигая и опровергая гипотезы. Я мрачнел и мрачнел, Майя была чистый шелк, утешала и во всем помогала, постоянно перемещалась из нашей хижины в городок и обратно, приносила продукты и виски: я осушил три бутылки. Дважды предавались любви, оба раза я был как-то нехорош, агрессивен, ласки не приносили радость, а как будто бы служили для отвода нервной злости. Но, несмотря ни на что, я чувствовал, что все больше люблю это ниспосланное мне божье творение. А она из птенчика постепенно превращалась в настоящую волчицу. И, уверен, могла растерзать всякого негодяя и обидчика.
Так и шло, пока, включив телевизор однажды вечером, мы не наткнулись на программу Коррадо Ауджиаса, который показывал документальный фильм Би-би-си «Операция «Гладиаторы».
Зачарованные, безмолвные, мы отсмотрели ленту с начала до конца.
Там было в точности по версии Браггадоччо. Все, что он наговорил в последнее время, и еще столько. Плюс фотографии и документы, свидетельства подлинных лиц. Начиналось с бельгийского стей-бихайнда. Утверждалось, что об организации «Гладиаторы» премьер-министры главных стран, как правило, получали информацию, но не все премьер-министры, а только те, которым доверяло ЦРУ. Например, ни Моро, ни Фанфани этой информацией не владели. На экране бултыхались и прыгали изречения крупнокалиберных шпионов, типа «Обман – это власть тайны, и в обмане – тайна любой власти». В течение всей программы, а она шла два с половиной часа, то и дело выныривал Винчигуэрра с новым разоблачением. Например, что еще во время Второй мировой тайные службы союзников взяли подписку с Боргезе и с боевого состава его Десятой МАС о будущем сотрудничестве с целью отвода советской угрозы.
Многочисленные свидетели с милой простотой докладывали, что это самоочевидно: а кого набирать в такую команду, как эти тайные «Гладиаторы»? Конечно же, экс-фашистов! И что, с другой стороны, ведь в Германии обеспечили же американские спецслужбы жизнь и выживание такому палачу, как Клаус Барбье.
Промелькнул неоднократно Личо Джелли, безмятежно признавая, что да, сотрудничал со службами англо-американцев. Винчигуэрра сказал про него «хороший фашист», а Джелли подробно поведал о своем бизнесе, о своих знакомствах, об источниках информации, без зазрения совести, хотя было ясно, что везде и всегда он вел двойную игру.
Коссига рассказывал, как в сорок восьмом ему, молодому члену «Католической молодежи», выдали американский «стен» и несколько гранат, чтобы действовать в ситуации, если Компартия неадекватно отреагирует на результаты выборов. Винчигуэрра возникал снова, преспокойно добавлял, что все крайнее правое крыло единодушно приняло стратегию напряженности, дабы психологически подготовить широкую публику к введению чрезвычайного положения, и перечислял, как и через кого «Новый порядок» и «Национальный авангард» взаимодействовали с людьми из разных министерств. Сенаторы, уполномоченные на парламентское расследование, невозмутимо повествовали, что спецслужбы и

полиция, как только происходило покушение, запутывали улики и следы, дабы парализовать следственное производство. Винчигуэрра пояснял, что за непосредственными исполнителями теракта на площади Фонтана, то есть за неофашистами Фредой и Вентурой, стоят сотрудники отдела особых поручений Министерства внутренних дел, курировавшие всю акцию; и тут же распространялся о путях и подробностях проникновения «Нового порядка» и «Национального авангарда» в левые группировки с целью подстрекать их к террористической деятельности. Полковник Освальд Ли Уинтер, цереушник, сообщал, что «Красные бригады» не только кишели шпионами, но и выполняли непосредственные приказы генерала Сантовито из СИСМИ. В совершенно запредельном интервью основатель «Красных бригад» Франческини, один из самых ранних арестованных, вдруг ошарашенно себя спрашивал: а не выходит ли, что он сам, действуя по собственному почину, оказался в подчинении чужой воле? И опять, по велению режиссера, возникал Винчигуэрра с откровениями, что-де «Национальному авангарду» вменялось, в частности, распространять маоистские листовки, чтобы нагнетать в обществе страх перед расцветом прокитайской пропаганды.
Один из командиров «Гладиаторов», генерал Индзерилли, без всяких экивоков сообщил, что склады оружия были прямо в казармах карабинеров и что гладиаторы могли приходить и забирать что хотели, точно как в приключенческих романах, предъявляя половинку разорванной банкноты. Все кончалось, как легко предугадать, похищением Моро и разбирательством, как же получилось, что сотрудников спецслужб видели на улице Фани в то утро похищения. Один сексот оправдывался, что его туда пригласил приятель, чтобы вместе пообедать. Непонятно только, что это был за такой обед в девять утра.
Экс-глава ЦРУ Колби, разумеется, отпирался от всего, но другие цереушники в серафическом спокойствии сообщали, скажем, суммы зарплат, полагавшихся от их организации разным лицам, вовлеченным в террористическую деятельность, например пять тысяч долларов в месяц генералу Мичели. Притом с начала до конца программы звучало и повторялось, что все улики – косвенные, что все доказательства – опосредованные, что на их основании невозможно никого приговорить, но что они изрядно смущают общественное мнение.
Мы с Майей оба сидели оцепенев, не в силах пошевелиться и говорить. Разоблачение за разоблачением. Куда похлеще самых экстатических фантазий Браггадоччо.
– Ну да, само собой, – выговорила наконец Майя, – он же тоже не скрывал, что все эти сведения уже давно были обнародованы. А потом, конечно, вытерлись из коллективной памяти. Но стоит пойти в любой архив, в газетный зал – вот и наново составятся фрагменты мозаики. Смотри. Лично я, и в годы учебы, и работая по вот-так-сюрпризам, я читала, конечно же, прессу, а ты что думаешь? Читала, открывала для себя все эти явления и потом прекраснодушно забывала. Раз за разом. Новые разоблачения теснили предыдущие. В данном случае кто-то просто выложил в один рассказ всю кучу вместе. Сначала Браггадоччо, потом Би-би-си. Смешали, перемешали, суперкоктейль. Два суперкоктейля. Не знаешь, который из них ближе к истине.
– Ну, Браггадоччо туда еще подмешал свое фирменное, тему Муссолини, тему папы Лучани.
– Чего же ты хочешь. Браггадоччо был маньяк и видел заговоры всюду. По сути же и Браггадоччо, и передача говорили абсолютно одно и то же.
– О господи боже, господи боже, – сказал на это я. – Не укладывается в уме. На днях зарезали Браггадоччо, чтобы не распространились те самые сведения, которые сейчас, на наших глазах, доведены до сведения миллионов.
– Душа моя, – ответила Майя, – в этом-то наше главное счастье. Если даже некто взаправду, ну, организованные преследователи или отдельно блуждающий шизик, был готов на все, чтобы не распространились те самые сведения или не добавился к ним какой-нибудь мелкий фактик, незаметный фактик, на который мы с тобой не обратили внимания, но представляющий собою важную тайну… Будь это верно, после сегодняшней передачи никому уже не потребуется устранять ни тебя, ни Симеи. Если вы оттащите в газеты то, что вам доверил Браггадоччо, на вас посмотрят как на полных дебилов, потому что вчера все это полностью изложили в телепередаче.
– Да, но им может показаться, что надо заткнуть нам рты, чтоб мы не добавили в ту кучу Муссолини и папу Лучани. О которых по телевизору не говорилось.
– Ну вот представь себе. Пойдешь ты рассказывать про Муссолини. Даже и в версии Браггадоччо это звучало неубедительно. Без доказательств: бред, натяжки. Ну и решат, что ты перевозбудился от тайн, раскрывшихся в телепередаче, и доукомплектовал телесюжет личными фантазиями. Так ты им даже и подыграешь. Скажут: вот посмотрите. Ходят теперь к нам безумцы и добавляют кто сколько может. Слухи и интерпретации, толки и разнотолки

подорвут доверие к передаче Би-би-си. Она тоже покажется беспардонным журналистским бредом или просто паранойей, вроде как про то, что американцы не летали на Луну или что Пентагон скрывает от человечества неопознанные летающие объекты. Новые сенсации в этом духе станут бессмысленными и смешными. Ты помнишь… помнишь название старой французской книжки? «Реальность превосходит вымысел»?
– По-твоему, я свободен?
– Конечно. Кто сказал: правда делает свободными? Эта правда освобождает всех от каких бы то ни было новых сенсаций. По сути дела, Би-би-си решила все проблемы. Кричи сколько хочешь, что римский папа ест на завтрак младенцев или что Мать Тереза Калькуттская подложила бомбу в поезд «Италикус». Тебе скажут, ну да, любопытно, отвернутся и займутся другими делами. Голову готова заложить, что об этой передаче газеты даже не упомянут. Ничто уже нас не зацепит в этой стране. Да и, право слово, чего мы тут только не перевидали. Нашествие варваров, разграбление Рима, истребление Помпеем галлов, шестьсот тысяч убитых в Первой мировой войне, адскую Вторую мировую. Что тут уж меняет сотня-другая человек, на которых потребовалось сорок лет, чтоб их поочередно попереубивать. Двурушничество спецслужб? Кто способен еще впечатляться, помня, что творили шпионы Борджии? В Италии всегда были в моде кинжалы и яды. Такая уж традиция у нашей нации. Что бы до нас ни доводили, мы в ответ – подумаешь! Видали мы дела и похуже. И вообще еще неизвестно, правда ли это. Если нам врали Соединенные Штаты, спецслужбы половины Европы, наше правительство и наши газеты, почему бы не врать Би-би-си? Единственная серьезная проблема гражданина – как не платить налогов. Если в этом у нас удача, пусть те, кто нами командует, делают все что им вздумается. Все равно они интересуются только своей кормушкой. Аминь. Видишь, хватило пары месяцев работы у Симеи, и сколько во мне цинизма.
– Что будем делать?
– Ты перестанешь психовать, а я спокойно схожу и обменяю чек, полученный от Вимеркате. Ты сними что есть там у тебя в банке… Если есть что.
– Есть. В апреле я экономил. Там почти две зарплаты, десять миллионов лир. И еще двенадцать мне выдал на прощание Симеи. Целое богатство.
– Чудесно. У меня тоже есть кое-что на счете. Забираем все и летим.
– Летим? Мы же решили, что нам незачем бежать, за нами никто не гонится?
– Нет, не гонится никто. Но ты что, хочешь дальше сидеть в этом государстве, где в любой пиццерии от соседнего стола тебя подслушивают шпионы тайной полиции, убийцы очередных прокуроров, готовят бомбу – кинуть в прокурора именно тогда, когда по той же улице будем случайно проходить мы с тобою?
– Ох, куда нам, Майя, бежать? Ты же слышала, эта история захватывает всю Европу. От Швеции до Португалии. Куда бежать? В Турцию, к «Серым волкам»? В Америку, где, если даже туда нас пустят, там вообще убивают президентов? И не исключено, что наша итальянская мафия просочилась в самое ЦРУ? Куда ни кинь, всюду клин. Мир таков. Я хотел бы сойти с шарика, но говорят – нельзя, нет промежуточных остановок.
– Милый, ничего. Найдем какую-нибудь страну, где вообще нет секретов. Где все открыто. В Центральной и Южной Америке полно таких стран. Там секреты не прячут. Там известно, кто входит в наркокартель, кто управляет подрывной бандой. Сидишь в ресторане, входит компания, представляются: вот, это с нами подпольный босс по торговле оружием. Красивый, бритый, надушенный. Крахмальная белая рубашка навыпуск. Официанты ублажают. Командир полицейского расчета кланяется. Ну есть же страны без тайн мадридского двора. Все открыто. Что там полиция коррумпирована – у них прописано чуть ли не в уставе. Что правительство пронизано криминальными элементами – сказано чуть ли не в конституции. Банки живут мытьем грязных денег. А кто перестает завозить в страну грязные деньги, лишается вида на жительство. Убивают, да… Но исключительно свои своих. Иностранцам пребывание в таких местах не опасно. Мы сможем найти работу в газете, в издательстве. У меня куча знакомых, выпускающих вот-так-сюрпризные издания. Мне теперь понятно, что вот-так-сюрпризная деятельность – это верх приличия и порядочности. Рассказываешь муть какую-то, все ее воспринимают адекватно. Знают, что муть. Читают, чтоб занять время. Те, чьи сокровенности ты открываешь, уже успели выболтать их всему свету. Поехали, поехали! Испанский выучивается за неделю. Поехали на остров далеких южных морей, мой славный Тузитала.
Сам я, как правило, ни на что не решаюсь. Но при приличном ассисте кое-когда способен забивать голы. Майя, как ни крути, молода, а мне мой возраст придает приличествующую мудрость. Эта мудрость гласит: если ты на свой счет убежден, что ты полный лузер, утешение можно получить только от мысли, что вокруг проигрывают все, даже победители.
Так что я сумел чудесно подкусить Майю.

– Ты не учитываешь, любовь моя, что даже и наша Италия на глазах становится в точности как те сказочные места, куда тебя потянуло. Если вся страна дружно узнала, а потом дружно забыла все, о чем вчера мы слышали по Би-би-си, значит, мы почти избавились от чувства стыда, да, от чувства стыда. Видела ты, как вчера все выступавшие спокойно соглашались, что да, что они делали то и что делали это, и будто бы ждали награды? Без каких-либо недомолвок, намеков, аллюзий, без барочных выражений, этого наследия Контрреформации. Все аферы освещены яркими бликами дня, в стиле импрессионистов. Коррупция дозволяется. Мафиозы в парламенте. Неплательщики в министерствах, а в тюряге сидят албанцы, карманные воришки. Наши порядочные люди продолжают и продолжат голосовать за мерзавцев, потому что они не верят Би-би-си и даже вообще не смотрят программы вроде вчерашней, а смотрят мусор, им подсовывают в прайм-тайм телевизионные распродажи, снятые коммендатором Вимеркате. Если застреливают кого-нибудь, организуются с помпой государственные похороны…

Мы не станем участвовать в их играх, Майя. Я опять начну переводить с немецкого. Ты вернешься в журнал, читаемый в парикмахерской и в зале ожидания у зубного. Вечером будем смотреть старые фильмы. По выходным ездить в Орту. К черту все, к черту всех, пошли они все к черту. Надо только запастись терпением. Окончательно сделавшись третьим миром, наша страна превратится в прелестный уголок. Наподобие Копакабаны. «На Копакабана, вблизи океана, там женщины невозбранно… царя-я-т…»

Майя вернула мне мир. Веру в себя. Лучше сказать, спокойное неверие в мир. Жизнь вполне переносима, если не требовать слишком много. Завтра («завтра» – это словечко Скарлетт О’Хары, я знаю, но цитаты неизбежны, ибо от первого лица разговаривать я не умею), завтра новый день.

Остров Святого Юлия опять засверкает на солнце.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!